

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.А. БАКИХАНОВА**

ИЛЬГАР НИФТАЛИЕВ

**АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР В
ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ ПЛАНАХ АРМЯН
(20-е годы XX века)**

Баку – 2010

*Печатается по постановлению Ученого совета Института
Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана*

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор

А.А.Мамедов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор

Ф.Ф.Ибрагимли

доктор исторических наук

В.С.Гасанов

Нифталиев И.В. Азербайджанская ССР в экспансионистских планах армян (20-е годы XX века). – Баку: Издательство «Тəhsil», 2010. – 292 с.

В монографии впервые в азербайджанской историографии в комплексе исследуются основные направления осуществления экспансионистских планов армян против Азербайджанской ССР в 20-х годах XX века. Проблема армянских территориальных притязаний на азербайджанские земли в Карабахе, Зангезуре, Нахчыване впервые рассматривается с учетом степени влияния на данный процесс армянского засилья в высших партийно-государственных органах власти в Азербайджанской ССР. Некоторые ранее освещенные в историографии вопросы были рассмотрены с позиций современных требований, с привлечением новых архивных материалов.

Н $\frac{4306020600}{053}$ 2010

© Тəhsil, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Азербайджанская ССР в экспансионистских планах Араратской Республики (апрель-ноябрь 1920 г.)	20
1.1. Территориальные притязания Араратской Республики к Азербайджанской ССР и позиция Советской России	20
1.2. Военно-политическое положение в Карабахе и Зангезуре	58
1.3. Военно-политическое положение в Нахчыване	77
Глава II. Территории Азербайджанской ССР в экспансионистских планах армян после образования Армянской ССР (20-е годы XX века)	88
2.1. Оккупация и присоединение западного Зангезура к Советской Армении	88
2.2. Карабах и Нахчыван в экспансионистских планах армян	102
2.2.1. Насильственная автономизация Нагорного Карабаха	102
2.2.2. Нарушение планов армян против Нахчывана и образование Нахчыванской АССР	147
2.3. Изменения в границах между Азербайджанской ССР и Армянской ССР	

после образования Закавказской федерации	181
Глава III. Партийно-государственные структуры и экономика Азербайджанской ССР в экспансионистских планах армян (20-е годы XX века)	198
3.1.Армянское засилье в партийно-государственных структурах власти Азербайджанской ССР	198
3.2.Фактор бакинской нефти в экспансионистских планах армян.....	228
3.3.Проблема беженцев в Азербайджанской ССР в результате военной экспансии Араратской Республики.....	240
Заключение	258
Список использованной литературы	265
Xülasə	284
Summary.....	287

ВВЕДЕНИЕ

Бурные события конца 80-х годов XX века в Азербайджанской ССР, начало нового этапа национально-демократического движения азербайджанского народа за независимость, армянская агрессия вызвали острую необходимость пересмотра некоторых страниц истории Советского Азербайджана.

Сегодня мы наиболее остро чувствуем необходимость в этом, так как история преподала нам за последние несколько десятилетий жестокие уроки. Начавшееся в феврале 1988 г. в Нагорно-Карабахской Автономной Области сепаратистское движение за отделение НКАО от Азербайджанской ССР и присоединение её к Армянской ССР в конечном итоге привело к началу нового военного этапа экспансии армян на азербайджанские земли. В результате оккупации НКАО и семи районов вокруг него вооруженные силы Армянской Республики в период 1988-1994 годов захватили 20% территории Азербайджана. Военная экспансия армян сопровождалась невиданной гуманитарной катастрофой. Более миллиона азербайджанцев были изгнаны со своих исконных земель, в результате чего всё азербайджанское население Западного Азербайджана (ныне Армянской Республики) оказалось беженцами. На оккупированных территориях было уничтожено многовековое национально-культурное наследие азербайджанского народа, являющееся неот-

делимой частью культурного наследия всего человечества.

В 20-е годы XX века экспансионистские планы армян против Азербайджанской ССР носили многовекторный характер и осуществлялись в территориальном, партийно-политическом и экономическом направлениях. Исследование 20-х годов XX века имеет в целом важное значение, так как именно в это время, в условиях становления и укрепления коммунистического режима в Северном Азербайджане, закладывался фундамент тех противоречий в рамках ленинской национальной политики, которые позволили армянам в очередной раз осуществить свои экспансионистские планы. Так можно оценить факт создания в составе Азербайджанской ССР Нагорно-Карабахской Автономной Области, оккупацию и присоединение западного Зангезура к Армянской ССР, в результате чего Нахчыван, перейдя в статус эксклавной территории, был отрезан от остальной части Азербайджанской ССР, став уязвимым с точки зрения военной и экономической безопасности. В проведении данной политики немалую роль сыграли армянские коммунисты, занимавшие высокие должности в партийно-государственных структурах власти в Азербайджанской ССР, а также эмиссары Москвы, проводившие в жизнь имперскую политику Советской России на Южном Кавказе. Сегодня эта проблема имеет свою научно-познавательную и практическую значимость, так как настало время обобщающих исследований, которые позволят воссоздать из многих фрагментов общую картину экспансии армянского национализма на отдельных этапах истории азербайджанского народа, обнажить его корни, идущие вглубь веков, сопоставить

уроки прошлого с животрепещущими событиями сегодняшнего дня.

Актуальность проблемы не ограничивается только процессами, происходившими в 20-е годы XX века. Если взглянуть глубже на те проблемы, которые обступили нас сегодня, то можно убедиться, что и в прошлом таких уроков было предостаточно, но из них не делалось надлежащих выводов. Так, в силу господствовавшей идеологической концепции, в советской исторической науке не было места для объективного анализа кровавой резни, организованной партией «Дашнакцутюн» против азербайджанцев в 1905-1906, 1918-1920 годы. Их замещали поверхностные, часто в корне неверные постулаты, где на первое место выдвигалась классовая борьба и классовые интересы. В течение семидесяти лет от народа скрывались тяжелые последствия геноцида и массовой депортации азербайджанцев из Западного Азербайджана в 1918-1920 и 1948-1953 годы. Формой культурной экспансии являлся взятый с 1935 года в Армянской ССР официальный курс по переименованию на армянский лад азербайджанских топонимов, которых к началу XX века здесь насчитывалось около двух тысяч (40а; 55).

Таким образом, проблемы, искусственно загнанные внутрь советской тоталитарной системой, стали заявлять о себе и обернулись многими бедами и потерями для азербайджанского народа. Все эти обрушившиеся на нас за последние десятилетия события произвели настоящий переворот в сознании. Сегодня, чтобы не повторять ошибок прошлого, мы должны снова и снова изучать уроки истории, вновь перечитывать её страницы, порою трагические, горькие и кровавые, чтобы, наконец, извлечь из них бесценные

уроки. Это не только поможет понять глубинные истоки происходящих сегодня процессов, но и позволит нашему народу наметить единственно верный путь дальнейшего развития – путь национального единения и прогресса.

В ходе нашего исследования проблема армянской экспансии против Азербайджанской ССР в 20-е годы XX века рассматривается в хронологическо-проблемном аспекте.

Впервые проблема армянских территориальных притязаний к Азербайджану находит своё отражение в мемуарах и сочинениях государственных и общественных деятелей, которые были непосредственными участниками событий 20-х годов XX века. Советизация Азербайджана и начало политических репрессий против бывших лидеров Азербайджанской Демократической Республики привели к тому, что часть из них стала жертвой армянского террора, другая часть вынуждена была покинуть Родину. В условиях тоталитарной советской системы не только их труды, но даже имена находились под запретом в Азербайджанской ССР. Уже в эмиграции, некоторые из них в своих мемуарах затронули многие вопросы новейшей истории Северного Азербайджана.

Так, в своих работах видные деятели Азербайджанской Демократической Республики М.Э.Расулзаде (36, 37), М.Б.Мамедзаде (29) отмечают, что Нахчыван и Зангезур под давлением Советской России были «подарены» Армении. В то же время, как отмечает Расулзаде, решительный отказ населения Нахчывана подчиниться Армении, а также твердая позиция Турции на Московской и Карсской конференциях сделали возможным оставление Нахчывана в составе Азер-

байджана.

Среди работ большевистских лидеров необходимо отметить сочинения Н.Нариманова (247, 248), которые проливают свет на многие сложные вопросы армяно-азербайджанских отношений этого периода. В ходе исследования использованы также сочинения В.Ленина (229, 230), А.Мясникова (237), И.Сталина (261, 262), Г. Орджоникидзе (251).

Неопровержимым доказательством агрессивной политики дашнакского правительства против Азербайджана являются мемуары одного из лидеров партии «Дашнакцутюн» и бывшего главы правительства Араратской Республики О.Качазнуни (218).

Состояние историографии по проблемам межнациональных конфликтов в СССР определялось, прежде всего, степенью доступности информации, так как такого рода источники были строго засекречены. События 20-х годов XX века на Южном Кавказе в советской историографии традиционно рассматривались через призму классового подхода в освещении исторических событий, как период триумфального шествия Советской власти и победы ленинской национальной политики.

Концептуальная установка, данная в 3-х томнике «История Азербайджана» (210), определяла идеологические рамки при освещении и оценке событий, связанных с историей армяно-азербайджанских отношений. Так, взаимоотношения двух народов в период древности и средневековья исследовались сквозь призму совместной борьбы против эксплуататорских классов и иноземных захватчиков, где в роли последних последовательно выступали римляне, сасаниды, арабы, монголы, сефевиды и османы. Завоевание азер-

байджанских ханств царской Россией рассматривалось как добровольное их вхождение в её состав. Одновременно в сознании азербайджанского народа утверждалась идея о безальтернативности российской, а позже советской ориентации исторического развития.

Проблема армяно-азербайджанских отношений не была объектом отдельного исследования в советской историографии, поскольку, как считали власти, в СССР не существовало межнациональных противоречий, которые ушли в прошлое с образованием союза братских народов. По мнению советских авторов, кровавые конфликты, имевшие место между азербайджанцами и армянами в 1905-1906 гг. были вызваны исключительно имперской политикой царской России, а в 1918-1920 гг. политикой стоявших у власти в обеих республиках буржуазных партий – «Дашнакцутюна» и «Мусавата». При этом авторы не вдавались в глубокий исторический анализ причин этих конфликтов, старались проводить знак равенства между зачинщиками и жертвами, рассматривали конфликты как результат классовой борьбы, используя при этом малоубедительные негативные штампы вроде «реакционные силы», «буржуазные националисты», «прислужники царизма» и т.д.

До начала 90-х годов XX века в азербайджанской историографии практически не было глубоких исследований по истории Карабаха и Нахчывана и, в частности, Нагорно-Карабахской Автономной Области и Нахчыванской ССР. Имевшиеся небольшие по размеру брошюры, приуроченные в основном к годовщинам образования НКАО и Нахчыванской ССР, были лишены широкой источниковой базы, содержали сведения об успехах социализма в экономическом и куль-

турном строительстве автономий за истекший период, изобиловали статистическим материалом. При этом господствовавшие в советской исторической науке концептуальные идеологические стереотипы не позволяли авторам дать объективную оценку и вынуждали их обходить наиболее острые углы в освещении истории создания НКАО и Нахчыванской АССР (68, 190, 192, 238, 259, 260). В работах Ю.Багирова (57), Г.Мадатова (232), А.Хейфеца (268, 269) позиция Турции и её роль в защите населения Нахчывана от армянской агрессии рассматривалась как «захватническая», в то же время установление Советской власти в Нахчыване в результате вторжения сюда частей XI Красной Армии видится как единственный путь спасения азербайджанского населения края. Единственной работой о Зангезуре в азербайджанской советской историографии является монография Н.Гейдарова (75), которая также носила на себе глубокий отпечаток советской идеологии. Это было не случайно, так как в азербайджанской советской историографии история Зангезура вообще рассматривалась как часть истории Армении. К сожалению, в этих работах героическая борьба азербайджанского населения Карабаха, Нахчывана, Зангезура и других приграничных с Арменией районов Азербайджана против дашнакской агрессии умышленно замалчивалась. На национальных героев, которые возглавляли борьбу народа, таких, как братья Султановы, Нахчыванские вешались ярлыки классовых врагов.

Восстановление государственной независимости Азербайджана в 1991 году открыло исследователям доступ ко многим некогда секретным архивным фондам. Это позволило по-новому подойти к оценке собы-

тий семидесятилетней давности, исходя при этом, прежде всего из национальных и государственных интересов независимого Азербайджана.

Изданная Институтом Истории Академии наук Азербайджанской Республики семитомная «История Азербайджана» по-новому осветила события отечественной истории с древнейших времен до современности. Данный труд, освобожденный от исторических мифов, легенд и вымыслов подобных изданий советского периода, стер многие «белые пятна» истории азербайджанского народа, установив научные рамки в освещении событий. VI том «Истории Азербайджана» (6) посвящен событиям XX века в Азербайджанской ССР, когда в ходе его национально-государственного строительства были заложены те территориальные противоречия, которые позже создали условия для нового этапа армянской экспансии на территории Азербайджана.

Среди авторов хотелось бы отметить работы И.Мусаева (30), М.Гасымова (22), С.Садыхова (39), посвященные событиям, происходившим вокруг Нахчывана, Зангезура, Карабаха, а также отношениям между Азербайджанской ССР, Советской Россией и Турцией в 1920-1922 гг. В работе И. Мусаева впервые данные вопросы рассматриваются через призму геополитических интересов не только приграничных с Азербайджаном государств, но и политики стран Антанты и США. В работе С.Садыхова справедливо отмечается значение помощи Турции и стойкости населения Нахчывана, позволившие противостоять агрессии дашнакской Армении.

В работах А.Абдуллаева (1), И.Алиева (54), В.Арзуманлы и Н.Мустафы (3), С.Асадова и И.Мамедова

(27, 28, 55), Дж.Гулиева (191), Р.Гусейнова и Х.Вердиевой (195), Иманова (19а), Т.Кочарли (20), А.Пашаева (33), М.Исмаилова (209), А.Мамедова и Т.Мусаевой (212), Б.Наджафова (242) и других армянская экспансия на азербайджанские земли рассматривается как процесс, протекавший на протяжении всего XX столетия в форме ползучей аннексии – то мирной, то немирной. Данные работы отличаются богатым архивным материалом, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В центре внимания этих работ – необоснованные территориальные притязания Армении на азербайджанские земли в Карабахе, Нахчыване, Зангезуре, пути реализации этих целей как дашнаками, так и их достойными преемниками – армянами-коммунистами, зловещая политика и идеология физического и культурного террора армян против азербайджанского народа.

Из последних исследований необходимо выделить работу Я.Махмудова и К.Шукюрова (26), посвященную истории Карабаха. Достаточно сказать, что данная книга стала победительницей II Международного конкурса государств-участников СНГ «Искусство Книги», проведенного в 2005 году в Москве. В работе авторы, наряду с исследованием политической истории Карабаха, подробно рассматривают вопросы его этимологии, границ и демографической истории, на основе конкретных фактов в очередной раз доказывают необоснованность армянских притязаний на Карабах.

В исследованиях Ф.Ахмедовой (10), Г.Гасанова (15), Ш.Курбанова (23, 24), посвященных жизни и деятельности видного государственного и общественного деятеля Н.Нариманова, раскрывается его активная

борьба за сохранение территориальной целостности Азербайджанской ССР в сложный для страны период начала 20-х годов, когда шел процесс становления тоталитарной советской системы. В этих работах наиболее ярко раскрывается борьба Нариманова с партийной верхушкой в Москве во главе со Сталиным, Чичеринным и в Азербайджанской ССР во главе с Орджоникидзе, Мирзояном по защите национальных интересов Азербайджана, в вопросе нерушимости его границ и целостности территорий, предотвращения попыток большевистско-дашнакского тандема передать Армении Карабах и Нахчыван.

В работах И.Гаджиева (12, 13), Ф.Ибрагимзаде (19) раскрыта исключительная роль первого полномочного представителя Азербайджанской ССР в Советской России Б.Шахтагинского в обеспечении территориальной целостности Азербайджана, в решении вопроса статуса Нахчывана накануне и в период Московской и Карсской мирных конференций 1921 года.

В публикуемых с конца 80-х годов на страницах азербайджанской печати статьях, а также в издаваемых отдельных сборниках их авторы на основе архивных первоисточников разоблачают фальсификации армян по истории Карабаха и Нахчывана (35, 38, 189, 193, 194, 226, 241, 243, 244, 245, 246, 253, 255, 258).

В армянской историографии, как в советской, так и постсоветской, историческая мысль развивается в направлении формирования ложного образа «древнего христианского», «многострадального народа» во враждебном окружении неверных, создаётся так называемый комплекс «геноцида», в массовом сознании формируется образ врага в лице турка и образ защитницы – России.

Армянская советская историография в исследованиях значительное место отводила армяно-российским и армяно-турецким отношениям. Красной нитью через все работы проходила идея о якобы существовании Восточной и Западной Армении, первая из которых в составе Ереванского ханства (Иреванского – И.Н.) вошла в состав Российской империи, а последняя осталась в составе Османской Турции. Таким образом, завоевание царской Россией азербайджанского Иреванского ханства рассматривается в армянской историографии как воссоединение Восточной Армении с Россией. В результате преднамеренно умалчивается содержание XV статьи Туркменчайского договора 1828 года, заключенного между Ираном и Россией, положившее начало массовому переселению армян на территории бывших Карабахского, Иреванского и Нахчыванского ханств Северного Азербайджана, на землях которых они в 1918 году создали своё первое на Южном Кавказе государство.

Тема «геноцида армян» в 1915 году постоянно муссировалась в армянской историографии. Разрешение Москвы в 1965 году на проведение 50-й годовщины т.н. геноцида армян, якобы имевшего место в годы Первой Мировой войны на территории Османской империи, с одной стороны, стало фактическим признанием данного события советским правительством, а, с другой, полностью развязало руки армянским авторам в раскручивании этой темы в своих работах. Последовательно проводя идею якобы разделенной страны и народа, эти авторы считали армянскими не только семь вилайетов Турции, но и, касаясь событий, происходивших в начале 20-х годов XX века вокруг Нахчывана, Карабаха и Зангезура, рассматривали их

как часть истории Армении. Идея исторической миссии России, будь то царской или советской, в судьбе армянского народа является одной из центральных тем во всех работах. Неслучайно, что результаты русско-иранских и русско-турецких войн начала XIX века и образование Советской Армении в ноябре 1920 года преподносились как спасение Россией армян от физического уничтожения со стороны персов и турок. В работах советских армянских историков идет политическая реабилитация Андроника, как «искреннего борника дружбы народов», и даже, как «борца за Советскую власть», умалчиваются факты его кровавых преступлений в отношении мирного азербайджанского населения в Нахчыване и Зангезуре. В целом, армянская советская историография, прикрывавшаяся коммунистическими лозунгами, была глубоко проникнута националистической идеологией партии «Дашнакцутюн» и служила мифической идеи армян о построении «Великой Армении» (50, 51, 67, 72, 73, 74, 217, 264, 267, 275).

С конца 80-х годов XX века, на волне роста сепаратистского движения армянского населения НКАО за отделение данной территории от Азербайджанской ССР, в армянской историографии идет перенесение акцентов с доказательства «многострадальности» на доказательство «автохтонности», или, другими словами, поворот от истории геноцида к истории Карабаха, полной фальсификаций и измышлений. На тему армяно-азербайджанской дружбы было наложено табу. В широкое обращение вводится топоним «Арцах», до этого известный лишь специалистам. Искажая исторические факты, армянские авторы пытаются доказать, что ввиду военной слабости Советской России,

влияния «турецкого фактора», а также под давлением И.Сталина Нагорный Карабах и Нахчыван были «переданы» Советскому Азербайджану. При этом аргументы армянской стороны не находили прочной документальной основы и поэтому традиционно опирались на фальсификацию первоисточников (49, 62, 63, 64, 203, 204, 205, 206, 207, 216, 234, 239, 240, 270, 271а, 272).

Касаясь мемуаров видных государственных деятелей Турции, а также работ турецких авторов надо отметить, что ведущее место в них занимают советско-турецкие отношения, необоснованные притязания армян на Нахчыван. Данные авторы едины во мнении, что Московский и Карсский договоры 1921 г. между Турцией и Советской Россией заложили основу стратегического союза между двумя государствами, а Азербайджан и его составная часть Нахчыван являлись важным мостом в налаживании этих отношений (42, 43, 44, 45, 46, 47, 47а).

Советская историография на протяжении семидесяти лет при освещении событий 20-х годов XX века и, прежде всего, армяно-азербайджанских отношений, подвергала критике работы зарубежных авторов, на которых вешался ярлык буржуазных фальсификаторов. Однако, после восстановления Азербайджаном своей независимости в 1991 году эти работы стали доступны для исследователей. Авторы этих работ были едины во мнении, что в апреле 1920 года в результате вторжения Красной Армии Советской России был положен конец независимости АДР. В то же время, ограниченный доступ в использовании советских архивов не позволяли этим авторам проводить более глубокие исследования по истории Азербайджанской ССР (214;

256).

После апрельской оккупации 1920 г. вся власть в Азербайджанской ССР находилась в руках Азербайджанской Коммунистической партии. Поэтому документы фонда 1 – Политбюро, Оргбюро и Президиума ЦК АКП(б) (оп. 1, 2, 2а, 74, 85), фонда 89 – Нагорно-Карабахской Автономной области, фонда 276 – История партии, фонда 609 – Н.Нариманова, Копийного фонда Государственного Архива Политических Партий и Общественных Движений Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (ГАППОДУДПАР) являются важными первоисточниками. Наряду с ними, фонд 27 – Народного комиссариата Внутренних дел, фонд 28 (оп. 1, 2) – Народного комиссариата Иностраных дел, фонд 379 – Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета, фонд 410 – Азербайджанского Революционного Комитета, фонд 420 – Чрезвычайного комиссара Зангезура и Карабаха, фонд 1009 – Особой Комиссии Совета Народных комиссаров АССР по изучению Нахчыванского края, хранящиеся в Государственном Архиве Азербайджанской Республики (ГААР) были также основными первоисточниками в ходе данного исследования.

Отдельные сборники документов, изданные в советский период, хотя и были составлены на основе требований своего времени, но позволяют в хронологической последовательности проследить всю динамику событий (197, 200, 201, 208, 219, 224). Материалы партийных конференций 20-х годов, прежде всего, выступления партийных лидеров позволяют наиболее ярко раскрыть расклад сил в азербайджанской партийной организации этого периода, где ведущие по-

зиции занимали коммунисты-армяне (69а, 256а, 256б, 266, 278).

Материалы газет «Коммунист», «Бакинский рабочий» 20-х годов XX века, которые являлись основными пропагандистскими рупорами политики большевиков в Азербайджанской ССР, брались в сопоставлении с данными архивов, что позволило построить более объективную картину событий и дать им оценку (58, 59, 60, 220, 221, 222, 223).

Подводя итоги вышеизложенному, хотелось бы отметить, что основной целью данной работы является более обстоятельное исследование ранее неизученных сторон экспансионистских планов армян против Азербайджанской ССР в 20-х годах XX века. Автор выражает искреннюю признательность научному редактору книги д.и.н., профессору А.А.Мамедову, научным рецензентам – д.и.н., профессору Ф.Ф.Ибрагимли и д.и.н. В.С.Гасанову, а также всем сотрудникам отдела «История Азербайджана советского периода» Института Истории им. А.А. Бакиханова НАНА, полезные советы и рекомендации которых оказали большую помощь при написании данной монографии. Особую благодарность хотелось бы выразить директору Института Истории им. А.А.Бакиханова НАНА, члену-корреспонденту Академии наук Азербайджанской Республики, д.и.н., профессору, заслуженному деятелю науки Ягубу Махмудову за оказанную помощь в издании данной книги.

ГЛАВА I.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР В ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ ПЛАНАХ АРАРАТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (апрель-ноябрь 1920 г.)

1.1. Территориальные притязания Араратской Республики к Азербайджанской ССР и по- зиция Советской России.

Когда в 1918 году на Южном Кавказе появились новые независимые государства, их границы были определены в соответствии с административным делением бывшей Российской империи. Неоднократно перекраивая карту Кавказа в XIX веке, царское правительство не следовало этническим линиям, а, наоборот, преследовало цель создания разнородности и ослабления преобладания одной части населения в ущерб другой. Частично это было обусловлено последовательностью и темпами объединения в империю различных территорий на протяжении XIX века, но главным образом это была обдуманная имперская политика. В результате образовавшаяся в мае 1918 года Азербайджанская Демократическая Республика получила армянское меньшинство, проживавшее в бывших

Бакинской и Елизаветпольской губерниях; Араратская Республика получила в рамках своих границ большое азербайджанское меньшинство, проживавшее в бывшей Иреванской губернии; Грузинская Демократическая Республика получила армянское и азербайджанское меньшинства, проживавшие в бывшей Тифлисской губернии.

Восстановивший в мае 1918 года свою государственную независимость азербайджанский народ, составляя к этому времени почти половину населения Южного Кавказа (4, т. 1, 15), получил территорию, далеко не соответствующую его этническим и историческим границам. На территории Западного Азербайджана (бывшей Иреванской губернии) в мае 1918 года дашнаками было создано первое на Южном Кавказе армянское государство – Араратская Республика, которая, не довольствуясь уже захваченными азербайджанскими землями, притязала также на территории Карабаха, Зангезура, Нахчывана, составлявших исконные земли Азербайджана и большинством населения которых были азербайджанцы.

В период 1918-1920 гг., из-за постоянных претензий армянского правительства, точные границы АДР по отношению к дашнакской Армении определены не были. К моменту советизации Северного Азербайджана в 1920 году границы между двумя республиками приблизительно шли от реки Храм через Караван-Сарай в Газахском районе, по водоразделу оз. Геокча и долин рек Куры (хр. Шахдаг) и Аракса (по границам Ново-Баязетского уезда с Джеванширским и Шаруро-Даралагезским) и затем, пересекая реку Аракс на высоте станции Беюк-Веди, откуда граница загибалась на север до Аралыха и затем прямо на юг к Арарату, ос-

тавляя Игдырь к западу. В целом, накануне оккупации Северного Азербайджана Советской Россией, общая площадь территории Азербайджанской Демократической Республики составляла 113895,97 км². Из них 97297,67 км² считались бесспорными, а 16598, 30 км² спорными землями с Грузией и Арменией (211, 177).

Основными территориями Азербайджана, на которые претендовала Армения были: Геокчайский район или восточная часть Ново-Баязетского уезда, Нахчыванский район, Сурмалинский уезд, Карабах, Зангезур и Нагорная часть Газахского уезда.

Под названием Геокчайского района были обозначены восточные части Ново-Баязетского уезда Иреванской губернии, лежавшие между оз. Геокча и Малым Кавказским хребтом, административно причисленные к Довалинскому, Мазаринскому и Гозальдаринскому полицейским участкам с селениями Зод, Басар-Гечар, Башкенд и другие. Согласно докладу сотрудника Министерства иностранных дел АДР А.Щепотьева « О спорных Кавказских территориях, на которые имеют права самоопределившиеся азербайджанские турки», вся территория к востоку от указанной границы была населена сплошным мусульманским населением (100%), без каких бы то ни было армянских включений. Это население с самого начала провозглашения Азербайджанской Демократической Республики тяготело к последней. За эти свои естественные стремления оно подвергалось неоднократно кровавым преследованиям со стороны армян (достаточно припомнить события 1919 г. в сел. Зод, Башкенд, Басар-Гечар и др. – *И.Н.*). Все мусульманское население по восточному и юго-восточному побережью оз. Геокча находилось в этнографической, религиоз-

ной и бытовой связи с населением Газаха, Карабаха и Нахчыванского района (82, 20-35).

Из доклада А.Щепотьева видно, что под названием Нахчыванского района были обозначены южная часть Иреванской губернии, лежащая вдоль реки Аракс к югу от Улуханлу и Беюк-Веди, т.е. уезды Нахчыванский, Шаруро-Даралагезский и южная часть Иреванского уезда. Большинство коренного населения этого района были азербайджанские тюрки (61%), а армяне (38%), были разбросаны по деревням мелкими островками среди сплошного тюркского населения, или были сосредоточены в городах. Всего армян по уездам было: в Нахчыванском 39,6%, в Шаруро-Даралагезском 31%. Системы орошения, идущие в некоторых случаях из самого Карабаха через горные хребты, общие пути перегона скота и пользование яйлагами, общий хозяйственный быт, одинаковые отрасли специальных культур (хлопка, риса и т.д.) – все это соединяло Нахчыванский район в одно целое, неделимое с Карабахом в экономическом отношении (82, 20-35). По данным Кавказского календаря на 1 января 1917 года Нахчыванский уезд имел площадь 3939 кв.верст¹ (5, т. 2, 248), а Шаруро-Даралагезский уезд 2637,5 кв.верст (5, т. 2, 374).

Одинаковый общественный быт, экономический и сельскохозяйственный уклад жизни с тюрками Нахчыванского и Геокчайского районов делали весь Сурмалинский уезд такой же неотъемлемой частью Азербайджана, как Карабах или Газах (82, 20-35). Он имел площадь 3147,9 кв.верст (5, т. 2, 358). Что касается этнического состава населения, то, согласно докладу

---

¹ 1 квадрат верст = 1,138 км²

А.Щепотьева, общее количество мусульман-тюрок и курдов в уезде достигало 96%, а армян лишь 3%. Географически, стратегически и в торговом отношении территория Сурмалы являлась прямым соединительным звеном территории Азербайджана с населенной мусульманами областью юго-западного Кавказа. По итогам Московской конференции в марте 1921 г. данный уезд отошел к Турции (5, т. 2, 359).

Армения претендовала также на нагорную часть Газахского уезда, на Карабах и Зангезур. По данным Кавказского календаря на 1917 г. Газахский уезд имел площадь 5096,52 кв.верст (5, т. 2, 144). В телеграмме от 1 марта 1921 года В.Ленину представитель Азербайджанской ССР на Московской конференции Б.Шахтахтинский, касаясь данного факта, писал: «Газахский уезд Елизаветпольской губ., населенный в низменной своей части азербайджанцами (50,9%), а в нагорной области – армянами (46,7%), является весь предметом притязания Армении» (239). Однако, в экономическом и в этнографическом отношении нагорные районы Газаха и Карабаха представляли одно целое.

Карабах по своему рельефу делится на низменную (равнинную) и нагорную часть. На востоке Карабахские горные хребты, на западе земли между Зангезурскими горами и плюс к тому область предгорий Карабахского хребта, отделяющее Верхний Карабах от степных пространств Низменного Карабаха входили в состав территории Нагорного Карабаха. Таким образом, Нагорный Карабах в целом превосходил область предгорий Карабахского хребта, которая стала именоваться с 1923 года Автономной Областью Нагорного Карабаха (257, 4).

В январе 1919 года Карабах и Зангезур вошли в

состав созданного правительством АДР Карабахского генерал-губернаторства. По сведениям Кавказского календаря за 1917 г., в Карабахе проживало 242 тысячи армян и 322 тысячи мусульман (тюрков и курдов). Однако, эти цифры не соответствовали действительности, так как к числу карабахских армян приписывалось множество армянских ремесленников и рабочих, которые не составляли в действительности оседлое население Карабаха. В одном Баку их было до 30 тысяч, разбросанных до Ростова. Более точными цифрами на основании «докладной записки о выкупе надельных земель Закавказья» 1912 г. и сельскохозяйственной переписи 1917 г. являются: армян – 170 тысяч, а мусульман – 415 тысяч. Таким образом, армянское население Карабаха составляло бесспорное меньшинство и при том меньшинство, сосредоточенное в узкой, прерывающейся полосе предгорного района, не представляющее сплошной массы, окруженное со всех сторон сплошным тюркским населением, экономически и исторически оторванное от других центров армянского населения Армянской республики (82, 20-35).

Карабах и Зангезур были связаны между собой тесными экономическими узами и составляли неотъемлемую часть территории Азербайджана. Согласно данным Кавказского календаря на 1 января 1917 г., в Зангезурском уезде проживало 123095 мусульман (55%) и 99257 армян (44,3%) (82,9). В 1918 году в Зангезурском уезде из 222 селений 116 составляли азербайджанские (11, 78). Значительная часть зангезурских и карабахских крестьян находила себе заработок на бакинских промыслах. Армяне Нагорного Карабаха спускались летом на равнину для уборки хлебов. С другой стороны, мусульмане-овцеводы, равнинные

жители не могли обойтись без пастбищ (яйлагов) в пределах Зангезура (219, 58).

После оккупации Северного Азербайджана Советской Россией и установления здесь большевистского режима новые власти вновь столкнулись с агрессией дашнакской Армении на азербайджанские территории. Однако, начался новый этап взаимоотношений двух республик, основными особенностями которых были: 1) различия общественно-политического строя; 2) стремление Советской России играть роль третейского судьи в урегулировании территориальных проблем между Азербайджаном и Арменией.

С образованием Азербайджанской ССР дипломатические представительства Азербайджанской Демократической Республики за рубежом постепенно прекратили свою деятельность. Одним из первых прекратил свою деятельность дипломатическое представительство АДР в Армении. Последним полномочным представителем АДР в Армении был Теймур хан Макинский, назначенный на этот пост 16 марта 1920 года. Уже после прекращения деятельности представительства Т.Макинский, находясь в Тифлисе, подготовил обширный отчёт о деятельности миссии и причинах прекращения её работы. Данный отчет был направлен на имя наркома иностранных дел Азербайджанской ССР М.Д.Гусейнова. Говоря о сложных условиях работы миссии, Макинский отмечал, что деятельность его была направлена не столько на защиту интересов азербайджанских подданных, коих в Армении не было, сколько к ограничению личной и имущественной безопасности мусульман, подданных Азербайджана. Ввиду этого, положение как дипломатического представителя, так и остальных служащих миссии было

весьма сложным. Армянские власти нисколько не считались с принципами экстерриториальности. Нередки были случаи побоев и арестов служащих миссии. Заявленный по этому поводу протест министру иностранных дел Армении оставался без ответа. Макинский пишет, что после водворения в Азербайджанской республике советского строя армянское правительство резко изменило отношение к миссии и лично к нему. Вероятность скорого ареста заставила Макинского покинуть Иреван. Вскоре после отъезда Макинского, 15 мая 1920 г. дипломатическое представительство получило телеграмму министра иностранных дел Армении Огаджаняна, в которой он сообщал, что ввиду установления в Азербайджане новой власти, представительство Азербайджана в Армении упразднено (89, 25-26). С закрытием дипломатических миссий за рубежом, в т.ч. в Армении, Азербайджанская ССР лишилась ещё одного важнейшего атрибута своей независимости.

Ликвидация дипломатической миссии в Армении лишила новое азербайджанское правительство возможности непосредственного сношения с дашнакским правительством. В условиях, когда Армения продолжала притязать на азербайджанские земли в Карабахе, Нахчыване и Зангезуре, и в этих районах шли военные действия, данная ситуация была неблагоприятной для эффективных дипломатических шагов. В то же время, в Баку вплоть до советизации Армении (ноябрь 1920 г.) продолжало свою деятельность представительство дашнакской Армении во главе с Мартиросом Арутюнянцем (249, 74-78).

Воспользовавшись начавшимся процессом большевизации Азербайджана и ликвидацией институтов государственной власти АДР, прежде всего нацио-

нальной армии, дашнакская армия вновь нарушала границу Азербайджана и вторгалась на его территорию. В этих условиях расширяется обмен нотами по решению территориальных проблем между НКВД Азербайджанской ССР и МИД Армении. Со стороны армянского правительства переписку вел министр иностранных дел Амо Огаджанян, со стороны правительства Азербайджанской ССР нарком иностранных дел М.Д.Гусейнов. В телеграммах правительства Азербайджанской ССР выдвигалось требование: «1. Очистить от войск Армянской республики территорию Карабаха и Зангезура. 2. Отойти к своим границам. 3. Прекратить межнациональную рознь» (88, 14; 91, 102). В ответных телеграммах армянская сторона отвергала наличие своих вооруженных сил на территории Азербайджана, а присутствие их в Карабахе и Зангезуре объясняла принадлежностью их Армении (86, 4; 88, 25; 172, 46).

Правительство Советской России, понимая большое политическое и стратегическое значение захвата Нахчывана, Карабаха и Зангезура, для достижения данной цели использовало как дипломатические шаги, так и готовило специальные военные операции, не забывая также о подготовке благоприятной идеологической почвы в регионе. Одним из тех, кто определял основные направления внешней политики Советской России, был заместитель наркома иностранных дел, армянин по национальности Л.Карахан. Карахан курировал Ближневосточный отдел НКВД Советской России, где его в августе 1919 года сменил Н.Нариманов. Немалую роль в этом сыграла телеграмма наркома по делам национальностей РСФСР И.Сталина, направленная 16 августа 1919 года наркому иностран-

ных дел РСФСР Г.Чичерину: «Наличие Карахана в Наркоминделе, армянина по национальности, единственного «восточного человека», призванного для внешнего мира представлять народы Востока, — режет слух и нарушает гармонию в нашей восточной политике, ослабляет силу и эффект нашей политики в глазах народов Востока и прежде всего мусульман. Исходя из этих соображений, я в бытность свою в Москве предложил товарищу Ленину возбудить вопрос в ЦК о замене Карахана кем-либо из мусульман, хотя бы со средней партийной подготовкой. Нариманов для меня один из многих таких мусульман, причем не беда, если у него отсутствует широкая политическая перспектива: политику будет делать ведь не он, конечно, а ЦК, и Наркоминдел, — Нариманов важен как флаг. Таковую перемену декорации или во всяком случае оставление в тени Карахана по вопросам Востока и выдвижение на первый план мусульманина — я считаю абсолютно необходимым. Такая перемена была бы сразу учтена мусульманами, подняла бы курс нашей политики среди последних, дала бы ряд плюсов. Возражение о том, что Нариманов стар и медленно ориентируется, для меня не имеет решающего значения, ибо никогда я не думал, что Нариманов будет руководить восточной политикой, он для меня, повторяю, только флаг, декорация. Кроме Нариманова, рядом с ним необходимо ещё иметь одного или двух русских или вообще «восточных» работников (ни в коем случае не армян). По всем этим соображениям я вынужден настаивать на своем предложении, которое я считаю нужным внести на обсуждение Пленума ЦК» (76, 34). Нет сомнения, что данная тактическая расстановка был очень удобна для армянских коммунистов, по-

добных Л.Карахану, которые оставаясь несколько в тени в большевистском руководстве, надеялись в рамках восточной политики Советской России также решить свои узконациональные задачи, прежде всего, за счет территорий Азербайджана и Турции.

9 мая 1920 г. Орджоникидзе получил телеграмму Карахана с изложением позиции Ленина, в которой, в частности, говорилось: «Мы получили копию ноты Азербайджана и Армении с ультиматумом. Ильич поручил передать Вам, что торопиться с дальнейшим распространением нашим не следует, во-первых, чтобы закрепить Азербайджан, а с другой стороны ... ввиду серьезных задач на Западном фронте и необходимости соблюдать осторожность, считаясь с нашим международным положением. В самом деле Армения не представляет для нас интереса ближайшего...» (64а, 123-124). Таким образом, план Москвы по советизации Армении был на время отложен. 15 мая 1920 года Л.Карахан направил телеграммы в Иреван и Баку (88, 96-99), в которых сообщал: «Армянское правительство обратилась к Российскому Советскому правительству с просьбой о посредничестве между Азербайджаном и Арменией. Советское правительство выразило согласие на это...». Однако, не раскрывая свои истинные цели, в этих телеграммах Карахан отмечал, что Советская Россия решила, во избежание межнациональных столкновений, занять частями Красной Армии спорные между Азербайджаном и Арменией местности и об этом был отдан уже приказ русскому военному командованию. В ответ на эти телеграммы, НКВД Азербайджанской ССР в лице М.Д.Гусейнова выразил своё согласие на предложения Российского Советского правительства от 15 мая 1920 г. о посредничестве в

разрешении спорных вопросов между Азербайджаном и Арменией (88, 111).

Посредничество Советской России означало оккупацию её войсками спорных территорий, так как российские военные силы традиционно играли решающую роль при решении любых вопросов (национальных, территориальных и т.д.) и власть большевиков на Южном Кавказе держалась, исключительно, на острие российских штыков. Об этом, выступая на заседании ВЦИК 17 июня 1920 года, говорил нарком иностранных дел Советской России Г.Чичерин. Касаясь позиции своего правительства по проблеме разрешения территориальных конфликтов на Южном Кавказе, Чичерин отмечал: «Мы являемся повсюду в этих странах миротворцами и третейскими судьями территориальных споров между враждующими национальностями, и все они согласны на то, чтобы наши войска занимали спорные территории и чтобы смешанные комиссии под нашим председательством решали вопросы о спорных территориях» (273, 167). Поэтому в приказе командованию Кавказского фронта от 11 мая 1920 г. было поручено «для прекращения резни в Шушинском и Зангезурском регионах выдвинуться в район Нахчыван-Ордубад-Шуша и впредь до разрешения вопроса о границе между Азербайджаном и Арменией смешанной комиссией правительств этих государств иметь в указанном районе гарнизоны, достаточно сильные для поддержания порядка и недопущения межнациональной резни» (239). Вслед за этим командующий XI Красной Армии Левандовский 18 мая 1920 года на станции Гянджа отдал приказ №58 об «Охране границ Азербайджана с Грузией и Арменией». Согласно 4 пункту приказа, начдиву 32-й диви-

зии XI Красной Армии Штейкеру поручалось: «к 25 мая выслать сильные отряды на Нахчыван-Джульфа-Ордубад с целью овладения этими пунктами» (208, 50).

Однако, процесс оккупации этих районов несколько затянулся. Это было связано, прежде всего, с тем, что основные силы XI Красной Армии были направлены в это время на подавление антибольшевистских вооруженных выступлений в Гяндже, Карабахе, Загатале. С другой стороны, большевики стремились воспользоваться импульсом, приобретенным благодаря захвату Северного Азербайджана, для завоевания оставшейся части Южного Кавказа. Г.Орджоникидзе считал, что нескольких дней будет достаточно для завоевания Армении и Грузии. Ставка делалась на то, что в каждой из соседних республик спектакль, разыгранный в Баку по классическому сценарию захвата власти, будет повторен: коммунистический бунт, сопровождаемый вводом сил Красной Армии. Однако коммунистическое подполье в Грузии и Армении оказалось слабее, чем в Баку, а воля к выживанию у местных режимов — сильнее. Стало очевидным, что завоевание будет длительным, дорогостоящим делом. Это было малопривлекательной перспективой для Советской России в момент, когда основные её силы были отвлечены на войну с Польшей, с армией генерала Врангеля, где Красная Армия также терпела неудачи (256, 59).

Даже после ввода войск XI Красной Армии в конце мая- в начале июня 1920 г. в приграничные с Арагатской республикой районы Азербайджанской ССР, азербайджанское население не чувствовало себя в безопасности. Председатель Совета Народного хозяйства Азербайджанской ССР Н.Соловьев в докладной

записке «Наша политика в Азербайджане за два месяца (май-июнь) после переворота», написанной В. Ленину в 1920 году, отмечал: «Ситуация осложнялась ещё тем, что с одной стороны у азербайджанского населения в приграничных с Арменией районах по указанию из Москвы отбиралось оружие, что означало обречение населения на истребление армянами, а с другой шел прием армян в состав Красной Армии» (193). Данный факт подтверждается также в докладе от 20 сентября 1920 г. В. Ленину полномочного представителя Азербайджанской ССР в РСФСР Б. Шахтахтинского, где он отмечал: «Красная Армия всеми средствами добивается обезоружения мусульманского населения, даже в приграничных с Арменией областях, что при продолжающихся нападениях дашнаков угрожает физическому существованию мусульманского населения. Мусульманское население обезоруживается, а вооруженные отряды дашнаков беспощадно вырезают и уничтожают мусульманские деревни» (120, 23). Поэтому руководство Азербайджанской ССР в лице Н. Нариманова (215; 236, 210), М. Гусейнова (122, 12) в телеграммах, посылаемых в Москву, обвиняло Центр в том, что он своей политикой связал руки Азербайджанской ССР и требовало положить конец нападениям дашнакских отрядов на азербайджанские селения, в противном случае дать возможность защищаться самим.

25 мая 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение «продолжить переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войск» (64а, 134). В ходе переговоров Советская Россия выражала готовность заключить мирный договор, признав независи-

мость Армении в её довоенных границах (252, 495). Предметом обсуждения стали также территории Азербайджанской ССР – Карабах, Зангезур и Нахчыван, на которые притязала дашнакская Армения. В этом вопросе правительство Советской России открыто заняло проармянскую позицию. Это доказывают содержания телеграмм, которыми обменивались нарком иностранных дел Советской России Г.Чичерин и секретарь Кавказского краевого комитета ЦК РКП(б) Г.Орджоникидзе в ходе переговоров в Москве, куда не были приглашены представители от Советского Азербайджана. В начале мая 1920 года Г.Орджоникидзе направил В.Ленину и И.Сталину телеграмму, где писал: «... имейте в виду, если вы с Арменией заключите мир, это будет нечто ужасным для мусульман. Не перейдем мы границ, но только оттягиваете мир. Получается впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне» (64а, 125). 2 июня 1920 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.Чичерин в телеграмме Г.Орджоникидзе писал: «Нам необходимо достигнуть компромисса с дашнакским правительством. Между тем, азербайджанское правительство объявляет спорными не только Карабах и Зангезур, но и Шаруро-Даралагезский уезд. Армянская делегация после долгого сопротивления согласилась признать спорными Карабах и Зангезур. Нам необходимо, с другой стороны, достигнуть соглашения с азербайджанским правительством, чтобы наш договор с Арменией не был противоречием к требованиям Азербайджана. При громадности вашего влияния в Баку просим Вас использовать его, чтобы добиться от азербайджанского правительства признать спорными Карабах и Зангезур, но не Шаруро-Даралагезский

уезд. Одновременно, недостаточность наших военных сил и появление угрожающих нам турецких отрядов у Нахчывани заставляет отказаться от мысли занятия нашими частями каких-либо новых местностей, занятых Армянской республикой» (239). Проводимая Советской Россией политика заигрывания с Арменией и готовность на обсуждение с ней вопроса о «спорных» азербайджанских территориях, возможно, имели целью оказать давление на Азербайджан в ответ на начавшиеся там антибольшевистские вооруженные выступления.

Подобная двоякая позиция Советской России не могла не вызвать возмущения у партийного руководства Азербайджана, что нашло своё отражение в телеграмме, направленной в Москву Чичерину (копия Орджоникидзе) 18 июня 1920 года за подписью Н.Нариманова, члена ЦК АКП(б) А.Микояна, члена ЦК КП(б) Армении Нуридджаняна и члена Кавкрайкома Б.Мдивани. В ней отмечается: «Что же касается якобы спорных Зангезура и Карабаха, уже вошедших в состав Советского Азербайджана, категорически заявляем, что эти места бесспорные и впредь должны находиться в пределах Азербайджана. Джульфинский и Нахчыванский районы сплошь заселены мусульманами, больше года оторвавшиеся и силами местного населения оборонявшиеся против дашнакского правительства. Как в видах военных, так же и в целях непосредственной связи с Турцией, они должны быть заняты нашими войсками и присоединены к Азербайджану. Со своей стороны мы считаем всякие переговоры с дашнакским правительством... несвоевременными» (173, 97-98; 219, 35; 236, 215).

Интересно, что о крайне жесткой позиции азер-

байджанских коммунистов в отношении каких-либо территориальных уступок Армении и о готовности Советской России пойти на сделку с дашнаками писал в телеграмме от 1 июля 1920 г. в МИД Армении глава армянской делегации на переговорах в Москве Л.Шанг: «Из первых свиданий выяснилось, что единственным препятствием является граница Азербайджана, ибо из Баку всячески стараются помешать заключению договора. Здесь можно сказать, что наши требования считаются справедливыми, и центральным органом партии уже решено заключить с нами договор, но все же оставить без внимания волю бакинских большевиков не могут» (239).

Несмотря на все возражения азербайджанской стороны, в телеграмме от 19 июня 1920 г., направленной на имя Г.Орджоникидзе, позиция Г.Чичерина носила уже более жесткий характер: «Карабах, Зангезур, Шуша, Нахчыван, Джульфа не должны присоединяться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под российскими оккупационными войсками» (240, 25). Кроме этого, в докладной записке в Политбюро ЦК РКП(б) от 22 июня 1920 г. Г. Чичерин, давая оценку реакции руководства Азербайджанской ССР на предложения Советской России, жалуется на «недисциплинированность бакинских т.т. и вопиющие противоречия между их действиями и установленной ЦК политической линией» и требует «принять меры для их обуздания». В чем же заключалась «недисциплинированность» бакинских товарищей? Как пишет Чичерин, «в то время как ЦК партии постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путем вырывать там почву из под ног Антанты и отверг советизацию

Армении, считая несвоевременным отвлекать в этом направлении наших сил, Бакинские товарищи своими действиями срывают компромиссы, отвергают требуемое ЦК заключение соглашения с Арменией, настаивают на присоединении к Азербайджану тех спорных территорий, которые постановлено занять нашими силами и присоединение которых к Азербайджану сделает совершенно невозможными соглашение с Арменией. Вся эта боевая политика Бакинских товарищей идет коренным образом вразрез с линией, уже установленной ЦК». Чичерин считал, что для избежания срыва данной политики ЦК необходимо назначить в Баку авторитетного представителя центра, который «будет систематически сдерживать местных товарищей». В качестве кандидата он предлагал Сокольникова (64а, 134-135; 255). 26 июня 1920 г. Чичерин в разговоре по прямому проводу с Орджоникидзе ещё раз уточнил линию ЦК РКП(б): «Настаивайте, чтобы спорные территории между Арменией и Азербайджаном были заняты не азербайджанскими, а русскими войсками» (240, 26). В своем письме от 29 июня 1920 г. В.Ленину Г.Чичерин, касаясь отношений между Азербайджаном и Арменией, писал: «Азербайджанское правительство заявило претензию на Карабах, Зангезур и Шаруро-Даралагезский уезд вместе с Нахчываном, Ордубадам и Джульфой. Большая часть этих территорий находится фактически в руках Армянской республики и речи быть не может о посылке азербайджанских аскеров против армян для отнятия у последних тех областей, на которые Азербайджану вздумалось заявить претензии» (239). Подобная неосведомленность наркома иностранных дел РСФСР была не простительной. Как пишет Т.Кочарли, это было

связано, прежде всего, с дезинформацией Чичерина со стороны его заместителя, армянина Карахана (20, 362). Интересно, что в том же письме Чичерин предлагает правительству Азербайджана сделку: «Азербайджан для отнятия этих местностей должен послать свои мусульманские части против тех самых аскеров, которые восстают против Советской власти. Посылка татарских частей против армян абсолютно неприемлема и была бы величайшим преступлением». В свою очередь, правительству России предлагалось «всячески отбояриваться от обязанностей установить границу между Арменией и Азербайджаном». Цель затягивания решения вопроса тоже ясна: «С Армянской Республикой мы должны стараться возможно скорее заключить договор» (34, 22; 255).

22 июня 1920 года в Политбюро ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос «О политике на Кавказе». Было принято решение: «Предложить Наркоминдел сформулировать совершенно точно инструкцию наиболее ответственным работникам на Востоке на основании имеющихся до сих пор постановлений Политбюро и вытекающих из них выводов. Обязать военное ведомство эту инструкцию после одобрения Политбюро преподать к руководству всем ответственным военным работникам с предупреждением, что они обязуются все свои действия строжайшим образом сообразовать с этим указанием. Такие же указания дать всем членам Кавказского Бюро ЦК» (64а, 136). По представлению НКВД Советской России «Инструкция Реввоенсовета Кавказского фронта» обсуждалась и была утверждена на заседании Политбюро 7 июля 1920 г. Данная инструкция определяла линию поведения советских войск на оккупированных ими спорных между Азербайджаном

ном и Арменией территориях. Советским военным частям предписывалось: «7. Так как наше военное положение не допускает занятия русскими частями Карабаха, Зангезурского уезда, Нахичевани, Джульфы, Шаруро-Даралагезского уезда, российские военные власти должны ограничиться занятием тех спорных между Арменией и Азербайджаном местностей, которые ими теперь заняты, т. е. Шуши и Джебраила с устранением вмешательства войск тех или других соседних республик, как и было уже постановлено российским правительством и передано советским властям на Кавказе. Никакие азербайджанские или армянские власти в указанных местностях допущены быть не могут. В задачи российских воинских частей в этих местностях должно входить: а) поддержание общего порядка; б) недопущение столкновения между татарами и армянами, причем особенное внимание должно быть уделено районам со смешанным населением, где одна из указанных народностей является меньшинством. Российское военное командование не должно, однако, вмешиваться во внутреннее гражданское управление этих местностей и должно предоставить местному населению право создания администрации на началах, которые местным населением, без участия прямого или косвенного нашего командования, будут приняты; 8. При занятии указанных районов российское военное командование должно объяснить широким массам местного населения путем воззвания, приказов и проч., что русские войска занимают эти территории с целью предотвращения межнациональной розни, что занятие этих местностей является временным впредь до разрешения вопроса о принадлежности занимаемых территорий к той или

другой республике, и что эти территориальные конфликты будут разрешены смешанной комиссией под председательством представителя России, причем Смешанная комиссия будет руководствоваться этнографическим составом населения и его волей» (73, 161; 239). Интересно, что на этом же заседании Политбюро рассматривало предложение НКВД о назначении представителем в Баку Аксельрода. В принятом решении говорилось: «Отклонить, ввиду состоявшегося уже постановления о т. Серго» (64а, 136).

Особую роль в разрешении армяно-азербайджанского конфликта Москва отводила Г.Орджоникидзе, руководителю Кавказского краевого комитета РКП(б), созданного в апреле 1920 года. В.Ленин возложил на Г.Орджоникидзе руководство всей внутренней и внешней политикой Азербайджана (229, т.51, 226-227). Нариманов в телеграмме, направленной Ленину в 1923 г., называет Орджоникидзе «чистейшим воды колонизатором», «генерал-губернатором при Сталине», который «поднимал вопрос о слиянии Азербайджанской республики с Советской Россией» (178, 32). Как видно из посылаемых телеграмм в Москву, Г.Орджоникидзе в начале в целом поддерживал позицию Н.Нариманова по вопросу о территориальных притязаниях Армении. Так, в записке, отправленной В.Ленину, И.Сталину и Г.Чичерину в 1920 году, Орджоникидзе писал: «...мое глубокое убеждение, что для укрепления Советской власти в Азербайджане и сохранения за нами Баку нужно присоединить Нагорный Карабах. Она всегда являлась Азербайджанской и Зангезурской...». Кроме того, Орджоникидзе предупреждал Москву: «Другое решение этого вопроса сделает шатким наше положение в Азербайджане и ничего не

выигрывает в Армении... Разрешите довести до вашего сведения, что такое отношение к Азербайджану сильно компрометирует нас в глазах широких масс Азербайджана и создает в высшей степени благоприятную почву для работы наших противников» (219, 33).

В то же время, именно со стороны Г.Орджоникидзе впервые была подброшена идея о создании армянской автономии в Карабахе, за которую затем крепко ухватились армяне. В телеграмме, направленной Г.Чичерину Орджоникидзе писал: «Дело обстоит так. Азербайджан настаивает на немедленном и безоговорочном присоединении Карабаха и Зангезура. По-моему, это необходимо проделать, так как оба уезда экономически тяготеют к Баку и совершенно отрезаны от Эривани. При таком решении вопроса Азербайджан можно заставить отказаться от остальных областей. Я заставлю Азербайджан объявить автономию этих областей, но это должно исходить от Азербайджана, но ни в коем случае не должно быть упомянуто в договоре» (речь идет о договоре между РСФСР и Арменией – И.Н.) При этом Орджоникидзе обещал, что «гарантирует своей головой безопасность армянского населения этого района» (219, 33-34).

Свои предложения Г.Орджоникидзе передал также в телефонном разговоре Н. Нариманову: «Сейчас я говорил с Чичериным по поводу Карабаха и Зангезура. Я предлагаю немедленно присоединить эти области к Азербайджану, вам отказаться от претензий на другие области и дать автономию Нагорному Карабаху и Зангезуру, причем последнее ни в каком случае не должно быть указано в мирном договоре, а должно исходить исключительно от вас». Однако, колониза-

торский тон Г.Орджоникидзе вызвал резкую реакцию со стороны Н.Нариманова: «Вы говорите: не иметь претензии на другие области. Интересно узнать какие это области..., Карабах и Зангезур – бесспорные области Азербайджана» (219, 33-34).

Предложения Орджоникидзе не были поддержаны Москвой. В ответной телеграмме Г.Орджоникидзе 8 июля 1920 г. нарком иностранных дел Советской России Г.Чичерин выступил против предоставления Советскому Азербайджану такой «награды». «Недопустимо,- подчеркивал он, – подкупать националистически настроенные элементы, идя навстречу их экспансионистским вожделениям». В телеграмме же от 9 июля 1920 г. Г.Чичерин обвинил Г.Орджоникидзе в поощрении местного национализма, «мусульманофильской ориентации», оценивая так требования бакинского руководства сохранить территориальную целостность Азербайджанской ССР. В результате Орджоникидзе пришлось оправдываться: «Разрешите доложить – отвечал он, – что никакого отношения к «мусульманскому национализму» не имел и не имею. Среди моих предков нет ни одного татарина» (236, 213-214). Вслед за этим Г.Орджоникидзе в телеграмме Чичерину от 14 июля 1920 года внес некоторые коррективы в свою позицию: «Карабах целиком и безоговорочно присоединяется к Азербайджану. Зангезур объявляется спорным, остальные области ... остаются за Арменией» (219, 56-57).

Однако попытки руководства Советской России решать вопрос о границах между Азербайджаном и Арменией без согласования его с азербайджанским руководством вновь вызвали справедливое недовольство в Баку. В телеграмме «О положении в Нагорном

Карабахе», направленной в ЦК РКП(б) 10 июля 1920 г. за подписью Нариманова, члена Кавбюро РКП(б) Мдивани, членов ЦК АКП(б) Микояна, Нанейшвили, члена Реввоенсовета XI Красной Армии Левандовского, говорилось: «Мусульманская масса неожиданный поворот к старому и неспособность Советвласти сохранить Азербайджан в старых границах сочтет предательством, армянофильством или слабостью Советской власти. Мы предостерегаем центр от колебания в вопросе Карабаха и Зангезура в интересах того, чтобы не превратить Азербайджан в ублюдка, состоявшего на попечении Красной Армии и раздаваемого армянам и грузинам, вместо того, чтобы создать из него крепкий вненациональный центр и источник классовой революции Востока» (247, т. 2, 309). Нариманов призывал к скорейшей советизации Армении, которая должна была гарантировать, по мнению новой бакинской власти, безопасность границ Азербайджана и его суверенитет над районами Карабаха, Зангезура и Нахчывана (215). В телеграмме В.Ленину, Г.Чичерину и И.Сталину от 16 июля 1920 года Г.Орджоникидзе также предостерегал Москву от заключения соглашения с Арменией без участия Азербайджана: «Считаю абсолютно необходимым подождать с миром с Арменией до приезда представителя Азербайджана. Мир с Арменией без участия Азербайджана сильно нервнрует здешних товарищей» (64а, 145). Однако эти призывы в очередной раз не были услышаны в Москве.

В телеграмме Г.Орджоникидзе от 8 июля 1920 г. свою позицию выразил также нарком по делам национальностей Советской России И.Сталин: «Мое мнение таково, что нельзя без конца лавировать между сторонами, нужно поддерживать одну из сторон, опреде-

ленно, в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией. Я говорил с Лениным, он не возражает» (64а, 146).

Активную работу по реализации политики Советской России в регионе проводил её представитель в Грузии С.Киров. В письме от 6 августа 1920 г. из Тифлиса Г.Чичерину, С. Киров наряду с анализом политической ситуации в регионе, обозначил комплекс проблем в отношениях между Советским Азербайджаном и дашнакской Арменией термином «армянский вопрос». Примирение двух конфликтующих сторон Киров, как и Чичерин, рассчитывал достичь, прежде всего, через давление на азербайджанскую сторону и уступки с её стороны. Информирова главу НКВД Советской России о том, что ни армяне, ни азербайджанцы не верят в перспективу урегулирования спорных вопросов, Киров подчеркивал, что единственным выходом из создавшейся ситуации является «твердо решить этот вопрос в Москве», так как, по его мнению, «только её авторитет может решить дело» (236, 219).

Надо сказать, что в этот период наряду с правительством дашнакской Армении, активизировали свою дипломатическую деятельность армянские волонтеры различного уровня. Они направляли в Москву, в Совнарком РСФСР на имя В.Ленина письма о защите якобы нарушенных прав армянского населения Карабаха. Представители армян Тифлисского землячества направили 9 июня 1920 г. за подписью Ерзикянца и Пирумова обширное письмо Председателю СНК РСФСР В.Ленину о положении дел в Нагорном Карабахе. Авторы письма призывали большевистское руководство «вырвать почву у наглеющих и провоцирующих националистов», т.е. руководства Советского

Азербайджана и предоставить право на самоопределение армянам Нагорного Карабаха (119, 1). Интересно, что в это же время в адрес В.Ленина было направлено письмо армянских коммунистов Айкуни и Катаняна, которые, поддерживая обращения армян Тифлисского землячества, предлагали Карабах и Зангезур немедленно объявить Советской республикой, входящей в состав РСФСР на федеративных началах. По мнению авторов письма: «Советская Карабахо-Зангезурская республика даст возможность в любой соответствующий момент направить коммунистические силы в Армению для установления там советского строя» (239). Таким образом, армянские националисты под разными предлогами пытались оторвать Карабах и Зангезур от Азербайджана.

Несмотря на давление Москвы и различных армянских политических кругов, 15 июля 1920 г. Политбюро ЦК АКП(б), заслушав доклад о мире с Арменией, приняла следующее постановление: «1.Карабах и Зангезур должны быть присоединены к Азербайджану» (122, 13). Таким образом, руководство Азербайджанской ССР вновь подтвердило свой суверенитет над данными районами.

В телеграмме Чичерина от 19 июля 1920 г. министру иностранных дел дашнакского правительства вновь был поднят вопрос о возобновлении переговоров. С этой целью Москва направляла в Иреван своего полномочного представителя Бориса Леграна. В телеграмме Чичерина выражалась надежда на то, что прибытие полномочного представителя Советской России в Иреван способствует выяснению всех накопившихся недоразумений и удастся заключить по всем вопросам длительное и окончательное соглашение о мирных

дружественных отношениях (69, 374). Б.Легран, фактически, должен был выступать в Армении и как полномочный представитель Азербайджанской ССР, ведя за её спиной переговоры с правительством Армении о судьбе азербайджанских земель. Данный статус Леграна позже получил своё юридическое подкрепление договором о военно-экономическом союзе между Советской Россией и Азербайджанской ССР, заключённым 30 сентября 1920 г. (200, т. 2, 223). Хотя в договоре не предусматривался особо пункт об объединении комиссариатов по иностранным делам, но фактически Азербайджан лишился возможности ведения самостоятельной внешней политики. Должность наркома иностранных дел стала носить формальный характер, а дипломатические представительства республики в других странах стали лишь фикцией внешней независимости. Теперь все переговоры с внешним миром, в т.ч. с Арменией, Советский Азербайджан вел под непосредственным контролем и при обязательном участии представителя от Советской России (249, 74-78). В свою очередь, руководство Азербайджанской ССР в коллективной телеграмме Чичерину и Орджоникидзе, под которой стояли подписи Нариманова, Мдивани, Микояна и Нуриджаняна выразило своё недовольство ведением каких-либо переговоров с Арменией (219, 35).

После возобновления переговоров с Советской Россией Армения не торопилась подписывать мирный договор, стремясь добиться ещё больших уступок для себя, в т.ч. и по территориальным вопросам. В то же время, Армения не была заинтересована в присутствии частей Красной Армии на территории Нахчывана, Карабаха и Зангезура и под любым предлогом до-

бивалась их вывода с оккупированных азербайджанских территорий. 27 июля 1920 г. министр иностранных дел Армении призвал Россию к прекращению всех враждебных в отношении Армении действий и выводу большевистских войск из Зангезура, Карабаха и Нахчывана (215). Но, когда в конце июля 1920 г. турецкие войска взяли под контроль Нахчыванский уезд, политическое руководство Армении, оказавшееся перед угрозой перехода турецкой армии к наступательным действиям на территории самой Армении, вынуждено было пойти на тактическое сближение с Советской Россией. Россия же, не придавая особого значения обсуждению спорных между Азербайджаном и Арменией территориальных проблем, исходила из позиции скорейшей советизации Армении. Оценивая данную политику Советской России М.Расулзаде точно отметил: «Для России не имело значение кому будет принадлежать тот или иной армянский или азербайджанский уезд, главное все они будут в составе России» (36, 73).

Несмотря на все трения в отношениях, 10 августа 1920 г. по инициативе Москвы между РСФСР и дашнакской Арменией было подписано предварительное мирное соглашение. Согласно этому соглашению: «1. С 12 часов дня 10 августа 1920 года военные действия между войсками РСФСР и республики Армения считаются прекращенными. 2. Войсками РСФСР занимаются спорные области: Карабах, Зангезур и Нахчыван, за исключением полосы, определенной настоящим соглашением для расположения войск Республики Армения. 3. Занятие советскими войсками спорных территорий не предрешает вопрос о правах на эти территории республики Армения или Азер-

байджанской Социалистической Советской Республики. Этим временным занятием РСФСР имеет в виду создать благоприятные условия мирного разрешения территориальных споров между Арменией и Азербайджаном на тех основах, которые будут установлены мирным договором между РСФСР и Республикой Армения в скором будущем». Согласно 5 пункту этого соглашения: «Впредь до заключения договора между РСФСР и республикой Армения эксплуатация железной дороги на участке Шахтахты-Джульфа предоставляется управлению железных дорог Армении» (конечно особо оговаривалось, что этот участок не может быть использован в «военных целях» – И.Н.) (95, 171-172).

И в Армении, и в Москве этому соглашению придавали особое значение. Российская дипломатия рассматривала его как важный шаг в обеспечении через территорию Армении транзитной связи с Турцией. Что касается армянского правительства, то для него важно было обезопасить свои границы с Советским Азербайджаном для продолжения наступательных действий на турецком направлении. До падения дашнакской Армении оставалось чуть больше трёх месяцев, но власти этой республики все ещё жили иллюзиями создания «Великой Армении» за счет турецких и азербайджанских территорий. Следует отметить, что эти иллюзии поддерживались странами Антанты.

Мирное соглашение и перемирие с Россией совпало буквально день в день с дипломатической поддержкой, полученной Арменией от европейских стран. 10 августа 1920 г. в г. Севре, близ Парижа, был подписан договор между султанскими властями Турции и союзными державами – победительницами в

Первой Мировой войне. Как известно, статья 88 договора предусматривала признание Османской Турцией независимости дашнакской Армении (71).

Армяно-российское соглашение от 10 августа получило неоднозначную оценку в Араратской республике и Азербайджанской ССР. Газета «Нор-Ашхатавор» – рабочий орган партии «Дашнакцутюн» в номере от 18 августа 1920 г. писала: «Что и говорить, Карабах, Зангезур и Нахичеван сами собой присоединятся к Армении» (94, 134; 96, 29). Реакция руководства Азербайджанской ССР на договор была отрицательной. В телеграмме, направленной Ленину и Чичерину 13 августа 1920 г., чрезвычайный представитель Азербайджанской ССР в РСФСР Б.Шахтагинский, констатируя факт передачи Нахчывана Армении, обвиняет Советскую Россию в нарушении общепринятого принципа самоопределения народов и права Советского Азербайджана, в том числе и Нахчывана: «Соглашением от 10 августа 1920 г. Советская Россия вопреки воле населения Нахчывана передавала его дашнакской Армении, что, безусловно, грозило физическому существованию его населения, как это было с сотнями мусульманских селений на территории дашнакской Армении» (31, 153; 182, 14). Свой протест по поводу армяно-российского соглашения выразил также командующий восточным фронтом турецкой армии Кязым Карабекир паша в телеграмме Н.Нариманову от 12 сентября 1920 г: «Я не знаю, что написано в договоре, заключенном 10 августа, но знаю, что представитель Советского Азербайджана Бехбут Шахтагинский своим протестом Советской России от 13 августа сообщил, что положение для нас невыгодное; эти горячие протесты уместны, нужно протестовать...» (239).

Подобная реакция была также со стороны руководителя турецкой делегации в Москве Бекир Сами бея, который во время встречи с Лениным и Чичериным выразил своё недовольство фактом передачи дороги Нахчыван-Шахтагты под контроль дашнакской Армении (20, 369). Поэтому в телеграммах Н.Нариманову от 16 августа (187, 37) и 1 сентября 1920 г. (180, 23-24) Г.Чичерин, оправдываясь перед азербайджанским руководством за дипломатические шаги своего правительства, писал: «Прелиминарный (временный – И.Н.) договор, заключенный Лиграном с Арменией вызван исключительно военными соображениями. Дело идет о занятии спорных местностей нашими частями и введении в них советской системы при нашей оккупации, а вовсе не о передаче их дашнакскому правительству. Договор 10 августа с Арменией закрепляет то, что фактически может быть нами достигнуто при наших теперешних силах».

Таким образом, мы видим, что в отличие от Азербайджана (вспомним ультимативные по содержанию телеграммы в январе-апреле 1920 г. наркома иностранных дел РСФСР Чичерина правительству АДР – И.Н.), в отношениях с дашнакской Арменией накануне её советизации РСФСР соблюдала мирный и добрососедский тон и воздерживалась от всяких недружелюбных действий, могущих повести к нарушению этих отношений. Советская Россия вела эту политику, не выдвигая никаких предварительных условий. Все эти шаги РСФСР были очередными звеньями в длинной цепи её политики по окончательному захвату Южного Кавказа и началу передачи азербайджанских земель Армении. Эта политика проводилась открыто, как в случае с Зангезуром, и скрыто, как в случае отда-

ления Нахчывана от Советского Азербайджана и предоставления автономии армянам Нагорного Карабаха. Первые оттенки этой политики можно увидеть уже в соглашении от 10 августа 1920 г. Хотя этим соглашением и был сделан первый шаг на пути урегулирования территориальных споров между Азербайджаном и Арменией, однако на переговорах, где решалась судьба территорий Азербайджанской ССР, представители последней не принимали участия. Подобное положение вызывало справедливое возмущение в руководстве ЦК АКП(б). Так, председатель Совнархоза Азербайджанской ССР Н.Соловьев в докладной записке, направленной В.Ленину в 1920 году, писал: «Казалось издевательством, что в составе делегации со стороны Азербайджана при переговорах с Арменией принимают участие армяне, со стороны Армении только армяне, без участия мусульман» (193). В докладе на имя Ленина другого члена ЦК и полномочного представителя Азербайджанской ССР в Советской России Б.Шахтахтинского от 20 сентября 1920 года этот вопрос также ставился остро: «Ещё более удручающее впечатление на мусульман произвело то обстоятельство, что Россия обсуждала с Арменией вопросы, касающиеся исключительно Азербайджана, но азербайджанское правительство об этих переговорах ничего не знало» (31, 153; 120, 22-29; 142, 56). Однако было ясно, что эти полномочия взяла на себя Советская Россия. Этот факт был отмечен даже на страницах армянской печати: «Ныне для всех ясно, что Азербайджан не является ни независимым государством, ни союзником России. Азербайджан – колония России» (95, 220).

Окончательно территориальные споры между Азербайджанской ССР и Арменией должен был ре-

шить будущий договор между РСФСР и Арменией. Об этом говорится в телеграмме от 19 августа 1920 г., направленной министром иностранных дел Республики Армения Огаджаняном наркому иностранных дел Азербайджанской ССР М.Д.Гусейнову: «Согласно предварительному договору, заключенному между представителями правительства Армении и полномочным представителем РСФСР Леграном 10 августа 1920 г., территориальные вопросы между Арменией и Азербайджаном должны быть разрешены на основах, которые будут установлены мирным договором имеющим быть заключенным между РСФСР и Республикой Армения в скорейшем будущем. Ввиду изложенного, в ответ на предложение ваше о созыве 20 августа сего года армяно-азербайджанской конференции сообщаю, что правительство моё созыв таковой до заключения окончательного договора с РСФСР считает преждевременным» (90, 2).

Дело в том, что ещё 2 июля 1920 г. было подписано армяно-азербайджанское соглашение о созыве в ближайшее время конференции в городе Газахе для мирного решения всех спорных вопросов между сторонами (88, 99). Об этом подробно говорится в сообщении Н.Нариманова «Азербайджан и Армения» на заседании Политбюро ЦК АКП(б) 24 августа 1920 года, где отмечалось, что по соглашению с дипломатическим представителем Армении в Азербайджанской ССР было принято решение созвать конференцию в Газахе 20 августа 1920 года (175, 40-45). В связи с этим в телеграмме, направленной 10 августа 1920 г. в Иреван, был указан состав делегации Азербайджанской ССР (Довлатов – председатель, члены – Микоян и Ломинадзе), а также сообщено об отправке в Армению пол-

номочного представителя Довлатова (247, т. 2, 321). Без сомнения, с подобным составом азербайджанской делегации говорить о защите её интересов на переговорах не приходилось.

После возвращения в Баку И.Довлатов сделал доклад на заседании Политбюро ЦК АКП(б) 27 августа 1920 г. «О положении в Армении». Он отметил: « В настоящее время, оказывается, Армения усиленно готовится к войне с Азербайджаном. На Азербайджан смотрят как на единственного и самого злейшего врага, а на Советскую Россию как на страну, которая поддерживает турок и сама хочет завоевать Армению, здесь ненавидят не только Азербайджан и турок, но и Советскую Россию, которую считают началом всех зол». Далее в докладе указывалось, что Довлатов несколько раз виделся с министром иностранных дел **А.Огаджаняном**, который, собственно, старался оправдать всю существующую политику в Армении и при Довлатове же подписал ответную телеграмму – с отказом на предложение о созыве конференции. На вопрос Довлатова, почему Армения не хочет решать спорные вопросы мирным путем, Огаджанян ответил: «Все равно из этого ничего не выйдет и что эти вопросы и вообще все вопросы можно решать через посредство дипломатических представителей» (143, 65; 175, 40-45).

Таким образом, Армения всячески избегала двухсторонних переговоров с Азербайджаном, стараясь привлечь в этот процесс посредников и, прежде всего, Советскую Россию. Дашнакская Армения решала с Советской Россией вопрос о границах с Азербайджаном. Это ещё раз подтверждает тот факт, что Араратская Республика не считала Азербайджанскую ССР

независимой республикой и рассматривала её как часть Советской России.

Тем временем, армянское правительство в августе 1920 г. объявило мобилизацию в армию и получило значительную военную помощь от Запада. Вдохновленная территориальными «приращениями», предусмотренными Севрским договором и временным перемирием с Россией, в сентябре 1920 г. Армения возобновила боевые действия на турецком направлении, обвинив в провоцировании её правительство Мустафа Кемаль паши. Армения не довольствовалась своей Кавказской территорией и под именем Турецкой Армении желала отнять у Турции её территории: Сивас, Эрзерум, Эрзинджан, Муш, Битлис, Ван, где большинство населения составляли турки (215).

Надо сказать, что позиция Советской России в армяно-турецком конфликте имела ряд важных особенностей. Как видно из содержания телеграммы Г.Чичерина Н.Нариманову от 20 июля 1920 года, большевистское руководство в Москве постоянно опасалось изменения ориентации правительства М.Ататюрка в направлении Антанты (236, 255). Москва считала, что военные успехи Турции в ходе её конфликта с Араратской Республикой могли бы усилить турецкое влияние не только в буржуазной Армении и Грузии, но и вызвать возможную политическую переориентацию Советского Азербайджана. Об этом в письме И.Сталину от 5 ноября 1920 года писал Г.Чичерин: «В нашей ставке на мусульманство приходится все время считаться с тем, что в один прекрасный день антибольшевистская тенденция может оказаться сильнее, чем антианглийская. Я все время предостерегал и предостерегаю против односторонней ставки на одно му-

сульманство, представителем которого был у нас Нариманов» (236, 267). Поэтому, с одной стороны, Армения, даже дашнакская, рассматривалась Советской Россией как важный форпост в борьбе против наступления турок, а, с другой, как потенциальный союзник и региональный барьер на пути сближения Азербайджанской ССР с Турцией.

В октябре 1920 г. в Иреване проходили переговоры между представителями Араратской Республики и РСФСР. При этом главная установка руководства РСФСР на переговорах была ярко выражена в словах Орджоникидзе: «... не исключена возможность, что Армения при известной политической обстановке может нам понадобиться» (219, 33). Переговоры с дашнакским правительством завершились подписанием 28 октября 1920 г. мирного договора. По этому договору, Армения должна была отказаться от Карабаха, но получала Зангезур и Нахчыван, а также ей была обещана ссуда в 2,5 миллионов рублей золотом (200, т. 2, 728). В телеграмме от 1 ноября 1920 г. Чичерину Легран писал: «Считать наше соглашение приемлемым и открывающим реальную возможность парализовать старания Антанты превратить Армению в своё оружие» (73, 61). Некоторые армянские историки утверждают, что документ, подписанный 28 октября 1920 г. был лишь протоколом, который определял условия к подписанию в будущем мирного договора (213, 38-46). Однако в годовом отчете НКВД РСФСР к VIII съезду Советов ясно указывается на заключение именно мирного договора между Советской Россией и дашнакской Арменией (200, т. 2, 724-730). Этот факт подтверждает также текст стенограммы совместного заседания Политбюро АКП(б) и Кавбюро ЦК РКП(б) 4 ноября 1920 г., на ко-

тором присутствовали Сталин, Орджоникидзе, Габриэлян, Лигран и др. После обсуждения итогов переговоров проходивших в Иреване, было принято следующее постановление: «Предложенный в договоре пункт о передаче Армении Нахчывана и Зангезура не выгодно ни в политическом, ни в стратегическом отношении и может быть проведено в крайнем случае». На том же заседании Нариманову было поручено составить «мотивировку мнения» Политбюро, но окончательного решения о договоре не выносить до переговоров Сталина по этому вопросу с ЦК РКП(б) (123, 17, 19). Как видим, территории Азербайджана использовались в качестве разменной монеты в угоду далеко идущих идеологических, политических и стратегических целей большевиков, без учета интересов Азербайджана.

Подтверждением этому является выступление Сталина на объединенном заседании ЦК АКП(б), БК АКП(б), Кавбюро ЦК РКП(б), Азревкома и Бакисполкома 9 ноября 1920 года, где обсуждался вопрос о спорных территориях. Выступая на нем Сталин сказал: «Если хотят узнать, кому принадлежат долина Зангезур и Нахичеван, то теперешнему правительству Армении их передавать нельзя, будет советская, тогда можно будет» (121, 19). Из выступления Сталина становится ясно, что план передачи Нахчывана и Зангезура Армении был подготовлен ещё задолго до её советизации высшим большевистским руководством в Москве и поэтому декларация Нариманова от 1 декабря 1920 года на заседании Баксовета носила лишь формальный характер. Данная позиция Сталина доказывает, что он подходил к решению территориальных вопросов с точки зрения политической конъюкту-

ры и полностью опровергает мнение армянских авторов о том, что он якобы защищал интересы Азербайджана. Подтверждением этого является другое его высказывание об Азербайджане на том же заседании: «Я не за независимость Азербайджана. Не может быть независимости одной части коммунистов от другой» (121, 16). Таким образом, как верно писал в телеграмме Ленину Н.Нариманов: «Азербайджан, первая бросившаяся в объятие Советской России, теряет и территории и самостоятельность» (178, 8).

Стремительное наступление турецкой армии и военные поражения дашнакской Армении вынуждали Советскую Россию дополнять свои дипломатические усилия военными. В телеграмме Г.Чичерину от 8 ноября 1920 года И.Сталин предельно четко определил задачу текущего периода: «нужно немедленно двинуть воинские части к границам Армении и при необходимости войти в Иреван» (236, 269). Тем временем в Азербайджанской ССР завершалась мобилизация коммунистов-армян для отправки в Армению. 16 сентября 1920 г. на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) было принято постановление: «С Арменией надо заканчивать» (125, 10). 28 ноября на заседании Политбюро ЦК АКП(б) был утвержден список 30 коммунистов-армян для отправки в Армению (123, 30). Кроме этого, на территории Советского Азербайджана был сформирован армянский повстанческий полк, который принял участие в установлении советской власти в Армении (190, 639). 29 ноября 1920 г. части Красной Армии, пройдя через Газах, Иджеван (Каравансарай) и Дилижан, вступили на территорию Армении. Дашнакское правительство было свергнуто. В Армении была установлена Советская власть. 2 де-

кабря 1920 г. в Иреване было подписано соглашение между полпредом РСФСР в Армении Б.Леграном и армянским коммунистическим руководством о провозглашении «Независимой Советской Социалистической Республики Армении» (69, 441). Газета «Ашхатавор» в номере от 9 января 1921 г. по этому поводу писала: «В Армении революцию произвели турки и русские, а власть была прислана из Баку» (98, 46).

1.2. Военно-политическое положение в Карабахе и Зангезуре.

В целом в Карабахе было два периода перехода власти Советам: 1) после свержения правительства АДР большевиками и оккупации Северного Азербайджана частями XI Красной Армии Советской России. 2) после подавления Карабахского восстания в июне 1920 г. во главе с Нуру пашой. В первом случае власть на местах была организована стихийно и не выражала интересов новых властителей Азербайджана. В январе 1919 года правительство Азербайджанской Демократической Республики с целью предотвращения агрессии Армении на Карабах и Зангезур и сохранения территориальной целостности АДР в этом регионе, утвердила здесь должность генерал-губернатора Карабаха, на которую был назначен Хосров бек Султанов. Карабахское генерал-губернаторство включало территории Шушинского, Джеванширского, Зангезурского и Джебраильского уездов АДР (30, 114). Таким образом, в период Азербайджанской Демократической Республики понятие «Карабах» вернуло себе

прежнее значение, которое оно потеряла в период вхождения в состав царской России, а также в результате многочисленных административно-территориальных изменений. В этот же период появляется термин «Нагорный Карабах», созданный дашнаками (26, 62). Термин «Нагорный Карабах» у них приобретает не только географическое, но и политическое значение. С момента завоевания Северного Азербайджана большевиками этот термин приобретает административно-политическое значение.

На протяжении 1919-первой половины 1920 гг., благодаря кропотливой деятельности Х.Султанова, данный регион был защищен от непрекращающихся вылазок вооруженных сил Республики Армения. Начало весны 1920 года ознаменовалось возобновлением конфликта, охватившего Карабах, Зангезур, Гянджинский и Газахский уезды. 22 марта, в день Новруз Байрамы, внезапному нападению вооруженных армянских отрядов подвергся Шушинский гарнизон армии АДР. Одновременно с событиями в Шуше, в ночь с 22 на 23 марта, нападением армянских отрядов подверглись Ханкенди и Аскеран. 2 апреля 1920 года после кровопролитного боя азербайджанскими частями был занят Аскеран. 3 апреля азербайджанские части вступили в Ханкенди. В целом к концу апреля 1920 года азербайджанская армия с честью выполнила свою задачу, отстояв территориальную целостность. В то же время, военный конфликт привел к тому, что оборона северных границ АДР была значительно ослаблена, так как азербайджанское правительство было вынуждено сконцентрировать основные силы армии на западных рубежах республики.

Восстание в Карабахе было спровоцировано даш-

накским правительством Армении с целью обострения ситуации в регионе. Оно явилось результатом координированного плана Иревана и советского командования, имевшего целью облегчить операции наступавшей на Северный Азербайджан XI Красной Армии. Данный факт нашел подтверждение в докладной записке армянского правительства в июне 1920 года в Москву, в Комиссариат по делам национальностей и в ЦК Коммунистической партии (215).

Мартовские события 1920 г., спровоцированные дашнакской Арменией с целью отторжения Карабаха от Азербайджана, дали повод карабахским армянам нарушить соглашение от 22 августа 1919 г., заключенное с правительством АДР. По данному соглашению, состоявшему из 26 пунктов, армянское население Нагорного Карабаха считало данную территорию составной частью Азербайджанской Демократической Республики (239). Данное соглашение являлось единственным до 1921 года официальным документом по урегулированию отношений между армянами Нагорного Карабаха и правительством Азербайджана.

После получения вести об апрельском перевороте в Баку, генерал-губернатор Карабаха Х.Султанов в телеграмме от 30 апреля 1920 г. всем уездным начальникам поручил принять необходимые меры для поддержания полного порядка среди населения, предупредив, что всякое самочинное действие и проявление хотя бы малейшего признака анархии будет рассматриваться как выступление против азербайджанской Советской власти и караться по всей строгости военнореволюционных законов. Все должностные лица и учреждения должны были оставаться на своих местах и нормально функционировать. Ревком призывал тру-

довое армянское крестьянство Карабаха к мирной жизни, а для этого удалить из своей среды агентов дашнакского правительства и приступить совместно с мусульманским крестьянством к налаживанию своей экономической жизни (239). Х.Султанов тем самым хотел предотвратить возможные провокации дашнаков против азербайджанцев, сохранить целостность территорий. В телеграмме от 10 мая 1920 г. на имя председателя Совнаркома АССР Х.Султанов информировал новое руководство Азербайджана об усилении военной агрессии Армении и просил принять необходимые меры (88, 60). Однако, армяне, как дашнаки, так и коммунисты, понимая какое значение имеет авторитет Х.Султанова для азербайджанского населения Карабаха и, пытаясь отстранить его от должности, всячески старались скомпрометировать губернатора в лице нового правительства Азербайджана, обвиняли Х.Султанова «в службе мусавату, а теперь большевикам» (88, 51). 6-7 мая 1920 г. так называемый комитет обороны крестьян Нагорного Карабаха выпустил обращение к председателю Совнаркома Советской России В.Ленину, где выразил недоверие ревкому Карабаха во главе с Султановым и обещал с удвоенной энергией продолжить борьбу до тех пор, пока «к границам Нагорного Карабаха не подойдут верные революции сыны Советской России» (239). В телеграмме министра иностранных дел Армении А.Огаджаняна правительству Азербайджана от 12 мая 1920 г. отмечалось: «Организатор резни армян Султанов, надев красную ленту, снова находится у власти» (88, 51). В результате, решением Азревкома от 22 мая 1920 года Х.Султанов был арестован и передан суду ревтрибунала (110, 20).

Декретом Азревкома от 18 мая 1920 г., с целью

укрепления советской власти в Карабахе и Зангезуре, была учреждена должность чрезвычайного комиссара, которым был назначен Д.Буният-Заде (114, 2). 20 мая на объединенном заседании компартии Карабаха в присутствии Чрезвычайного Комиссара Д.Буният-Заде, его помощника А.Каракозова, был упразднен прежний ревком, «как несоответствующий духу времени», и сконструирован ревком в составе: председателя Бахадура Велибекова, помощника председателя Мир Джафара Багирова. Ввиду большой территории, занимаемой Карабахом, его изолированного положения, а также ввиду обостренного национального вопроса, решено было временно учредить Областной ревком Карабаха, который должен был давать инструкции всем уездным ревкомам, а именно Зангезурскому, Карягинскому (так в документе называется Джебраильский уезд – И.Н.), Джеванширскому и Шушинскому (129, 10). Таким образом, сохранялись границы бывшего генерал-губернаторства.

После подавления гянджинского восстания (25-31 мая 1920 г.) большевики окончательно потеряли доверие к частям бывшей национальной армии и приняли решение об их разоружении. К началу июня 1920 г. в различных частях Карабаха находились Шекинский, Тертерский, Джеванширский, Агдамский конные полки, Бакинский пехотный полк и две артиллерийские дивизии бывшей национальной армии (17, 47). Восстание в Карабахе возглавили турецкий генерал Нурупаша и полковник бывшей национальной армии Зейналов. Однако, локальность восстания и неравные силы в конечном итоге привели к его поражению. Военная операция XI Красной Армии, начавшаяся 10 июня, завершилась 14 июня взятием Ханкенди и Шуши (17,

48). В советской историографии данное событие освещалось следующим образом: «Части XI Красной Армии пришли на помощь трудящимся Шуши ... население вышло встречать бойцов хлебом-солью» (259, 35). То, какое значение придавало руководство ЦК АКП(б) во главе с Г.Орджоникидзе подавлению восстания в Карабахе видно из содержания его переговоров с командующим XI Красной Армии Левандовским: «Нечего говорить, что в разгроме карабахских банд представляется возможность мирного строительства в Азербайджане» (117, 1).

Однако, даже после подавления восстания, ситуация в Карабахе оставалась сложной, прежде всего в области организации власти. Назначаемые на местах представители власти не только не информировали о положении в регионе, но своими неопытными шагами являлись причиной сгущения политической атмосферы и давали повод разным провокациям. Поэтому ЦК АКП(б) в Карабах направлялись специальные уполномоченные, которые должны были собрать полную и достоверную информацию о положении в регионе. В докладах, которые поступали от уполномоченных в Центральный Комитет АКП(б), принимая во внимание этнографическое положение Карабаха, политическое положение в уездах рассматривалось с 2-х сторон: со стороны мусульманского и со стороны армянского населения. В докладе уполномоченного наркомата внутренних дел АССР С.Атаева в ЦК АКП(б) от 31 октября 1920 года отмечалось: «Положение в уездных партийных организациях и в сфере партийных отношений обстояло не лучше. Отсутствие серьезной партийной работы, наличие в партии дезорганизующего и сомнительного с точки зрения политического

элемента, в лице бывших дашнаков, а теперь коммунистов-армян, их грязные открытые интриги и личные счета, приводили к рукоприкладству, ругательствам, игнорированию и вооруженным столкновениям на обширных партийных собраниях» (126, 35-38).

В докладе чрезвычайного уполномоченного наркомпрода АССР в Карабахе Ю. Меликова в июле 1920 года также указывалось на существование серьезных проблем в Карабахской партийной организации: «На почве недоверия друг к другу, среди коммунистов определено существовало два национальных лагеря: мусульмане и армяне. В этих условиях деятельность Чрезвычайного комиссара Карабаха сводилась к нулю, всюду слышались жалобы на индеферентное отношение этого высшего местного органа власти к нуждам населения, большинство которой и вовсе не предполагало о существовании такой власти. В этом особенно можно было убедиться больше всего в Шушинском уезде, тем более что здесь находилась резиденция Чрезвычайного комиссара. Казалось, в положении г. Шуши и его районов должен был быть некоторый порядок, ввиду сосредоточения здесь всех областных учреждений – Чрезвычайного комиссара, Областного ревкома. Однако, население города Шуши стонало от притеснений и насилий ревкома. Чрезвычайный комиссар не пользовался ни доверием, ни властью, его никто не слушался, да и он сам не мог твердо предъявлять то или иное требование, как высшая власть. Дело доходило до того, что по выезде из Агдама по направлению к Шуше больше всего чувствовалось, что едешь в какое-то другое государство. В Аскеране была установлена пограничная полоса, останавливающая проезжающих и проверяющая их. Особенно злило му-

сульманское население то обстоятельство, что эту проверку производили **большой** частью частные лица армянской национальности, здесь даже имелась специальная женщина–армянка для обыскивания мусульманок, у которых обыскивалось все тело и отбиралось все золото и другие ценности» (130, 38-42).

Наряду с мощной агитацией, которую вели в Нагорном Карабахе агенты дашнакской Армении, немалое влияние на настроение крестьян оказывали также местные армянские коммунисты. Данные лица своими действиями фактически подготавливали почву к отделению той или другой части Карабаха от Азербайджанской ССР, образованию особого ревкома Нагорного Карабаха, вплоть до провозглашения здесь республики. Так в конце апреля 1920 г. в районе Дизака, Варанды и Хачена был организован комитет армян Нагорного Карабаха. В докладе членов комитета в ЦК АКП(б) от 1 июля 1920 года отмечалось: «Местные армяне-крестьяне были охвачены националистическим угаром. Всё их внимание было сосредоточено на Араратскую республику, в которой они видели свою «спасительницу». Они были спаяны мыслью об истреблении своих соседей мусульман за свободный Карабах» (130, 21-22). В приказе войскам XI Красной Армии от 9 и 10 июня 1920 г. также сообщалось: «Армянское население Нагорного Карабаха будучи озлобленным против мусульман ... пробираясь большими массами (доходящими до 5 тыс. человек) на плоскость, населенную мусульманами: расхищают оставленное имущество, поджигают дома и насилуют мирных жителей мусульман, чем нервнируют все мусульманское население Азербайджана и мешают нам здесь, в Азербайджане, проводить советские реформы» (189). Подобная си-

туация стало поводом для того, что в телеграмме от 28 мая 1920 г., направленной в Азревком Н.Нариманову, руководитель комитета армян Нагорного Карабаха Сако Амбарцумян выступил с требованием немедленного прибытия частей Красной Армии в Нагорный Карабах, «как необходимой реальной силы, на которую можно опираться в первоначальной организации власти». Причем в телеграмме настойчиво требовалось расположить военные части таким образом, чтобы они отделили Нагорный Карабах от низменной его части (130, 5).

Не лучшим образом складывалась ситуация в Джеванширском уезде в целом и его уездном ревкоме, находившемся в Тертере. Сложившаяся в уезде политическая ситуация нашла своё отражение в телеграмме А.Каракозова в ЦК АКП(б) от 19 июня 1920 г.: «Я нахожусь в Джеванширском уезде. Работа в армянской части налаживается. Почти все мусульманское население Джеванширского уезда разбежалось во все стороны» (130, 11). В докладе уполномоченного НКВД С.Атаева от 31 октября 1920 г. отмечалось: «При ревизии ревкома и продкома Джеванширского уезда было установлено, что деньги и в большом количестве чеки Иреванского банка Араратской республики, продукты в не меньшем количестве бессистемно, бесконтрольно отправлялись только в армянские села, тогда как разрушенная мусульманская часть совершенно ничем не удовлетворялась. Местная партийная организация и инспекция пропускают дефекты и злоупотребления, вмешиваются в административные дела, дела ревкома только тогда, когда речь идет об армянской части уезда или отдельном лице-армянине. В случае какого-либо взыскания по службе с работника-армянина пар-

тийные армяне поднимали бурный протест, приходили в вооруженном виде в ревком, грозно требовали отмены решения» (126, 35-38). В другом докладе С.Атаева, направленном 12 декабря 1920 г. наркому внутренних дел АССР Г.Султанову, говорилось: «Почти все, и в особенности главное управление Джеванширским уездом находится в руках главных работников армян, которые постарались набрать громадные армянские штаты. Местная партийная организация состоит из 900 человек армян. Нет ни одного работника армянина, который не называл бы себя коммунистом, причем все эти коммунисты не имеют достоверных документальных данных о своей партийной принадлежности. Все нагорные армянские села вооружены, управляются агентами дашнакского правительства и не подчиняются никаким продовольственным и фуражным разверсткам. Когда было арестовано несколько дашнаков-агитаторов, партия армян выразила бурный протест, мотивируя его тем, что из-за арестов остальные дашнаки не будут спускаться с гор. Работа среди мусульманского населения партией не ведется. Образовавшуюся рядом с партийной организацией уезда мусульманскую комячейку не признают и на партийных заседаниях лишают голоса, а вместе с тем активного и пассивного права выбора, мотивируя свои действия их недостаточной коммунистической подготовкой» (131, 23-28).

В своем докладе Ю.Меликов подробно остановился на действиях частей Красной Армии, дислоцированных в Карабахе: «Особенно много произвола азербайджанское население терпело от находившегося в Карабахе особого отдела №8 – 32-й дивизии, который, набрав себе агентов из подонков местного обще-

ства, творил всевозможные бесчинства: реквизиции, аресты людей, производил обыски в домах. Такие реквизиции производились и сменившей 32-ю 28-ой дивизией и эти реквизиции довели население до крайности. Главным образом жалобы населения сводились к тому, что против них восстанавливали войсковые части армян-дашнаков, тем или иным путем попавшим на разные должности и преследовавшие свои чисто национально-шовинистические цели. Одно только и слышалось от населения, что такой то убит армянами, расстрелян без всякого разбора по провокации. Безобразные действия присосавшихся к Красной армии дашнаков, творивших без всякого зазрения совести свою гнусную работу во многом являлись причиной того недоверия, которое питало население к Красной Армии» (130, 38-42).

Интересно, что в секретной телеграмме в Реввоенсовет XI Красной Армии от 6 июня 1920 г. Г.Орджоникидзе также писал: «Мною неоднократно было указано Реввоенсовету относительно недопустимости пребывания среди красноармейских частей ... товарищей армян, что создает провокацию не только среди темной мусульманской массы, но даже среди мусульман-коммунистов. Предлагаю ... немедленно вывести всех т.т. армян из действующих частей. Это должно быть выполнено не позже 24 часов». В свою очередь, 7 июня 1920 г. начдивам 20-й и 28-й стрелковых дивизий, дислоцированных в Карабахе, поступает приказ командования XI Красной Армии «немедленно выводить всех армян красноармейцев из строевых частей дивизий и корпуса и срочно отправить их в Баку в Армянский запасной полк не позже 9 июля». Однако, начавшееся восстание в Карабахе аскеров бывшей на-

циональной армии во главе с Нуру-пашой привело к пересмотру командованием XI Красной Армии ранее принятого решения. Так, из донесений 11 и 12 июля 1920 г. видно, что армянские части были направлены на подавление восстания (239).

Однако, на фоне реальной ситуации сложившейся в Карабахе, на страницах официальной прессы положение в регионе преподносилось в «розовых тонах». Так, газета «Коммунист» в своем номере от 24 июня 1920 г. публикует выступление чрезвычайного комиссара Карабаха Д.Буният-Заде: «20, 21 июня при громадном стечении крестьян Шуши мною был устроен грандиозный митинг, на котором объяснил крестьянам значение разоружения их; они согласились; разоружение идет прекрасно; разоружаются и армяне Карабаха. Армяно-мусульманский вопрос ликвидирован» (219, 51). В другом номере газеты от 3 июля о положении в Джеванширском уезде сообщается: «Отношения мусульманских и армянских крестьян становятся братскими, и беженцы возвращаются по своим разоренным местам и приступают к строительству» (219, 52).

Накануне оккупации территории Зангезура войсками XI Красной Армии ситуация в этом регионе Северного Азербайджана была очень сложной. Продолжающийся армяно-азербайджанский конфликт привел здесь в движение различные политические силы. Созданные ещё в годы Первой Мировой войны в Зангезуре коммунистические организации, после оккупации Северного Азербайджана XI Красной Армией активизировали свою деятельность. Население Зангезурского уезда было смешанным по своему этническому составу. В результате агрессии Армении мусульман-

ские селения западного Зангезура были разрушены, сожжены, а остатки мусульманского населения нашли себе приют в мусульманской восточной части Зангезура, в основном в Губадлинском уезде. В результате, фактически в Зангезуре сложилось двоевластие – в армянской части уезда господствовали дашнаки, а в мусульманской – советская власть, которая имела слабое влияние. Верхний Зангезур превратился в дашнакское гнездо, а в нижнем Зангезуре произошел раскол и образовалось три лагеря, которые заняли друг к другу непримиримую позицию: Минкенде (сторонники власти Советов), Гаджисамылы (сторонники Султановых) и занявшие нейтральную позицию население Пирд-жахана (79, 25).

6 июля 1920 г. конная бригада XI Красной Армии заняла Герусы. 7 июля в приказе №69 Начдиву 28-й дивизии Нестеровскому указывалось: «Удерживать в своих руках район Герусы, обеспечивая за собой все подступы со стороны Араратской республики. Части дивизии держать в сосредоточенном виде в Герусе, Агдаме, Шуше, Тертере. При встрече с армянскими регулярными частями избегать активных выступлений, вместе с тем не допускать их на территорию Азербайджана и Карабаха» (208, 90). Как видим, Карабах здесь упоминается вне территории Азербайджана, что показывает позицию Советской России в этом вопросе. В связи с этим событием Н.Нариманов направил поздравительные телеграммы 14 июля 1920 года председателю Зангезурского уездного комитета и 17 июля командиру корпуса XI Красной армии А.И.Тодорскому (247, т. 2, 312-313). В этих телеграммах выразилась глубочайшая радость в связи с восстановлением Советской власти во всем Зангезуре, давались обе-

щения оказания посильной помощи населению уезда со стороны Советского Азербайджана.

1 июля 1920 г., когда ещё в армянской части Зангезурского уезда оперировали дашнакские банды, в мусульманской части начал функционировать уездный ревком во главе с Ага-Кишибековым. Спустя полтора месяца после завоевания Красной Армией Геруса здесь образовался другой ревком, называвший себя уездревкомом. Хотя сфера его влияния распространялась всего на 4 армянских селения, окружавших Герус, коммунисты-армяне в телеграммах в ЦК АКП(б) пытались представить положение таким образом, что этот ревком является единственным высшим органом революционной власти во всем Зангезуре, тем самым вызывая протест у мусульманского ревкома. Подобное положение продолжалось до 18 августа 1920 г., т.е. до съезда председателей уездных и участковых ревкомов из представителей населения Карабаха в Шуше, на котором было решено, «ввиду крайней обширности Зангезурского уезда, разбить последний на 2 района: на низменный – Баргушетский (азербайджанский) и Горный Герусинский со смешанным населением (армяно-азербайджанским) и организовать в каждом независимые друг от друга ревкомы, которые будут вести своё существование самостоятельно, непосредственно сносясь с центром» (114, 5).

19 сентября 1920 г. была создана комиссия ЦК АКП(б) в составе Ханбудагова, Гулиева, Татяна и Чальяна по перерегистрации компартии в пределах Зангезурского уезда. Работа велась в Сисианском, Герусинском, Хинзракском и Гализурском участках уезда. Как видно из сводок комиссии, регистрация была проведена лишь в армянских селениях уезда, где было

зарегистрированы 427 членов и 42 кандидата в партию. В мусульманских селениях регистрация не была проведена, так как они были разорены дашнакскими бандами и здесь была масса беженцев, а Гафанский район был захвачен (132, 1). Таким образом, вновь, как и в случае с Нагорным Карабахом, армянам удалось разделить власть в Зангезуре по территориально-этническому принципу, укрепиться в его нагорной части, что в дальнейшем приведет к созданию здесь настоящего армянского большевистско-дашнакского гнезда и присоединению западного Зангезура к Советской Армении.

Тем временем, ситуация в Зангезуре продолжало оставаться сложной. Ярким свидетельством тяжелого положения азербайджанского населения уезда являются факты, изложенные в протоколах заседаний Зангезурского Ревкома, в переписках с центральными органами. Так, в письме в Карабахский областной Ревком от 9 августа 1920 года сообщалось, что в Зангезуре положение мусульманского населения очень тяжелое, продолжают враждебные действия со стороны армян и персидских разбойничьих банд. Поэтому, учитывая неспособность населения обеспечить безопасность собственными силами, ревком просил заменить милицейские части на границе регулярными войсками и направить в подчинение комитета артиллерийский отряд (112, 12). В этой ситуации командование XI Красной Армии отдало приказ №78/оп от 10 августа 1920 г.: «Обеспечить сообщение с Нахчываном, заняв кордонами пограничную линию с Арменией; активных действий с армянскими войсками не вести; ликвидировать остатки дашнакских банд в Нахчыванском и Зангезурском уездах». На следующий день коман-

дир 28 стрелковой дивизии Нестеровский в отданном из Шуши приказе №19 «Войскам 28 стрелковой дивизии о ликвидации остатков дашнакских банд в районах Зангезура и Нахчывани» сообщал: «Авантюра Дро под Герусами ликвидирована. Банды дашнаков, разбитые в районе Герусы-Энгельюрт, в значительной своей части рассеяны и только небольшие остатки отрядов Дро и Нжде группируются в районе Кушбилак» (208, 104-105). В результате военных операций, проводимых на основе этих приказов, отряды Дро были опять вытеснены в Даралагез, а силы Нжде скопились в северных участках Ордубада.

Надо сказать, что с самого начала провозглашения советской власти в Зангезуре (он в это время находился в составе АССР – *И.Н.*), центр в лице ЦК АКП(б) не выработал четкой линии по отношению к Зангезуру. Один из чрезвычайных комиссаров Азербайджанской ССР в Зангезуре и Карабахе А.Каракозов 20 июля 1920 г. выступил в печати со статьей «К Зангезуро-Карабахскому вопросу», в которой отмечал: «Карабах и Зангезур тесными экономическими узами связаны с территорией Азербайджана, отсюда дороги ведут не в Иреван, а в Баку. Если внимательно подойти к политическим, национальным правам и практическим потребностям населений Карабаха и Зангезура, то не трудно их связать с Азербайджанской ССР. Присоединение Советского Зангезура к дашнакской Армении стало бы шагом назад в строительстве социализма, а также противоречило бы интересам трудящихся крестьян этих районов» (219, 58).

Назначенный 26 августа 1920 г. чрезвычайным комиссаром Карабаха и Зангезура Алигейдар Ширвани (123, 2) (заместитель вновь А.Каракозов – *И.Н.*), в

докладах, направляемых в Баку, также выражал свою обеспокоенность ситуацией в уезде. Осенью 1920 года делались определенные попытки оказать помощь региону. 26 октября 1920 г. на заседании Политбюро ЦК АКП(б), на основе телеграмм, отправленных из Геруса 21 и 22 октября Каракозовым, было обсуждено положение в Зангезуре. На этом заседании Г.Каминскому было поручено переговорить с Военно-Революционным Советом XI Красной Армии, а также, установив связь с Ширвани и Каракозовым, подготовить к очередному заседанию подробную информацию о ситуации в регионе. В телеграмме, направленной 26 октября 1920 г. в Шушинский ревком наркомом внутренних дел Азербайджанской ССР Г.Султановым указывалось, что с приближением зимы и трудностями на дорогах, решением ЦК необходимо подготовить транспортные средства для доставки в Зангезур керосина. Как становится известно из отчета Совета Народного хозяйства Карабаха от 7 октября 1920 г., в Герусе предполагалось организовать экономический отдел по Зангезуру и с этой целью из Шушы в регион был отправлен специальный представитель. Зангезурскому ревкому была оказана определенная финансовая помощь (30, 271).

Тем временем, как видно из доклада от 25 октября 1920 г. начальника оперативного отдела штаба XI Красной Армии о положении в Зангезуре, в первых числах сентября Нжде с остатками своего отряда бежал в село Мегри (Ордубадский район), где благодаря неприступной местности и недостаточной энергии войск XI Красной Армии, продолжал оставаться неуязвимым до первых чисел октября. В первых числах октября в районе Гатар вспыхнуло восстание, руководство которым принял прибывший из Мегри Нжде.

Восстание стало быстро распространяться и охватило почти весь Зангезур. Восстание это произошло не без ведома и содействия правительства Армении (239). В результате, как пишет Ширвани в письме от 25 октября 1920 года Нариманову, Караеву и руководителю Политического управления Кадырлы, военный комиссариат Зангезурского уезда распался, солдаты разбежались, военный комиссар остался лишь с несколькими сотрудниками. Ширвани отмечал также, что, по предложению командира 28-й дивизии, им были созданы смешанные отряды (из красноармейцев, курдов и армян) (30, 273).

Другой причиной тяжелого военно-политического положения Зангезура была политика, проводимая большевиками против братьев Хосровбека и Султанбека Султановых, которые являлись единственной реальной силой, противостоящей агрессивным действиям дашнакских банд, и которых местное мусульманское население поддерживало. В донесении от 26 июня 1920 г. командующему XI Красной Армии начальник 32-й стрелковой дивизии писал: «Султанбек Султанов чтим среди мусульман и курдов как вождь своего народа, за отзывчивость к беднейшему классу, преданность своему народу и умелое руководство вооруженными курдами, предотвратившими вторжение в пределы Курдистана лучшие армянские отряды Андроника, Амазаспа и Дро. Взаимоотношения между курдами и армянами были враждебными. Причем курды выразили желание помогать Красной Армии вплоть до пополнения её рядов. Султан-бек Султанов заявлял, что если потребуется от Курдистана живая сила, то он может выставить до 5000 вооруженных курдов» (239).

Однако, по отношению к братьям Султановых у большевиков больше преобладал партийно-классовый принцип, нежели государственный. Поэтому решением Политбюро и Оргбюро АКП(б) от 18 сентября 1920 г. Реввоенсовету XI Красной Армии было поручено «ликвидировать Султанова и его банду» (219, 62). Немалую роль в принятии подобного решения сыграли местные армянские большевики, которые понимали, что без ликвидации братьев Султановых невозможно будет присоединить Зангезур к Армении. Поэтому, в телеграммах в Баку они стремились опорочить братьев Султановых, обвиняя их в резне армян, в связях с дашнаками. Но, наиболее трезво оценивающие ситуацию азербайджанские коммунисты призывали руководство Советского Азербайджана использовать авторитет Султанбека Султанова и его отряда в борьбе против дашнакских банд. Об этом в телеграммах Н.Нариманову несколько раз писал предудездкома Шущинского уезда Ш.Махмудбеков (79, 25; 185, 8-9), чрезвычайный комиссар Карабаха и Зангезура А.Ширвани (113, 204-205). Однако, все эти телеграммы остались без ответа. В конечном итоге это стало одной из причин потери Азербайджаном части территории Зангезура.

Таким образом, в период с апреля по ноябрь 1920 года военно-политическая ситуация в Карабахе и Зангезуре оставалась сложной. Наряду с продолжающейся военной агрессией дашнакской Армении на эти территории Азербайджанской ССР, в результате сепаратистской работы местных армянских коммунистов, в Карабахе и Зангезуре сложилось двоевластие и, тем самым, подготавливалась реальная почва для отделения этих территорий от Азербайджана и присоединения к Армении.

1.3. Военно-политическое положение в Нахчыване.

После установления Советской власти в Баку ситуация в Нахчыване оставалась очень тяжелой и противоречивой. Коммунисты, которые направлялись ЦК АКП(б) в Нахчыван, должны были вести здесь совместно с местными большевиками активную пропаганду среди населения идей Советской власти. Уполномоченный XI Красной Армии тов. Буният-Заде 24 июня 1920 г. телеграфировал председателю Азревкома Н.Нариманову следующее: «В Нахчывани Советская власть присоединяется к Советской власти Азербайджана; царит полный порядок» (219, 51). Однако, в действительности ситуация в регионе не была ещё для большевиков стабильной. Реальная власть в Нахчыване по-прежнему находилась в руках Национального комитета и здесь ещё находились части турецких войск во главе с Халил-беком. В такой ситуации азербайджанское население Шарура подняло восстание в знак протеста против преступных действий дашнакских отрядов. К восставшим шарурцам присоединились крестьяне-азербайджанцы Иреванского уезда. Они требовали положить конец бесчинствам дашнаков. На помощь восставшим прибыли вооруженные отряды во главе с Келбалы ханом и Халил-беком, направленные Нахчыванским национальным комитетом (30, 247). В азербайджанской советской историографии эти события освещались следующим образом: «Напуганные размахом восстания, Келбалы-хан и Халил-бек постарались подчинить его своим целям и превратить в очередное межнациональное столкновение. Они захватили Шарурский уезд и стали продвигаться вглубь

Иреванского уезда» (232, 77).

В советской историографии были допущены многочисленные искажения фактов и событий при освещении действий Турции в данном регионе и взаимоотношениях её военного командования с руководством XI Красной Армии. Как известно, в это время турецкий народ вел национально-освободительную борьбу против стран Антанты за свою независимость и территориальную целостность. Несмотря на это, правительство Мустафы Кемаль паши Ататюрка также стремилось защитить территориальную целостность братского Азербайджана. Турецкий историк М.Сарай писал: «После 27 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль паша не мог оставаться безразличным к судьбе Азербайджана. Азербайджан и азербайджанские тюрки являлись мостом, соединявшим Турцию с турками, находящимися под властью России. Мустафа Кемаль паша выражал обеспокоенность, что Советская Россия пытается создать между Турцией и Азербайджаном армянское государство. Ататюрк в письме Карабекир паше писал: «Азербайджан должен быть действительно независимым государством. Русским необходимо дать понять, что политика, проводимая ими в отношении Азербайджана, будет основным показателем к ним исламского мира» (46, 69, 74). Позиция правительства М.Кемаль паши находит яркое выражение в его заявлениях: «Мы желаем создания Независимого Азербайджанского Государства. Мы должны по этому поводу установить необходимые контакты с русскими ... Нужно обеспечить, чтобы некоторые регионы, такие, как Карабах, находились в зоне влияния Азербайджанского Государства» (43, т. 3, 205).

9 июня 1920 г. был создан Восточный фронт ту-

рецкой армии во главе с Карабекир пашой. Численность армии Восточного фронта составляла 22 тысячи человек. Представитель Восточного фронта Вейсал бек Унувар был назначен командующим турецкими войсками в Нахчыване, штаб которого находился в селении Шахтагты и размещался вдоль границы – от Ордубада до станции Араздайн. Численность турецких войск в несколько раз превышала численность отрядов Красной Армии. Ответственный за политработу в турецких войсках, находящихся на территории Нахчывана, Вейсал бек заверял, что его армия прибыла на эту землю по просьбе аксакалов Шарур-Даралагеза, Нахчывана, Ордубада, и что их основная цель – избавить эти места от постоянных угроз со стороны дашнакской армии, защитить честь матерей и сестер, навеки водрузить здесь знамя мира (38, 76; 39, 46). Понимая реальную угрозу для региона, которую несли в себе действия армян, в конце июня Баязетская турецкая дивизия в количестве до 9000 штыков под командованием Джавид-бея приступила к оккупации района Нахчыван-Джюльфа-Ордубад и передовые части её в количестве 3000 штыков 2 июля прибыли в район Шахтагты-Нахчыван. В советской азербайджанской историографии эти шаги турецкого правительства оценивались как захватнические (57, 50-51). Так, в III томе «Истории Азербайджана» мы читаем: «Под предлогом борьбы с дашнаками, турецкие войска захватили и часть территории Азербайджана, в т.ч. город Нахчыван» (210, т. 3, ч. 1, 257). В действительности же, как видно из переписки командования Восточного фронта турецких войск с руководством XI Красной Армии, правительство М.Кемаль паши в совместных с Советской Россией военных операциях преследовало

цель недопущения захвата Зангезура и Нахчывана армянами. 7 июля 1920 г. представители Баязетской дивизии прибыли из Нахчывана в Герус с просьбой о скорейшем движении российских красных частей на линию Нахчыван-Ордубад с целью совместных действий против армян, движущихся из Иревана на Нахчыван (208, 88).

13 июля 1920 г. на заседании Бюро ЦК АКП(б), в ходе рассмотрения вопроса о Нахчыване, было принято постановление: «Ввиду того, что Нахчыванский район, ныне занятый турецкими войсками – неоспоримая часть Азербайджана, необходимо для предотвращения всякого рода конфликтов, очистить этот район от турецких войск. Для переговоров с Халилпашой, для урегулирования этого вопроса назначить: Нариманова, Микояна, Караева, Нанейшвили и Гусейнова» (122, 12). Через два дня после этого постановления, на заседании Бюро ЦК АКП(б) 15 июля с участием Егорова, Микояна, Караева, Орджоникидзе и др. было принято новое постановление: «2) От Нахчывана и других отказаться, предложить оккупировать русскими войсками» (122, 13). Командование XI Красной Армии, которое реализовывало политику Советской России в регионе, предписывало своим представителям поддерживать теплые отношения с турецкими военными частями, но в то же время, не предпринимать никаких действий против армянских сил без получения на это директив из центра. 16 июля 1920 г. командующий XI Красной Армии приказал начальникам 28-й стрелковой и 18-й кавалерийской дивизий войти в связь с командиром Баязетской дивизии с целью выяснить намерения турецких войск и их взаимоотношения с дашнаками (208, 193). В рапорте, направ-

ленном чрезвычайным комиссаром Нахчыванского района в Военно-Революционный Совет XI Красной Армии, сообщалось: «По отправке Красной бригады в Нахчыван, нам центром был дан устный наказ поддерживать тесный контакт с турецкими частями, находящимися в Нахчыване и способствовать укреплению братских уз между Советской Россией, Азербайджаном и революционной Турцией, ибо наш район является ближайшим пунктом и соединяющим звеном» (57, 51-52). Чувствуя приближение момента оккупации района, Г.Орджоникидзе и С.Киров в своём распоряжении по телефону командиру 18-й дивизии XI Красной Армии требовали «как можно быстрее, смертельным ударом покончить с дашнаками и прочими антисоветскими и антинародными группировками в Нахчыванском районе» (232, 180). В обращении представителей крестьян Нахчывана к правительствам РСФСР и Советского Азербайджана говорилось: «Мы, наравне с дашнаками, обвиняем кровавую Антанту, ... мы просим рабоче-крестьянское правительство и красную армию удалить с наших краев дашнаков и эту дьявольскую руку Антанты и спасти хотя бы уцелевшую часть наших граждан и придти на помощь нашим беженцам, дать нам и нашим соседям-армянам свободно вздохнуть» (220).

После проведения определенной военной подготовки части XI Красной Армии вошли в Нахчыван. В телеграмме командира объединенными войсками РСФСР и Турции Тарханова, направленной в Иреван 30 июля 1920 г., говорилось: «28 июля 1920 г. красные войска РСФСР, а также союзные нам войска Красной Турции в силу данного приказа вступили в совершенно оставленный жителями город Нахчыван и его рай-

оны, не имея целью военных действий против Армении. По имеющимся сведениям, вверенные вам войска намерены повести наступление на г. Нахчыван для предания его огню и мечу. Во избежание недоразумения и бесцельного пролития крови, могущих повлечь за собой последствия государственной важности, ставим Вас в известность о занятии нами Нахчывана и его окрестностей» (95, 98). В тот же день, 28 июля Нахчыванский революционный комитет, обратился к рабочим и крестьянам с воззванием, в котором объявил об установлении Советской власти в Нахчыване, а ревком её высшим органом власти. 10 августа 1920 г. Нахчыванский ревком направил письмо председателю Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР Н.Нариманову, в котором говорилось: «Постановлением огромного большинства нахчыванского народа Нахчыванский край признал себя неотъемлемой частью Азербайджанской ССР» (232, 81). В своем выступлении на II съезде АКП(б) в октябре 1920 г. Н.Нариманов, касаясь вопроса установления Советской власти в Нахчыване, сказал: «Товарищи, район Нахчыванский, это район Кавказа, который испытывал всю гнусность дашнакцаканов .... Этот район и действительно, с одной стороны, защищал себя от нападения дашнакцаканов, а с другой стороны от грозных орд персов. Нахчыванский район, ... имел все время одну только мечту, как можно скорее освободиться через красный Азербайджан» (221). Надо отметить, что в первые месяцы советская власть распространялась лишь на Нахчыван и окружающие его селения. В то же время, весь Шарурский уезд и частично Ордубадский уезд, в основном горные селения находились в руках дашнаков. С целью урегулирования отношений с пра-

вительством Армении, Нахчыванский Ревком 29 июля 1920 г. обратился к дашнакскому правительству с предложением начать мирные переговоры и прекратить кровопролитие (232, 82-83). Одновременно с этим, в обращении Нахчыванского Ревкома к населению от 30 июля 1920 г. отмечалось, что Советская власть не допустит никаких межнациональных столкновений, а также обеспечит безопасность армянских беженцев, возвращающихся в свои места проживания (30, 255). Однако, дашнаки отклонили эти предложения. Более того, военный министр дашнакского правительства 30 июля предъявил Нахчыванскому ревкому ультиматум: «Обеспечить безусловную покорность населения Нахчывана армянскому правительству. Нахчыванский Национальный комитет от лица всего населения Нахчыванского и Шарурского уездов должен заявить, что эти уезды являются неотъемлемой частью Республики Армении, и что все жители признают себя гражданами Республики Армении. Нахчыванский национальный комитет, а также жители этого уезда обязуются не допускать к себе турок и беженцев Ведибасара, Зангибасара и Шарура и агитаторов Азербайджана. Срок выполнения 48 часов» (239).

По поводу ультиматума, предъявленного населению Нахчыванского района дашнаками, Нахчыванский ревком 1 августа 1920 года писал командующему армянским отрядом в Шахтахты, на предмет вручения армянскому правительству следующее: «... трудящееся население Нахчыванского района, свергнув со своей шеи цепи монархического правления, отвергает даже возможность когда-либо надеть на себя ярмо дашнакского рабства. Трудовой народ Нахчыванского района объявил себя неотъемлемой частью Азербайджанской

советской республики, которая находится в союзе с РСФСР. Народ этот никогда не враждовал и не враждует с трудящимся населением Армении и будет бороться только против поработителей народа – дашнаков» (276).

Интересно, что на страницах газеты «Слово» 8 августа 1920 г. была опубликована реакция полномочного представителя РСФСР в Армении Б.Леграна на данное смелое заявление Нахчыванского ревкома, которое он оценил как «шагом безответственных лиц». Легран также заверил, что уже обратился к своему правительству с просьбой распорядиться взять обратно эти ультиматумы и установить с Арменией мирные и дружеские отношения. Как видим, Советская Россия открыто поддерживала действия дашнакского правительства в отношении Нахчывана, и, накануне заключения с ней соглашения от 10 августа 1920 г., готова была идти ей на уступки в этом вопросе (95, 127). Подобная поддержка Советской Россией Армении была связана: 1) с попыткой выиграть время для того, чтобы подготовить решающее наступление на Армению; 2) со стремлением вытеснить из региона турецкие войска, на которые опиралось местное население, тем самым мешая большевикам заигрывать с дашнакским правительством по вопросу о посредничестве в территориальном конфликте с Азербайджаном. В то же время, дашнакская пресса (газета «Нор Ашхатавор» от 4 августа 1920 г.) уже распространяла ложные слухи: «Армянскими войсками занят г. Нахчыван. Никакие эксцессы между армянами и мусульманами во время занятия города не имели места. Согласно полученным сведениям, мусульманское население Шарура и Нахчывана добровольно переселяется в Персию» (95, 85).

Тем временем, 28 августа 1920 г. на заседании Политбюро ЦК АКП(б) был рассмотрен вопрос о положении в Нахчыване. В принятом постановлении говорилось: «а) Поручить Азревкому выяснить вопрос Нахчыванский, наметить желательную для нас границу; б) Предложить Азревкому переговорить с Реввоенсоветом XI Армии о создании власти в Нахчыванском крае и предложить на пост комиссара Нахчыванского края кандидата ЦК» (намечалась кандидатура М.Д.Багирова – И.Н.) (124, 3). Кроме этого, Азревком и НКИД Азербайджана направил в Нахчыванский Ревком инструкцию следующего содержания: «1) Немедленно распустить все прежние органы власти, буржуазно-националистический Национальный Комитет Нахчывана и создать местные органы Советской власти. 2) с целью привлечения широких трудящихся масс к государственному строительству, провести мероприятия по укреплению рабоче-крестьянской власти» (30, 253).

С первых дней деятельности у Нахчыванского ревкома установились сложные отношения с Национальным комитетом Нахчывана, который обвинялся в защите интересов беков, ханов. Таким образом, делалась попытка вбить клин в единство народа в условиях, когда враг стучался в двери. Эта политика большевиков не прошла бесследно. Являвшийся в то время военным комиссаром Нахчывана, бывший генерал национальной армии Габиб бек Салимов был объявлен «врагом социализма» и расстрелян. На следующем заседании ревкома 29 августа 1920 г. объектом обсуждения стали руководители Национального комитета Нахчывана Джафаргулу хан, Рагим хан и его сын Исрафил хан Нахчыванские. Неоценим вклад этих людей в защиту Нахчывана от нападения дашнаков. Те-

перь их прежние заслуги были забыты и против них начались репрессии. Решением ревкома имущество Джафаргулу и Рагим хана было конфисковано (39, 34). В конце августа Нахчыванский ревком, обсудив вопрос о бывших членах «Национального комитета», которые якобы вели антисоветскую пропаганду, принял решение арестовать и выслать их в Баку (232, 87).

Оставались сложными также отношения между Нахчыванским ревкомом и командованием турецких войск в крае. Ревком обвинял их в связях с дашнаками. Как результат этой политики Ревкома, «коммунисты постановили вывести из ревкома представителя турецкой военщины (Халил-бека) и строго контролировать их деятельность (турок) в пределах Нахчывана» (232, 84). Ситуация настолько обострилась, что во время переговоров в августе 1920 г. между представителями командования XI Красной Армии и турецких войск, последним было предложено вывести свои войска из Нахчывана. Однако, турецкое командование правильно оценив ситуацию, не соглашалось, объясняя своё присутствие здесь необходимостью общей борьбы против дашнаков. Не желая осложнять отношения между советской властью и Турцией, правительство РСФСР дало указание командованию XI Красной Армии прекратить переговоры по этому вопросу. В августе 1920 г. в Москве был парафирован советско-турецкий договор, согласно которому было решено до его заключения оставить в Нахчыване военные силы обеих правительств (57, 51).

Таким образом, накануне решения вопроса о статусе Нахчывана положение в данном районе Азербайджана было сложным. С одной стороны, продолжающаяся агрессия вооруженных сил Араратской респуб-

лики держала ситуацию в напряжение, а с другой, политика заигрывания Советской России с дашнакской Арменией затягивала решение вопроса о статусе Нахчывана в составе Азербайджанской ССР. В условиях, когда руководство Советского Азербайджана находилось под диктатом Москвы, единственной силой, на которую опиралось население Нахчывана в борьбе против большевистско-дашнакского блока, были войска правительства Ататюрка.

ГЛАВА II.

ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ ПЛАНАХ АРМЯН ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ ССР (20-е годы XX века)

2.1. Оккупация и присоединение западного Зангезура к Советской Армении.

Решением Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) от 30 ноября (125, 51) и декларацией Баксовета от 1 декабря 1920 г. (171а, 224-225; 222) Зангезур целиком подлежал передаче Советской Армении. Данные решения были закреплены 3 пунктом договора между РСФСР и Армянской ССР от 2 декабря 1920 г., которым Советская Россия признавала Зангезурский уезд бесспорно входящим в состав территории Армянской ССР. Однако, процесс перехода региона под управление Армении произошел не сразу. Свидетельством этому являются содержания телеграмм, которые посылались с мест в ЦК АКП(б). В одном из своих последних докладов на посту чрезвычайного комиссара 16 декабря 1920 г. А. Ширвани в разделе «Общее настроение и положение крестьян Карабаха и Зангезура», писал: «Вне всякого сомнения, можно с уверенностью согла-

ситься с тем печальным фактом, что крестьянство нам не верит и на улучшение своего положения и на помощь советской власти не рассчитывает. Оно забито, запугано, ограблено и брошено при нас ещё хуже, чем до нас. Этому положению способствовали бездействие и отсутствие власти». Ширвани отмечал также «наличие десятка тысяч беженцев, терроризированных дашнаками, скитавшихся по всему Карабаху». В создавшемся положении он винил центр, «который совсем забыл про Карабах, не отвечая на многочисленные срочные запросы и телеграммы чрезвычайного комиссара» (130, 51-52). В связи со сложившейся ситуацией и невозможностью дальше бороться с тем хаосом и анархией, которая сложилась в Карабахе и Зангезуре, А. Ширвани несколько раз просил ЦК АКП(б) отозвать его в Баку. Постановлением совместного заседания Оргбюро и Политбюро ЦК АКП(б) от 12 января 1921 г. Ширвани был отозван из Карабаха (146, 17).

В телеграммах Председателя Шушинского уездревкома Шамиля Махмудбекова, отправленных в ЦК АКП(б), Азревком и НКВД 27 декабря 1920 г. (78, 60) и 5 января 1921 г. (79, 61), отмечалось: «Отдаленность Зангезура от Баку привела к тому, что здесь о нем забыли, никто не оказывает помощь региону и с момента установления Советской власти в Азербайджане сюда ни разу не были поставлены продукты». Не касаясь политической стороны данной проблемы, Махмудбеков просил немедленно принять меры по оказанию всесторонней помощи региону. Представители власти на местах требовали от Баку укрепить безопасность региона путем поставки военной помощи. Ситуация ещё более осложнилась после ухода красных частей из Зангезура. В телеграммах от 13 и 30 декабря

1920 г. в Баку Ш.Махмудбеков писал: «В связи с уходом красных частей местная власть и население предоставлены самим себе. Если центр, будучи уверен в благополучии этого края в политическом смысле увел за сотни верст войска, то позвольте нам самим организовать свою силу. Но для этого необходимо оружие и своевременная присылка жалования. Нового прихода сюда войск (имеются в виду красных частей – И.Н.) мы не желаем» (78, 60). Надо сказать, что в это время защиту Зангезура обеспечивали 360 милиционеров с очень ограниченным количеством патронов, которым приходилось вести не только внутреннюю службу, но и, выполняя функции армии, нести также охрану границ уезда, который подвергался нападениям не только дашнакских банд, но и разбойников с территории Персии (79, 61).

Назначенный в феврале 1921 года чрезвычайным комиссаром в Карабахе и Зангезуре А.Каракозов (136, 26) (интересно, что одновременно, как представитель и Азревкома, и Арменревкома – И.Н.), выступая на заседании III съезда АКП(б) (февраль 1921г.) по вопросу о положении в Зангезурском уезде, так объяснял причину ухода красных частей из уезда: «В виду того, что уезд совершенно оторван от центра (имеется в виду Баку – И.Н.), там совершенно не имеется транспортных средств, по климатическим и географическим условиям мы не в состоянии были держать там громадное количество войск для борьбы с дашнакскими бандами. Поэтому мы вынуждены были оставить уезд» (133, 192-196). Однако ясно другое, что уход красных частей из Зангезура был не вынужденным, а запланированным ходом Москвы. После решения Политбюро ЦК АКП(б) от 30 ноября и согласно условиям договора

между Советской Арменией и Советской Россией от 2 декабря 1920 г. Москва решила передать решение дальнейшей судьбы Зангезура самой Армении. В свою очередь Советская Армения руками дашнакских банд Нжде хотела завершить процесс оккупации уезда. Этот факт подтверждает также выступление А.Каракозова на III съезде АКП(б): «Двести сел разгромлено полковником Нжде и его бандами и характерно, что условия гражданской войны в Зангезурском уезде дали нам возможность сделать то, что невозможно было сделать в течение нескольких лет – завоевать симпатии мусульманского трудового крестьянства» (133, 192-196).

То, что Зангезурский уезд даже после решения о его передаче Армянской ССР оставался под управлением Советского Азербайджана подтверждают факты, основанные на официальных партийных документах того времени. В начале 1921 г., в ходе подготовки проекта будущего административного деления Азербайджанской ССР, был выдвинут ряд предложений об административном устройстве Зангезура. На заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) 12 января 1921 г. было принято постановление «поручить Наркомвнуделу разработать вопрос о мусульманской части Зангезура – в плоскости его административной организации» (219, 70). В объяснительной записке и проекте административного деления Азербайджанской Советской Социалистической Республики предлагалось разделить Зангезурский уезд на две части: западную – под названием Зангезурский уезд и восточную – под названием Курдистанский уезд, ввиду того, что главную массу населения здесь составляли курды. Основными доводами к подобному разделу

Зангезурского уезда были следующие: «Уезд представляет обширный район пересечения горными высотами и глубокими ущельями и в зимнее время совершенно непроходим, почему управление им из одного уездного административного центра является затруднительным, и даже невозможным. При делении уезда с Юга на Север будет достигнуто то, что в состав каждого, вновь образованного уезда войдут пашни, леса и пастбища и, кроме того, состав населения будет смешанный, армяно-мусульманский, благодаря чему будет укрепляться солидарность между трудящимися обеих национальностей, что очень важно» (82, 51). Анализ проекта показывает, что в нём немало противоречивых моментов и в целом он был направлен на расчленение Зангезура и передачу его Армении. При обсуждении указанного проекта деления Зангезурского уезда на две части на заседании межведомственной комиссии Азревкома, состоявшемся 2 апреля 1921 г. под председательством Т.Чикало, члены комиссии Шимановский, Гаджиев высказались против деления, указав на однородность уезда в хозяйственно-экономическом отношении и на большие удобства управления такой однородной хозяйственной единицей из одного центра. По мнению председателя комиссии Т.Чикало, «образование из данного уезда двух – также было нецелесообразно и в административном отношении, так как трудность управления этим уездом при отсутствии дорог этим не устранялась». После ещё некоторого обмена мнений, комиссия решила Зангезурский уезд оставить без изменения в старых административных границах (82, 62).

Тем временем, армяне-коммунисты и дашнаки начали предпринимать самые решительные меры с

целью военно-политического укрепления в Зангезуре. 25 ноября 1920 г. генерал Нжде провозглашает о создании в Зангезуре автономного правительства Сюника с центром в Герусе. Уезд был разделен на 4 района, для каждого района было выдвинуто 5 лиц, которые назывались районным парламентом. Кроме парламента от каждого села посылались по 2 или 1 диктатора, которые имели право расстреливать (133, 192-196). 8 декабря 1920 г. Нжде обращается с воззванием к населению Зангезура, в котором призывал мусульман к мирной дружеской жизни и к созидательной работе, а также обещал, что всё достояние мусульман неприкосновенно (79, 22). Данное обращение, прежде всего, имело целью политическую дезориентацию азербайджанского и армянского населения Зангезура. Это подтверждают также результаты обсуждения на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) 12 января 1921 г., где с одной стороны, указывалось, что дашнаки ведут работу в Зангезуре, а с другой, левые дашнаки вливаются в партию коммунистов (219, 70). В свою очередь, 21 января 1921 г. следует обращение Ревкома Армении к крестьянам Зангезура, где в искаженном виде доводится до населения суть декларации Баксовета от 1 декабря 1920 г.: «Тов. Нариманов совершил ещё один важный акт, который имеет важное значение для взаимоотношений двух братских республик – Армении и Азербайджана. Он одной декларацией объявил, что Зангезур, Нахчыван и Шарур неотделимые части Армении, оставив за Нагорным Карабахом право решения своего политического статуса. Этим актом ликвидируются бывшие пограничные проблемы между Азербайджаном и Арменией, следовательно и ликвидируются причины, возникающие в последние

годы перед трудящимися этих двух республик, приводя к ряду военных действий» (239).

В телеграмме Орджоникидзе от 22 января 1921 г. Ленину, Троцкому, Сталину выражалась обеспокоенность в связи с событиями в Зангезуре: «Считаю необходимым ещё раз довести до вашего сведения: положение на Кавказе грозит большими осложнениями. В Зангезуре организовалось самостоятельное правительство, поддерживаемое англичанами из Тебриза. В Тифлисе формируются англичанами армянские части из бывшей армянской дивизии, застрявшей в Персии со времени империалистической войны. Дашнаки создают в Зангезуре себе базу для борьбы против нас, ... если даже нам удастся выговорить у турок для Армении границы 14-го года (что едва ли возможно) и в таком случае Зангезур будет исходной базой против нас, поддержанной англичанами из Тебриза» (138, 5). Выходившая в Армении большевистская газета «Коммунист» в номере от 27 января 1921 г., касаясь этих событий, писала: «В Армении дашнаки превратили в свою базу несчастный Зангезур. Здесь собрались разные Рубены, Нжде и прочие. В Зангезуре концентрируются из разных мест оставшиеся «безработными» многочисленные маузеристы» (67, 414).

Однако, захват власти в Армении в феврале 1921 г. дашнаками и свержение советского правительства ускорили процесс оккупации западного Зангезура XI Красной Армией. На заседании Кавбюро РКП(б) в марте 1921 г. было принято развернутое постановление по Зангезуру: «1.Зангезур ликвидировать в конце июня. 2.Немедленно приступить к подготовке военных действий. 3.Ликвидировать одновременно с Зангезуром и Курдистан» (109,5). После подавления фев-

ральского восстания 1921 года в Армению был направлен А.Мясников. 4 мая в качестве председателя Ревкома он прибыл в Иреван. 27 мая после реорганизации Ревкома в Совнарком он утверждается на должности председателя правительства Советской Армении и одновременно военного комиссара. Но и Нжде не сидел сложа руки. 7 апреля 1921 г. в Ахараке состоялся съезд, куда Нжде стал приглашать представителей от мусульманского населения, некоторые из которых получили даже пригласительные письма самого Нжде (80, 10). 27 апреля 1920 г. состоялся второй Всезангезурский съезд, на котором самопровозглашенный Сюник был переименован в Республику Нагорной Армении.

С прибытием А.Мясникова в Армению положение стало складываться по-новому. Если до этого Нжде сражался с частями Красной Армии, то теперь переговоры проходили между Нжде, с одной стороны, и правительством Армении и командованием Красной армии — с другой. Что это означало? Во-первых, определенно указывало на то, что в вопросе Зангезура Советская Россия ориентируется на Армению. Поэтому правительству и вооруженным силам Азербайджанской ССР на пути к Зангезуру был зажжен красный свет. С другой стороны, А.Мясникову хотелось сохранить жизнь Нжде и его банде, ведь армяне-большевики по сути дашнакцаканы и цели их были одинаковы – оторвать от Азербайджана его исконные территории. Данный факт подтверждают высказывания самого Мясникова в защиту дашнаков: «Мы пришли сюда (в Зангезур) не для разжигания гражданской войны... Надевший дашнакскую шинель крестьянин не та мишень ... значительная часть дашнакских офи-

церов — это интеллигенты, не имеющие никакой связи с партией. Они тоже недовольны несправедливым, грубым отношением к ним со стороны Советов» (237, 395-396). Поэтому, 16 мая 1921 г. в официальном письме, направленном армянским правительством командующему войск XI Красной Армии в Армении Великанову, было указано: «Будущие переговоры должны вестись на следующих условиях: а) Всем политическим и военным деятелям, участвовавшим в борьбе против Советской власти предоставляется амнистия; б) В Зангезуре земельный вопрос будет решен в пользу крестьян; в) Здесь будет создан ревком» (51, 156). 17 июня 1921 года Мясников и члены Совнаркома Армении направили телеграмму Нжде, в которой предлагали сложить оружие и присоединиться к Советской Армении, обосновывая это тем, что Нагорный Карабах и Зангезур являются неотъемлемыми частями Советской Армении, а всем участникам Советской властью обещалась широкая политическая амнистия (223). Однако, эти обещания и переговоры не дали ожидаемого результата.

В конце июня 1921 года Реввоенсовет Кавказского фронта принял решение, с целью окончательного уничтожения армянских вооруженных отрядов, начать в четырех направлениях наступление на Зангезур. В приказе отмечалось также о необходимости уничтожения отряда С.Султанова. 2 июля, двигавшаяся со стороны Шуши Карабахско-Зангезурская группировка войск соединившись с Иреванской группировкой, вошла в Герус. Отступавшие в направлении Гафан-Мегри дашнакские отряды, 4 июля были вытеснены из Татева, 7 июля с района медных месторождений Гафана и 13 июля из Мегри, а их остатки пере-

шли в сторону Персии. В сообщении штаба Кавказского фронта, переданного 16 июля 1921 года, говорилось о полном освобождении Зангезура. Этим событием завершился процесс оккупации и присоединения западного или верхнего Зангезура к Армении (30, 289-290). Позже, в интервью издававшемуся в Бостоне дашнаками ежемесячнику «Родина», эмигрировавший в США Гарегин Нжде признался: «Политика Мясникяна делала ненужными наши дальнейшие выступления и потому народ без борьбы уступил Зангезур» (196).

Таким образом, говоря об основных причинах передачи, а точнее оккупации западной части Зангезура Арменией, необходимо отметить, что их было несколько: 1) Агрессивная политика Араратской республики; 2) Политическое давление со стороны Советской России; 3) Нахождение реальной власти в партийном руководстве Советского Азербайджана в руках коммунистов некоренной национальности во главе с Г.Орджоникидзе. Когда в сентябре-октябре 1921 г. в Баку находились представители центра, которые, под видом чистки партии от национал-уклонистов, применяли репрессивные меры против её членов, а также обвиняли Нариманова и его сторонников в национализме, Нариманов не выдержал: «Если бы в Азербайджане большинство мусульман-коммунистов было бы националистически настроено, то поверьте Армения не получила бы Зангезура» (179, 7-8). Подобные мысли были высказаны Наримановым и в его телеграммах Ленину: «В пользу Армении Азербайджан отказался от своей территории в то время, когда, по политическим соображениям нельзя было это делать» (180, 17).

Таким образом, во второй половине 1921 г. в це-

лом завершился процесс оккупации и присоединения западного Зангезура к Армении. Здесь надо обратить внимание на такой факт, что если по решению Политбюро ЦК АКП(б) от 30 ноября 1920 г. весь Зангезурский уезд подлежал передаче Советской Армении, то в июле 1921 года к ней была присоединена лишь западная часть уезда, где в основном и проживали армяне. По мнению А.Скибицкого это было вызвано тем, что руководство Армянской ССР во главе с С.Касьяном не желало присоединения Зангезурского уезда в целом, так как при этом вынуждено было бы предоставить курдскому населению восточной части уезда автономию (257, 4). Таким образом, Зангезурский уезд был разделен по этническому признаку.

Согласно данным Кавказского календаря на 1 января 1917 г. вся территория Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии составляло 6743 кв.верст (168, 51-54). Она включала в свой состав Сисиан (Каракилса), Герус (центр) Гафан, Мегри, Зангилян, Лачын, Губадлы (14, 10-11). 22 октября 1922 г. в справке, подготовленной народным комиссариатом земледелия АССР в секретариат иностранных дел сообщалось, что: « б) от бывшего Зангезурского уезда к Армении отошло 405000 десятин земли» (93, 19-20). Таким образом, после присоединения более половины уезда к Советской Армении, в составе Азербайджанской ССР остался Лачын, Губадлы и Зангилян (14, 10-11). 20 июля 1921 г. Совнарком Армянской ССР утвердил новое административное деление республики, состоявшей из 8 уездов и 33 участков. Вскоре здесь появился новый девятый Зангезурский уезд (30, 290). С другой стороны, в декрете Азревкома от 19 мая 1921 г. о проведении переписи населения на территории Азербайджанской

ССР Зангезурский уезд уже не значился (197, 485).

Представители властей Советской Армении различных уровней, время от времени прибывая в пограничные с западным Зангезуром уезды Азербайджана, выступали с требованием к местным властям подчиниться Армянской ССР. Это, в свою очередь, резко обостряло ситуацию и вызывало острое недовольство азербайджанского населения. Как видно из доклада А.Караева от 23 июля 1921 г. Н.Нариманову и М.Гусейнову, чрезвычайный уполномоченный Советской Армении Тер-Симонян в своем приказе, как на азербайджанском, так и на русском и армянском языках объявил в Герусах о присоединении Нагорной части Карабаха к Советской Армении. Он направил в Губадлинский уезд своего уполномоченного Оджахкули Мусаева (92, 3). Интересно, что Мусаев был ранее направлен в Минкендский участок Губадлинского уезда от ЦК АКП(б), но, не выполнив поручения центра, вел здесь различные интриги с целью присоединения уезда к Армении (77, 5-6). В селении Минкенд 27 августа 1921 г. был проведен митинг курдов в 5 тысяч человек, где они поклялись в верности правительству Азербайджанской ССР. В случае перехода Губадлинского уезда Армении, население просило указать место, куда они могли бы переселиться, желания же Мусаева они считали провокацией, направленной во вред Советскому Азербайджану. (144, 41). Однако вскоре Мусаев был арестован и за превышение своих полномочий, решением Политбюро ЦК АКП(б) был исключен из партии (136, 119).

Другим фактом грубого вмешательства представителей Советской Армении во внутренние дела Азербайджанской ССР была телеграмма начальника

милиции Зангезурского уезда в августе 1921 г. на имя начальника милиции Темур-Мусканлинского района Губадлинского уезда, в которой выдвигалось требование немедленно явиться в Герусы по делам службы, забрав с собой список всех милиционеров вверенного ему района (91, 86). Данный факт вскоре был доведен до руководства НКВД АССР (91, 87), который в телеграмме от 23 августа 1921 г. полномочному представителю ССР Армении в Азербайджанской ССР, выразив свой протест, отметил недопустимость вмешательства учреждений ССР Армении на территории АССР (91, 87). Однако провокации продолжались. В телеграмме предисполкома Шушинского уезда Ш.Махмудбекова чрезвычайному комиссару Зангезурского уезда ССРА Тер-Симоняну в конце октября 1921 г. указывалось: «Согласно донесению от 5-го Пирджанского Учисполкома Шушуезда от 24 октября около 150 красноармейцев 4 стрелкового полка ССР Армении, прибыв из Хазнавора (Зангезур) в селение Гаджилар (Губадлинский уезд), в разговоре с населением указывали на включение уезда в состав Зангезура и требовали подчинения Герусинскому ревкому. Считая 5-й Пирджанский участок нераздельной частью территории АССР подобное вмешательство во внутренние дела Шушинского уезда, в состав которого входит означенный участок, является неуместным, как в силу территориального разграничения» (139, 192). В телеграмме уполномоченного НКВД АССР А.Ширвани полномочному представителю Советской Армении Довлатову от 30 сентября 1922 г. отмечалось: «По сообщению главного управления милиции Азербайджанской республики, властями пограничного Гафанского района Зангезурского уезда притесняются жители Халадуз-

ского и Держилинского общества с целью добиться признания последними власти Армянской республики. Ввиду того, что указанные общества являются частью Губадлинского уезда, следовательно, в административном отношении подчинены правительству АССР. Прошу правительство ССРА в вашем лице, внушить пограничным властям прекратить их выступления и тем самым не нарушать условия нормальной жизни жителей указанных обществ» (153, 15).

Таким образом, даже после оккупации части Зангезурского уезда руководство Советской Армении продолжало делать попытки по отторжению его восточной части от Азербайджанской ССР, пользуясь фактическим отсутствием государственных границ между республиками.

Присоединение западной части Зангезура к Армении и позже создание в её составе Мегринского района окончательно отделили по суше Нахчыван от остальной части Азербайджана. Железная дорога, связывающая Нахчыван с Азербайджаном, оказалась на значительном протяжении под контролем Армении, обеспечив ей непосредственную связь с Ираном. В свою очередь, оккупация западного Зангезура Арменией нарушила прямую связь Турции через Азербайджан с остальным тюркским миром. Эта политика была направлена на разрушение единого тюркского пояса в масштабе евроазиатского региона. Наконец, отторжение части Зангезура от Азербайджана послужило началом реализации широко задуманного армянского плана, который последовательно проводился в жизнь в течение десятилетий и был направлен на захват новых азербайджанских земель. В ходе нового этапа военной агрессии Армении против Азербай-

джана в период 1988-1994 гг. завершилась оккупация Зангезура (Лачына, Зангилана, Губадлы). Зангезур остался незаживающей раной не только на географических картах, глубоко врезавшись вглубь Азербайджана, разрезав его, но и в душах людей.

2.2. Карабах и Нахчыван в экспансионистских планах армян.

2.2.1. Насильственная автономизация Нагорного Карабаха.

После установления Советской власти в Северном Азербайджане, Карабах по-прежнему оставался объектом постоянных притязаний Армении. Правительство Армении на требования Азербайджанской ССР (88, 14) вывести свои войска с её территории, в ответных нотах указывало: «армянских войск на территории Азербайджана не имелось и не имеется. Наоборот, до сих пор войска, организованные свергнутым вами мусаватским правительством находятся в областях Армянского Карабаха» (86, 75).

Партийные и советские органы Азербайджанской ССР во главе с Н.Наримановым придавали большое значение правильному решению вопроса устройства армянского и азербайджанского населения нагорной части Карабаха. В многочисленных телеграммах в ЦК РКП(б), Ленину, Чичерину, в решениях Политбюро ЦК АКП(б) в период с апреля по июль 1920 г., тексты которых были приведены выше, позиция азербайджанского руководства по Карабахскому

вопросу была однозначной: Карабах – бесспорная территория Азербайджана и впредь должна находиться в его пределах.

Однако, имперские амбиции Советской России, её политика заигрывания с дашнакской Арменией отдаляли решение вопроса. Таким образом, в 1920 году Советской России удастся включить Карабах наряду с Зангезуром и Нахчываном в круг спорных между Азербайджаном и Арменией территорий. За спиной Советского Азербайджана, РСФСР ведет переговоры с Арменией о судьбе азербайджанских территорий. Итогом этих переговоров являются соглашения между РСФСР и Арменией от 10 августа и 28 октября 1920 г., в которых была грубо нарушена территориальная целостность Азербайджанской ССР.

После установления Советской власти в Армении вопрос о территориальных спорах между Арменией и Азербайджаном фактически превратился из межгосударственного во внутренний вопрос, поскольку оба государства входили уже в советскую систему и все переговоры о границах вели под непосредственным контролем Советской России. На совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) 30 ноября 1920 г., созванного по случаю установления Советской власти в Армении, было принято постановление о предоставлении Нагорной части Карабаха права на самоопределение (125, 52). Нариманов в известной речи, произнесенной на заседании Баксовета 1 декабря 1920 г. также провозгласил: «трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения» (171а, 224-225; 222). Эта часть речи Нариманова была грубо искажена и до сих пор является основным аргументом армянских историков при

обосновании их тезиса о якобы передаче Нагорного Карабаха Армении.

Полностью отвергая текст декларации, опубликованного впервые в газете «Коммунист» 2 декабря 1920 г., данные авторы делают ссылку на текст выступления Нариманова, которая появилась в газете «Коммунист» (Армении) 7 декабря 1920 г. в выгодной армянам трактовке. Ссылаясь на текст данной, откровенной фальшивки, эти авторы утверждают, что в декларации 1 декабря 1920 г. не только Нахчыван и Зангезур, но и Нагорный Карабах был признан Азербайджаном неотъемлемой частью Армении, а прежние границы аннулированы (216, 85; 234, 53; 239; 240, 29). Сталин, сыгравший немалую роль в расчленении и раздаче азербайджанских земель Армении, касаясь выступления Нариманова, отметил: «1 декабря Советский Азербайджан добровольно отказывается от спорных провинций и декларирует передачу Советской Армении Зангезура, Нахчывана, Нагорного Карабаха» (261, т. 4, 456). Как видим, повторяя армянскую версию, Сталин также исказил текст выступления Нариманова в части касающегося судьбы Нагорного Карабаха. Как справедливо отмечает в своей работе Ф.Ахмедова, данное искажение текста выступления Нариманова со стороны Сталина носило преднамеренный характер, тем самым готовилась почва в будущем передать Нагорный Карабах Армении (10, 118).

Армянские авторы делают также ссылки и на выступление Г. Орджоникидзе на упомянутом заседании Баксовета, где тот, выступив после Нариманова, расценил выступление последнего как «исторический акт, который не имеет в истории человечества примера». Орджоникидзе пошел ещё дальше, говоря о судь-

бе азербайджанских земель: «Зангезур, Нахчыван и Карабах для русского уха ровно ничего не значат. Какой-то Зангезур – горы бесплодные, ни хлеба, ни воды. Какой-то Нахчыван – болота, малярия и больше ничего. Какой-то Нагорный Карабах. Что в этом Карабахе? Ничего нет. И вот Нариманов говорит: «Берите их себе. Берите бесплодные земли для Армении». Как будто Советский Азербайджан освобождается от лишнего бремени» (171а, 231-232). Об этом Орджоникидзе напишет также в своей телеграмме от 2 декабря 1920 г. Ленину и Сталину (251, ч. 1, 139-142). К сожалению, данная ошибка нашло место также в работах зарубежных авторов, которые, не имея доступа к советским архивам, опирались в основном на работы армянских историков (214, 58).

Однако, для опровержения армянских фальсификаций приведем несколько фактов. Так, после заседания Баксовета Орджоникидзе по прямому проводу сообщил А.Назаретяну: «Декларацией ... Армянам Нагорного Карабаха предоставляется право самоопределиться». При этом он просил Назаретяна: «Размажь как следует все это в газетах» (219, 69). А позже, в политическом докладе Кавбюро ЦК РКП(б), сделанном Г.Орджоникидзе на I съезде коммунистических организаций Закавказья в феврале 1922 г., подчеркивалось, что вопрос Нагорного Карабаха «разрешить предоставлено самому населению» (219, 106). Таковы факты.

В феврале 1921 г. дашнаки спровоцировали военные действия в районах Зангезура, Нахчывана, Беюк-Веди. В результате в нагорной части Карабаха создано очень тяжелое положение. Приблизительно к первым числам октября 1920 г. относится начало вооруженных выступлений в Нагорном Карабахе против

Советской власти банд Тевана Степаняна. Как следует из сводки АзЧека за январь-апрель 1921 г. вышеназванный Теван являлся жителем селения Думы Карягинского уезда и принимал активное участие в межнациональных столкновениях в Карабахе. Он сумел организовать шайку в количестве 70-80 человек. Заняв села, Теван выбирал сельского старшину и устраивал старые порядки. Им были совершены насилия и зверства в Варандиском районе, где вербовались отряды из местных жителей. Чтобы привлечь население на свою сторону он пускал слухи о взятии якобы Баку англичанами и занятии Андроником Евлаха, который идет им на помощь. Главной его опорой было сельское кулачество. Теван поддерживал связь с Зангезурским авантюристом Нжде. Его походы вызывали большой страх и большую панику среди населения (141, 125). Так, телеграмме Н.Нариманову от 24 февраля 1921 г. Председатель Шушинского уездисполкома Ш.Махмудбеков писал: «До сих пор не было ни одного случая, чтобы по приходе людей Тевана в какое-нибудь село, население последнего оказало бы им сопротивление. Комячейки при этом рассыпались: часть переходила на сторону Тевана, остальные непростительно бросали свои революционные посты – бежали» (79, 125; 185, 5). В результате, как отмечал Н.Нариманов в своем выступлении на Пленуме ЦК АКП(б) 5 февраля 1921 г., «1200 коммунистов-армян с ружьями и патронами, которые им были выданы, перешли на сторону дашнаков, почти все ревкомы были уничтожены» (184, 1). Поэтому Нариманов на заседании Пленума Азревкома, состоявшегося 7 марта 1921 г., предлагал решить вопрос о Карабахе в такой форме: «Азревком считает необходимым ликвидировать этот фронт и дать при-

каз Военному комиссариату принять меры в этом направлении» (247, т. 2, 450-451). Современные армянские историки оценивают действия банд Тевана как освободительную борьбу за независимость, направленную против притязаний Азербайджана на Нагорный Карабах (271а, 25-26). В конце апреля 1921 г. части Красной Армии положили конец бесчинствам Тевана в Нагорном Карабахе.

В мае 1921 г. пленум Кавбюро ЦК РКП(б) принял решение о создании комиссии из представителей Закавказских республик под председательством С.М.Кирова для определения границ между республиками. 25-27 июня 1921 г. в Тифлисе состоялись заседания комиссии, на одном из которых представитель Армении Бекзадян заявил: «После заключения Московского договора положение Армении надо считать исключительно тяжелым, т.к. она лишилась почти половины территории вместе с тем и всех своих экономических ресурсов. Ныне не располагая достаточной территорией и благодаря полному отсутствию лесных и прочих фондов – главного источника государственных средств – Армения как политически самостоятельная единица существовать не может». Ввиду этого обстоятельства А.Бекзадян «находит крайне необходимым произвести территориальные прирезки от соседних республик Азербайджана и Грузии в пользу Армении. Делегация Армении предлагает товарищам грузинам и татарам, учитывая исключительное положение Армении, во имя общей солидарности, установление раз и навсегда самых искренних, дружеских взаимоотношений, сделать известные территориальные уступки, при этом в районах, населенных компактным армянским населением». Бекзадян также

подчеркнул, что «в беседе с ним и Мясниковым в Москве Сталин вполне разделял эту точку зрения» (191, 138-139). Это уточнение было сделано А.Бекзадяном, видимо, для того, чтобы оказать давление на участников заседания и показать, что центр в лице Сталина поддерживает армян. Представители Азербайджана и Грузии выступили с контрпредложением о недопустимости каких бы то ни было территориальных прирезок. Заседания протекали бурно; для урегулирования вопросов на следующих заседаниях участвовали Г.Орджоникидзе и другие видные большевистские лидеры. Тем не менее, спор не был разрешен и был перенесен на решение Кавбюро ЦК РКП(б).

Интересно, что накануне этого заявления А. Бекзадяна, 21 июня 1921 года в газете «Коммунист» (Баку) со ссылкой на Иреван был опубликован декрет Совнаркома Армянской ССР от 12 июня 1921 года за подписью А.Мясникова о том, что «на основании декларации ревкома Социалистической Советской Республики Азербайджана и соглашения между правительством Советских Социалистических республик Армении и Азербайджана объявляется, что Нагорный Карабах отныне является неотъемлемой частью Советской Республики Армении» (223). Этот декрет не возник на пустом месте. Он основывался на решении Кавбюро РКП(б) от 3 июня 1921 г., где правительству Советской Армении поручалось указать в своей декларации о принадлежности ей Нагорного Карабаха. Таким образом, без участия и согласия представителей Азербайджанской ССР в административном порядке ведомство Орджоникидзе решает судьбу Нагорного Карабаха в пользу армян (239). По мнению Дж.Гулиева, данное решение о Нагорном Карабахе носило

тактический характер с целью скорейшей ликвидации зангезурской группировки (191, 138). Т.Кочарли считает, что решением Кавбюро от 3 июня Орджоникидзе хотел отомстить Нариманову за Нахчыван, который согласно Московскому соглашению 16 марта 1921 г. остался в составе Азербайджанской ССР (20, 378).

Тем временем, на основании декрета от 12 июня 1921 г., Армянская ССР назначила А.Мравяна своим чрезвычайным уполномоченным в Нагорном Карабахе, который 25 июня выехал из Тифлиса с намерением через станцию Евлах прибыть в Карабах. Однако Н.Нариманов требовал (через Караева) от Мравяна для выяснения вопроса приехать в Баку. Мравян не согласился на поездку в Баку и в тот же день отправил Орджоникидзе с нарочным записку, в которой указывал: «Скорейшее и недвусмысленное решение вопроса о Нагорном Карабахе имеет громадной важности политическое значение и явится решающим фактором при разрешении вопроса о Зангезуре. Дальнейшая задержка лишь козырь в руках наших врагов» (191, 139). Таким образом, Мравян фактически пытался убедить Москву в необходимости передать Нагорный Карабах Советской Армении, и тем самым вновь доказывал, что позиция армянских коммунистов и дашнакских банд засевших в Зангезуре в вопросе территориальных притязаний к Азербайджану полностью совпадают. 27 июня Нариманов посылает телеграмму Г.Орджоникидзе и А.Мясникову, где указывает: «Ввиду многих веских политических соображений, связанных с наличием фронта в Карабахе, и ввиду того, что вопрос о Нагорном Карабахе решен только Ревкомом Армении, а в Совнаркоме он ещё не рассматривался и не рассматривается, а потому Азревком единогласно

находит появление тов. Мравяна в качестве чрезвычайного уполномоченного Армении в Нагорном Карабахе громадной политической и тактической ошибкой. Исходя из этого Азсовнарком просит немедленно отозвать тов. Мравяна» (247, т. 2, 523-524). Интересно, что накануне, 26 июня 1921 г., Г.Орджоникидзе и С.Киров послали из Тифлиса срочную телеграмму Н.Нариманову следующего содержания: «Просим созвать экстренно Политбюро и Совнарком и разрешить вопрос о Карабахе. Если интересуются нашим мнением, то она следующая: В интересах окончательного разрешения всех трений и установления истинно дружественных отношений при решении вопроса о Нагорном Карабахе необходимо руководствоваться таким принципом: ни одно армянское село не должно быть присоединено к Азербайджану, ровно как ни одно мусульманское село нельзя присоединить к Армении» (177, 22).

Как видим, на Нариманова оказывалось давление и предлагался т.н. этнический принцип разрешения территориальных споров. Здесь необходимо напомнить, что руководство Советской России предлагало ранее этот принцип и при разрешении вопроса о границах между Нахчываном и Арменией в ходе Московской конференции в марте 1921 г. и тогда натолкнулась на справедливый протест турецкой делегации. На этот раз последовал протест со стороны руководства Советского Азербайджана. На заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) 27 июня 1921 г. о границах Азербайджанской ССР с Армянской ССР было принято следующее постановление: «1. В целом вопрос о Нагорном Карабахе в постановке т. Бекзадяна Политбюро и Оргбюро считаем неприемлемым, ввиду безус-

ловного экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану, в каковом смысле и должен был быть разрешен вопрос; 2. Поэтому предложения отделить местности с армянским и тюркским населением соответственно к Армении и Азербайджану с точки зрения административной и экономической целесообразности тоже считать неприемлемым; 3. Единственным разрешением вопроса может быть широкое вовлечение армянских и мусульманских масс в дело советского строительства» (219, 87).

В разговоре по прямому проводу в тот же день с находившимся в Тифлисе М.Гусейновым, Нариманов просил передать: «Вопрос должен быть решен только в этой плоскости, иначе Совнарком слагает с себя ответственность, ибо, если Советская Армения этим актом (декрет от 12 июня о воссоединении Нагорного Карабаха к Армении – И.Н.) желает произвести известное впечатление на дашнаков и беспартийную массу Армении, то не надо забывать про то обстоятельство, что тем самым мы восстанавливаем в Азербайджане такие же антисоветские группы, как дашнаки». Касаясь своей декларации от 1 декабря 1920 г., Нариманов решительно возразил против искажения её текста: «Если они ссылаются на мою декларацию, то в Декларации буквально сказано следующее: Нагорному Карабаху предоставляется право свободного самоопределения» (219, 89). Заслушав сообщение Гусейнова о его переговорах по прямому проводу с Н.Наримановым по Нагорному Карабаху, Кавбюро ЦК РКП(б) 27 июня 1920 г. принял постановление созвать экстренный Пленум Кавбюро ЦК РКП(б) для обсуждения вопроса о размежевании республик и послать т.т. Нариманову и Мясникову телеграммы с тре-

бованием немедленно выехать на экстренное заседание Пленума Кавбюро, предупреждая, что в случае неприбытия решение находящихся в Тифлисе 6 членов Кавбюро будет считаться обязательным (219, 88).

4 июля 1921 г. на заседании Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) с участием восьми членов Кавбюро (Орджоникидзе, Махарадзе, Нариманова, Мясникова, Кирова, Назаретяна, Орахелашвили и Фигатнера), члена ЦК РКП(б) Сталина, секретаря Кавбюро комсомола Брейтмана и трех членов ЦК КП Грузии при обсуждении Карабахского вопроса выявились две точки зрения. Они были поставлены на голосование. При этом голосовали только члены Кавбюро – из восьми – 7, при голосовании по вопросу о Карабахе Орахелашвили отсутствовал. За оставление Карабаха в пределах Азербайджана и плебисцит провести во всем Карабахе с участием всего населения армян и мусульман – голосовали за – Нариманов, Махарадзе, Назаретян; против – Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров; плебисцит провести только в Нагорном Карабахе, т.е. среди армян – голосовали за: Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров, Назаретян. Таким образом, Пленум постановил: «Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении, плебисцит провести только в Нагорном Карабахе». Тогда Н.Нариманов выступил с заявлением: «Ввиду той важности, которую имеет карабахский вопрос для Азербайджана, считаю необходимым перенести его на окончательное решение ЦК РКП(б)». Принимая во внимание это заявление, Пленум Кавбюро принял новое решение: «Ввиду того, что вопрос о Карабахе вызвал серьезное разногласие, Кавбюро ЦК РКП(б) считает необходимым перенести его окончательное решение в ЦК РКП(б)» (219, 90-91). На

заседании Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) 5 июля 1921 г. т.т. Орджоникидзе и Назаретян возбуждают вопрос о пересмотре постановления предыдущего пленума о Карабахе. Участники пленума принимают следующее постановление: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в гор. Шуше, входящим в состав автономной области». Кто, как персонально голосовал в протоколе не указывалось, но сообщалось, что «за» проголосовали четверо, воздержались трое. Ни одного голоса «против» (219, 90-92).

Обратим внимание на ряд существенных моментов. Голосование от 4 июля не выдерживает критики. В нем не приводилось ни одного аргумента в пользу отторжения Нагорного Карабаха от Азербайджана. Перевес в столь важном вопросе составил всего один голос, причем не принял участия в голосовании Орахелашвили – восьмой член Кавбюро. Далее, 4 июля азербайджанскому населению было отказано даже в участии в плебисците в Нагорном Карабахе. Эта далекая от «демократии» формула, в которой итоги плебисцита фактически были определены уже в постановлении о его проведении отражала простую и очевидную истину – представители большевистского Центра в регионе были уверены в том, что большинство армян Нагорного Карабаха выскажется за отделение от Азербайджана. Непонятна и сама постановка вопроса – одновременно «решать проблему» и потом уже среди исключительно лишь армянского населения провести

референдум. В принятии подобного решения видимо сыграл роль тот факт, что уже накануне, 20 июня 1921 г. секретарем ЦК АКП(б) был назначен С.Киров, который также проголосовал за вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении. В отличие от постановления 4 июля, решение Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля четко аргументируется и содержит три дополнительных пункта: об установлении границ автономной области, кандидатуре чрезвычайного комиссара Нагорного Карабаха, объеме её автономии.

Но почему же кардинально менялись итоги голосования? Почему для этого понадобилось два дня? Для точного ответа на этот вопрос ещё раз вернемся к эволюции позиций некоторых членов Кавбюро и руководящих деятелей – коммунистов Закавказья. Так, Орджоникидзе в приведенных выше телеграммах выражает «глубокое убеждение» в принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану, но 4 июля голосует против этого, а 5 июля поднимает вопрос о пересмотре решения. Ясно одно, что среди тех, кто голосовал против и воздержался в вопросе оставления Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР на заседаниях 4 и 5 июля 1921 г. были Киров, Мясников (председатель Совнаркома Армянской ССР) и Фигатнер (секретарь Кавбюро ЦК РКП(б)). Естественно возникает вопрос: в сложившейся ситуации на пленуме какова была позиция Сталина, поскольку существует искусственно созданный и прочно внедренный в сознание людей стереотип о том, что якобы известное решение июльского Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) было навязано Сталиным. Согласно биографической хронике, Сталин с конца мая находился на отдыхе в Нальчике (262, т. 5, 426-427). В конце июня он приезжает в Тифлис и со 2

по 7 июля участвует в работе Пленума Кавбюро ЦК РКП(б), как нарком по делам национальностей и представитель Центра. Следует отметить, что Сталин при обсуждении Карабахского вопроса на пленуме не выступал и не принимал участия в голосовании. Кроме этого, как следует из биографической хроники, именно 4 июля Ленин направляет телеграмму в Тифлис на имя Орджоникидзе, где пишет: « Удивлен, что вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы ещё отдохнуть» (230, т. 53, 10). Содержание данной телеграммы показывает, что Сталин принимал участие в работе Пленума Кавбюро 4-5 июля 1921 г. без согласования этого вопроса с Лениным, по требованию Орджоникидзе. Также по ряду выступлений Сталина известно, что в вопросе определения границ между советскими республиками Закавказья он занимал всегда конъюнктурную позицию, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и изменения геополитики в регионе. Конкретно, Сталин ранее одобрил передачу Нагорного Карабаха «Советской Армении» (261, т. 4, 456). С другой стороны, Сталин был политическим деятелем с имперским мышлением, который прекрасно понимал, что страна, которая находится в состоянии гражданской войны и переживает экономическую депрессию, нуждается в национальном мире и стабильности. Поэтому армянская версия о том, что якобы Сталин «подарил Нагорный Карабах Азербайджану», исходя из особых симпатий к азербайджанцам, беспочвенны.

Решение Пленума Кавбюро РКП(б) от 5 июля 1921 г. о статусе Нагорного Карабаха получило неоднозначную оценку и в зарубежной историографии. Так, американский исследователь О.Алстад считала,

что предоставление армянам Нагорного Карабаха автономии было компенсацией им за оставление Нахчывана в составе Азербайджана (2). Председатель Совнаркома Армянской ССР А.Мясников, выступая на I съезде КП Армении 26 января 1922 г., так охарактеризовал заседание Пленума Кавбюро от 5 июля 1921 г.: «Как будто там сидели Агранян, Топчибашев и Чхенкели. Так Азербайджан говорил, что если Армения потребует Карабах, то не отпустим керосину. Это конечно от прежнего национализма» (239). Ряд новых версий о решении Пленума Кавбюро от 5 июля 1921 г. можно встретить у российских авторов. Сотрудник Российской Академии наук М.Иголкин пишет: «Революционер» М. Кемаль по-товарищески попросил В. И. Ленина передать братскому Азербайджану ряд армянских территорий. Ленин не мог отказать «героическому борцу против британского империализма и Антанты» (205).

Однако, бесспорно, что в принятии решения Кавбюро РКП(б) по Нагорному Карабаху от 5 июля 1921 года решающую роль сыграла твердая и принципиальная позиция Н.Нариманова. В противном случае Азербайджан в 1921 году потерял бы Нагорный Карабах. Тем более, что на своем заседании от 16 июля 1921 года ЦК КП Армении выразило несогласие с решением Кавбюро ЦК РКП(б) о Карабахе (239). Таким образом, руководство Советской Армении вообще выступала против автономии Нагорного Карабаха, стремясь присоединить эту территорию к себе. Решение об образовании Автономной области Нагорного Карабаха, осуществленное по прихоти эмиссаров Москвы, было произведено в ущерб азербайджанской, а не армянской стороне. Данное решение, как видно из вышеиз-

ложенного, игнорировало мнение не только населения всего карабахского региона, но и азербайджанского меньшинства будущей автономии.

Президиум Азербайджанского ЦИК 19 июля 1921 г. заслушала доклад Н.Нариманова о решении Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля, где он предложил широко оповестить население: «Нагорный Карабах остается неотъемлемой частью Советского Азербайджана с правом внутреннего самоуправления в пределах Советской Конституции с Областным исполкомом во главе» (105, 14).

Проводить эту работу энергично взялся Л.Мирзоян. На чрезвычайном съезде второго участка Шушинского уезда, состоявшегося 1 августа 1921 г. в селеении Кендхурт Л.И.Мирзоян выступил с докладом по Карабахскому вопросу. В своей речи Мирзоян, с одной стороны, подчеркивал, что с экономической, духовной, политической и национальной точки зрения Карабах тесно связан с Центром Азербайджана (Баку) и отмечал правильность и целесообразность постановления Кавбюро ЦК РКП(б) о создании в составе Азербайджанской ССР автономной области в Нагорном Карабахе. Однако, с другой стороны, в речи Мирзояна прозвучало также предупреждение армянам Нагорного Карабаха на якобы возможность национального гнета. Тем самым, он как-бы призывал их быть всегда готовыми к борьбе. ещё одним моментом, который обращает на себя внимание в выступлении Мирзояна, является попытка представить Нагорный Карабах подчиненной именно к Баку (отделяя его тем самым от остальной части Азербайджана – *И.Н.*), поскольку здесь во всех структурах партийной и государственной власти армяне имели прочные ведущие позиции.

Эту меру Мирзоян считал «вполне достаточной для устранения всякой возможности национального гнета и создания условий культурного развития населения нагорной части» (136, 124-125; 145, 112-113).

Тем временем, армяне Нагорного Карабаха с целью сорвать решение Кавбюро РКП(б) от 5 июля 1921 г., отправляли своих делегатов в Тифлис с лживыми заявлениями якобы о том, что «преследуются армянские села и участились случаи убийства армян». В ответ, в своей телеграмме в ЦК АКП(б) от 2 августа 1921 г., А.Караев официально опроверг эти слухи, заявив, что «с мая до 2 августа не было ни одного случая убийства армянина» (139, 134). После возвращения из Нагорного Карабаха Л.Мирзоян на заседании Политбюро ЦК АКП(б) 8 августа 1921 г. выступил с докладом о положении в регионе. В своем выступлении Мирзоян пытался доказать, что автономия Нагорного Карабаха является единственным путем решения здесь национального вопроса. Но аргументы, приведенные им в пользу этого, явно противоречили друг другу. С одной стороны, он констатировал факт существования пренебрежительного отношения «со стороны многих товарищей к армянам работникам и к армянскому населению», а, с другой, возникновение Карабахского вопроса он связывал с «националистически настроенными интеллигентами-армянами». В то же время, в его выступлении звучали обвинения в национализме в адрес азербайджанских коммунистов Карабаха, которые не без основания продолжали смотреть на нагорную часть Карабаха, как на гнездо дашнаков и теванистов. Мирзоян предлагал «отозвать националистически настроенных работников и послать в Шушу нескольких русских работников, чтобы разрядить соз-

давшуюся обстановку». В конце своего выступления Мирзоян в ультимативной форме потребовал: «В случае невыполнения выдвинутых мною предложений считать необходимым провести предложение, выдвинутое армянскими работниками Карабаха, т.е. выделить весь Нагорный Карабах в самостоятельную административную единицу с центром Ханкенди, непосредственно подчиненную центру – Совнаркому и АзЦИК, а в партийном ЦК АКП» (136, 120). Таким образом, Л.Мирзоян внес весомый вклад в решение вопроса о предоставлении автономии армянскому населению Нагорного Карабаха.

Решение об автономии Нагорного Карабаха стало источником развития новых сепаратистских настроений у местных армян. Это отчетливо видно из стенограммы выступления их представителей на беспартийной крестьянской конференции, проведенной 19 октября 1921 г. во 2-ом участке Шушинского уезда. Здесь присутствовали представители ЦК А.Караев и Л.Мирзоян. Все выступившие на съезде армянские делегаты, как бы по подготовленному заранее сценарию, были против оставления Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. Основными аргументами выступавших были: 1) Высокий культурный уровень армян по сравнению с азербайджанцами, которые «не могут даже самоуправляться»; 2) Обвинение азербайджанских коммунистов в национализме. Поэтому предлагалось присоединиться или к Армении или даже к России. Однако, выступление А.Караева наиболее точно раскрыло истинные причины вопроса: «Вопрос Карабаха по сравнению с другими вопросами является ничтожным. Карабаху необходимо только спокойствие. Если бы в Карабахе было бы спокойствие, то вовсе не воз-

никал бы Карабахский вопрос». В свою очередь, он выделил следующие основные проблемы, волнующие карабахцев: 1) земельный; 2) борьба с бандитизмом. По докладу А.Караева было принято постановление: «Конференция работников Карабаха считает нецелесообразным выделение Нагорного Карабаха в отдельную автономную область и считает, что все мероприятия, которые указываются в резолюции выше и являются разрешением Карабахского вопроса» (140, 20-23). Основными пунктами резолюции были следующие: «1) Борьба с бандитизмом; 2) Обновление руководящего состава всех партийных и советских органов; 3) Назначение работников-интернационалистов независимо от национальной принадлежности, руководствуясь при этом исключительно деловыми качествами и честностью» (134, 176-177).

Однако данные решения не предотвратили дальнейший рост сепаратистских настроений среди армянского населения Нагорного Карабаха, которое всё чаще стало поднимать вопрос об отделении данной территории от Азербайджана. Это подтверждают также содержания телеграмм, которые поступали в ЦК АКП(б) Н.Нариманову от руководящих работников Карабаха. Так, в секретном письме Н.Нариманову от 17 марта 1922 года преукома Шушинского уезда Шамиль Махмудбеков писал: «Глубокоуважаемый доктор! В последнее время наблюдается разложение. Армяне (коммунисты и дашнаки) сеют рознь между мусульманами коммунистами и русскими. Пишут о нас в центр небылицы и стараются выжить нас отсюда, т.е. проводят политику Саркиса и его последователей. Мой священный долг – это восстановление и сохранение целостности Советского Азербайджана. Я как че-

стный гражданин АССР не могу равнодушно смотреть на разрушение Азербайджана и предание его дашнаками» (181, 75). В другой телеграмме Ш.Махмудбеков пишет: « К вопросу о судьбе Нагорного Карабаха смею заверить вас в том, что со стороны населения его, т.е. армянской части, нет никаких вожделений к какому-либо отделению от АССР по тем причинам, что, во-первых, оно прекрасно знает о своей гибели в случае если будут отрезаны от низменности, во-вторых, от голодного, обнищавшего и ничего не имеющего Зангезура, оно кроме циркулярных распоряжений ничего не получит, в-третьих, знает, что, будучи в территории АССР, они всегда будут иметь сильный голос, голос требующего и имеющего надежду, что их требования будут удовлетворены в первую очередь, чего не будет в ССРА» (168, 31).

На заседании Президиума ЦК АКП(б) 25 марта 1922 г. была заслушана телеграмма от группы ответственных работников Джеванширского уезда от 17 марта 1922 г., в которой отмечалось: « Разыгрывающиеся в последнее время в уезде события заставляют нас обратиться к вам и просить принять срочные меры против некоторых товарищей, дискредитирующих советскую власть и ведущих национальную рознь. Главную роль в этом играет один из ответственных товарищей, а именно Тевадрос Мирзабекян и известный кляузник Погос Акопов, которые телом и душой проникнуты национальным чувством и терроризируют мусульманское население. Эти личности ведут национальную рознь, что доказывается: 1) Полным амнистированием бандитов армян и применением высших мер наказания за ничтожные преступления мусульманского крестьянства; 2) Вся работа Бюро переведена только

в мусульманскую часть, тогда как в армянской части больше сознательной противосоветской работы. Мы, ответственные работники уезда просим Вас принять самые срочные меры к изолированию уезда от таких личностей». На документе была поставлена резолюция М.Багирова от 25 марта 1922 г.: «Можно будет ограничиться отзывом Т.Мирзабекяна и Акопова» (147, 38-42). Уже позже, в конце 20-х годов во время проверки партийных советских ячеек председатель Центральной Контрольной Комиссии М.Плешаков напомним Мирзабекяну, который к этому времени также был членом ЦКК, о его преступной деятельности в период работы в Нагорном Карабахе: «В 1919 году Мирзабекян работал в национальном совете Джерабертского района. Это был самый настоящий армянский национальный совет, где работали исключительно дашнаки. Нами также установлено, что Джерабертский нацсовет был связан с Эриванским дашнакским армянским правительством. Ясно, что он работал там не как большевик, а как дашнак и вел политику дашнакскую, которая довела до полного уничтожения Нагорный Карабах. Тевадрос Мирзабекян работал там и проводил чистку, он вычистил тех, которые знали всю его подноготную и набрал тех, которые работали вместе с ним в нацсовете. Мирзабекян попытался уничтожить документы о своем дашнакском прошлом, которые показывали его издевательства над крестьянами Карабаха, Джерабертского района» (96а, 414-415, 569).

Таким образом, в период 1921-1922 гг. постановление об автономии Нагорного Карабаха не было проведено в жизнь и затянулось до лета 1923 г. Интересно, что за это время уже образовался ЗСФСР и СССР, а Карабахский вопрос затягивался, передаваясь

рассмотрению то одной, то другой комиссии, состав которых постоянно менялся. Предметом обсуждений этих комиссий становились, прежде всего, определение армянских границ Нагорного Карабаха, так как изначально было ясно, что создавалось искусственное политическое образование, в которой трудно было очертить районы с компактным проживанием армянского населения. Кроме того, вопросы пастбищ, земли, лесоводства и лесопользования, местной промышленности и торговли, транспорта, водного хозяйства, скотоводства и сельского хозяйства нагорного и низменного Карабаха тесно переплетались между собой. Значит, для создания такого искусственного политического образования, как автономия для армян Нагорного Карабаха, необходимо было разрушить исторически сложившиеся политические, экономические и этнографические границы Карабаха. Все это было ярким свидетельством того, что принимая решения о создании конкретного национально-территориального образования, большевики не имели ясных представлений и готовых политических рецептов для воплощения их в жизнь. Эти решения не всегда основывались на заранее подготовленном плане с выверенным рисунком этнических границ. В результате, при организации нового территориального образования изначально сталкивались различные политико-идеологические и экономические приоритеты, а также различные групповые интересы, и все это сопровождалось конфликтами и кулуарными решениями.

Как результат этого, стали слышаться новые голоса о пересмотре решения Кавбюро РКП(б) от 5 июля 1921 г. и отделения Нагорного Карабаха от Азербайджанской ССР. На заседании Политбюро и Оргбюро

ЦК АКП(б) 26 сентября 1921 года было принято постановление: «Просить Кавбюро пересмотреть своё решение о выделении Нагорного Карабаха в автономную единицу; впредь до этого автономии не объявлять» (219, 97). 21 октября 1921 г. на конференции ответственных работников Карабаха (Шушинского, Джеванджирского, Кяргинского и Губадлинского уездов) совместно с членами Оргбюро ЦК АКП(б) была принята резолюция, согласно которой конференция карабахских работников считала нецелесообразной выделение Нагорного Карабаха в отдельную автономную область (219, 101). Таким образом, в самом Карабахе некоторые члены партийной организации были против создания искусственной автономии и его расчленения.

Вопрос об автономии Нагорного Карабаха был рассмотрен на заседании Пленума Закрайкома РКП(б) 14 декабря 1922 г., который в соответствии с постановлением от 5 июля 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б), принял решение образовать при Совнарком АССР специальный комитет по делам Нагорного Карабаха во главе А.Каракозовым с правом непосредственного вхождения в ЦК АКП(б). Постановлением Президиума ЦК АКП(б) от 15 декабря 1922 г. была создана Центральная комиссия по делам Нагорного Карабаха при Совнарком АССР в составе Кирова, Мирзабекяна и Каракозова (148, 164).

Заключение этой комиссии, представленное в ЦК АКП(б) под названием «Проект разрешения Карабахского вопроса», изобиловало домыслами и преувеличениями. Так, во 2-м пункте говорилось: «Несмотря на экономико-хозяйственную общность, равнина населена азербайджанскими тюрками с незначительным

процентом грамотности, часто с кочевым и полукочевым образом жизни; Карабахское же нагорье на 30% населено по преимуществу армянами с процентом грамотных выше 50, среди них большое количество рабочих высокой квалификации». Далее, в пункте 3а говорилось, что «до разгрома отрядом АзЧК карабахских бандитов армяне Нагорного Карабаха не имели возможности свободно передвигаться по равнине». В справке указывалось, что Карабах в мирное время (даже при Мусавате) имел 4 средних учебных заведения, где обучалось свыше 90% армян, а теперь нет ни одной школы 2-й ступени; что обучение сирот-армян в Тертерском и Шушинском районах ведется на тюркском языке. В специальном пункте (б) содержалось требование «немедленно восстановить неправильно исключенных в Нагорном Карабахе членов партии». Таким образом составители доклада исподволь проводили мысль о том, что армян в Карабахе притесняют, что они как более культурные, оседлые, должны быть отделены от мусульман-кочевников. Одним из любимых аргументов в пользу выделения Нагорного Карабаха в особую административную единицу, которая муссировалась армянами, была якобы оторванность его от центра как географически, так и экономически. Об этом также говорилось в проекте. В соответствии с этим предлагалось укрупнить 4 уезда, создав административные единицы – укрупненные уезды: Нагорный с Курдистаном с центрами Шуша и Ханкенди и равнинный с центром в Агдаме (150, 113-114; 242, ч. 2, 300-301).

Указанный проект был рассмотрен на заседании Президиума ЦК КП(б) Азербайджана под председательством Кирова 20 июня 1923 г. и было решено:

«а) Считать необходимым выделить Карабах, как нагорный, так и низменный в одну административную единицу; б) Поручить комиссии в составе Караева, Багирова, Довлатова, Мирзояна, Ханбудагова под председательством Караева в 3-х дневный срок внести проект в Президиум ЦК; в) Предложить Каракозову и Шадунцу выехать на пленум Закавказского Краевого Комитета РКП(б) для участия в обсуждении карабахского вопроса (150, 110-113). Таким образом, в высшую инстанцию отстаивать интересы Азербайджана по Карабаху вновь были посланы коммунисты-армяне.

Накануне пленума, в телеграмме от 18 июня 1923 г. одного из членов Заккрайкома С.Шадунца, отправленной Г.Орджоникидзе, говорилось: «Ныне, говоря о восстановлении Карабаха, нельзя, по-моему закрыть глаза на вымирание другого, соседнего с ним богатейшего края. Зангезур связан с Карабахом, и оба вопроса должны быть разрешены вместе. В экономическом отношении он составляет одну единицу с Карабахом. Я нахожу, что для правильного разрешения национального вопроса, как в Карабахе, так и в Зангезуре и для экономического возрождения этой страны (Карабаха и Зангезура) необходимо выделить Нагорную часть Карабаха вместе с Зангезуром в одну автономную единицу и автономная область должна быть связана непосредственно с Заксовнаркомом» (239). Таким образом, Шадунц фактически предлагал вывести Нагорный Карабах из состава Азербайджанской ССР и передать его Армянской ССР. Однако, на очередном заседании ЦК АКП(б) было высказано мнение о том, что для окончательного разрешения Карабахского вопроса необходимо осуществить декрет Азсовнаркома о выделении Нагорного Карабаха в автономную едини-

цу (191, 146). Как пишет Н.Нариманов: «Мирзоян за это время при помощи армянских учителей-дашнаков подготовил почву и провел вопрос в Заккрайкоме» (248, 112). Поэтому Пленум Заккрайкома РКП(б), обсудив 27 июня 1923 г. доклад Карабахского Комитета, утвердил его (191,146).

7 июля 1923 г. ЦИК Азербайджанской ССР издал декрет «Об образовании Автономной Области Нагорного Карабаха» (АОНК). АзЦИК постановил: «1) Образовать из армянской части Нагорного Карабаха автономную область, как составную часть АССР, с центром в местечке Ханкенди; 2) Органами управления автономной области являются: областной исполнительный и местные Советы; 3) До образования Областного Исполнительного Комитета создать Временный революционный комитет, коему вменить в обязанность не позже 2-х месяцев созвать съезд Советов для избрания постоянного исполнительного органа. Для выработки положения области и фактической передачи административных единиц в автономную область Карабаха, а также определения границ автономной области создать смешанную комиссию из представителей Нагорного Карабаха, Низменного Карабаха, Курдистана и центральной власти АССР» (219, 152-153). В целом декрет отличается довольно примитивным содержанием и не носит характер серьезного правового документа. В преамбуле нарушается историческая хронология, фальсифицируются факты, недостаточно обосновывается необходимость предоставления автономии Нагорному Карабаху. Основным аргументом для обоснования необходимости предоставления автономии армянам Нагорного Карабаха являются кровавые события 1905-1906, 1918-1920 годов в

Карабахе и других частях Закавказья, в которых обвинялось царское правительство, а также дашнаки и меньшевики. Однако, известно, что в ходе этих событий азербайджанцы пострадали больше, чем армяне. Поэтому, если придерживаться данной логики, азербайджанскому населению Армянской ССР также должна была быть предоставлена автономия. Из документа становится также ясно, что армяне проживали не во всем Нагорном Карабахе, а лишь в одной его части. С другой стороны, центром новосозданной автономной области был выбран Ханкенди, что и явствует из названия – место, присущее азербайджанцам.

При внимательном изучении текста постановления Кавказского бюро ЦК РКП(б) о статусе Нагорного Карабаха от 5 июля 1921 года и декрета АзЦИКа от 7 июля 1923 года можно отметить довольно существенные отличия. Если по решению Кавбюро РКП(б) от 5 июля 1921 г. автономия предоставлялась всей территории, а значить и всему населению Нагорного Карабаха (кроме армян, здесь жили азербайджанцы), то в декрете от 7 июля 1923 года она относится лишь к армянской части населения. Кроме того, если первоначально центром будущей автономии Нагорного Карабаха было решено сделать Шушу, то в декрете от 7 июля 1923 г. центр переносится в Ханкенди, хотя и носивший азербайджанское название, но где армяне уже составляли к этому времени большинство.

Вопрос о городе Шуше стал предметом обсуждения на заседании Президиума ЦК АКП(б) 16 июля 1923 г., где было принято постановление включить её в состав АОНК (150, 166-167). Решение АзЦИК от 7 июля 1923 г. о перенесении административного центра Нагорного Карабаха в город Ханкенди вызвало недоволь-

ство азербайджанского населения Шуши. В августе 1923 г. они обратились с письмом в АзЦИК, в котором отмечалось: «Несомненно, что при вынесении этого постановления АзЦИК, наряду с другими основаниями, также руководствовался целью дать возможность самостоятельно развиваться, духовно и культурно населению этих местностей. Население г. Шуши и окрестных мусульманских селений, исходя из вышеприведенной точки зрения АзЦИК, считает необходимым довести, что оно тесно связано в этом отношении, а равно экономически с населением новообразованного Курдистанского уезда, а потому уполномочила нас войти с ходатайством о присоединении, как самого города, так и окрестных селений к этому уезду. Просим не отказать в удовлетворение ходатайства жителей Шуши и присоединить их к Курдистану. Если по какими-либо государственным или иным соображениям невозможно будет удовлетворить изложенную просьбу нашу, то просим центром Нагорного Карабаха оставить гор. Шушу и не перенести таковой в Ханкенди» (162, 38). Однако реакция армянского руководства Нагорного Карабаха последовала незамедлительно. В телеграмме на имя С.Кирова от 3 августа 1923 года секретарь Шушинского уездисполкома С. Мануцян расценил обращение представителей азербайджанского населения г. Шуши в АзЦИК, как «спекулятивные», при этом цинично добавив: «Просто чувствуют, что с перенесением центра прекратится торговля в Шуше и торговцы будут лишены ожидаемой выгоды» (162, 48-52).

В августе 1923 г. на заседании комиссии по выработке положения об Автономной Области Нагорного Карабаха, при установлении границ между Низмен-

ным и Нагорным Карабахом, А.Каракозов также высказал мнение, что Шуша должна остаться за Нагорным Карабахом (150, 169). Какие последствия это имело для исторической столицы Карабаха можно видеть из сообщения комиссии по обследованию Нагорного Карабаха в 1924 году: «Город, имевший когда-то население до 30 тысяч, теперь похож на развалину и там осталось не больше 7-8 тыс.человек. Не увеличивается население, а наоборот, год от года уменьшается. Был торговым центром, теперь захудалый городишко. Налогов платит массу, но ни копейки на Шушу не тратят. Голодающих и безработных до 2-х тысяч, а в советских кооперативных органах, в больницах служат не турки, а пришельцы. Население винит в этом армян Нагорного Карабаха». При виде подобного трагического положения города один из членов комиссии заявил, что «ЦК АКП по отношению к Шуше ведет политику разрушения его» (165, 334-335).

В период 1921-1926 годов численность населения города Шуши уменьшилась в 1,8 раз. Если в 1921 г. в городе проживало 9223 человек, то в 1926 г. эта цифра составила 5107 человек. Однако, по-прежнему основную часть населения города (4900 человек или 96%) составляли азербайджанцы. Эти факты ещё раз доказывают всю несостоятельность высказываний Г.Орджоникидзе (251, т. 1, 216), М.Шагинян (275, 253-255), называвших Шушу армянским городом. Шуша оставалась самым крупным населенным пунктом АОНК, даже после перенесения её центра в Ханкенди, где проживало всего 3118 человек (41, 110). Таким образом, включение Шуши в июле 1923 г. в состав АОНК было грубейшей ошибкой, позволившей армянам позже лишить Азербайджан его древнего исторического и

культурного центра в Карабахе.

В июле 1923 года состоялось заседание комиссии по выработке положения об Автономной Области Нагорного Карабаха и определения границ между Низменным и Нагорным Карабахом, а также АОНК и Курдистаном. Решением данной комиссии в состав АОНК было передано в общей сложности 169 селений Джеванширского, Шушинского и Губадлинского уездов, причем не только с преобладающим армянским населением, но и со сплошным тюркским, как Шуша (219, 165-166). Данное решение в корне противоречило декрету АзЦИК от 7 июля 1923 г., согласно которому автономия предоставлялась лишь армянской части Нагорного Карабаха. Не случайно, что на заседании Президиума ЦК АКП(б) 8 октября 1923 года, где слушался доклад комиссии по проведению в жизнь решения о выделении Нагорного Карабаха в автономную область, была признана необходимым популяризация данного постановления особенно среди тюркского населения автономии. Для этого А.Караеву было предложено провести широкую агиткампанию (152, 1-2). То, что в этом была необходимость, можно судить также из доклада о политическом состоянии области секретаря Карабахского областного обкома С.Мануцьяна от 12 октября 1923 года, в котором тот вынужден был признать: «Акт автономии со стороны крестьян встречен единодушием. Общий диссонанс вводят шушинские граждане, которые недовольны переводом центра из Шуши» (219, 203). Данные факты ещё раз доказывают, что азербайджанское население было против образования искусственной армянской автономии в Нагорном Карабахе, положившей начало деазербайджанизации региона.

Положение об АОНК от июля 1923 г. также предполагало образовать Областной Исполком Низменного Карабаха, в состав которого должны были войти низменная часть Джеванширского, Шушинского, Губадлинского и Карягинского уездов, применив к ним положение о губисполкомах 1923 г. РСФСР (219, 165-166). Однако, своим приказом от 6 августа 1923 г. АзЦИК решил из низменной части Карабаха образовать уезды: Агдамский, Джебраильский и Курдистанский (219, 173). Надо отметить, что вскоре после декрета об образовании АОНК, 18 сентября 1923 г. решением Карабахского обкома партии, Ханкенди, в ознаменование памяти дашнака-авантюриста С.Г.Шаумяна и 26 бакинских комиссаров был переименован в Степанакерт (169, 6-8). Таким образом, был сделан первый шаг в переименовании названий местностей Нагорного Карабаха на армянский лад.

С конца 1923 г. началась работа по определению границ АОНК. Изначально было ясно, что армянская автономия не имела четких географических и этнических границ, так как не отражала историческую реальность. Поэтому, границы АОНК были проведены путем произвольного объединения локально расположенных по Нагорному Карабаху селений (причем, большинство азербайджано-тюркского происхождения – *Н.И.*) с преобладающим армянским населением. И здесь дело доходило до абсурда. Согласно постановлению Президиума ЦК от 16 сентября 1923 г. в Карабах выезжает комиссия в составе И.Довлатова, М.Багирова и Э.Ханбудагова для обследования положения дел в регионе. Позже, по результатам обследования, в докладной записке от 8 октября 1923 г. в ЦК АКП(б) о состоянии Карабаха М.Д.Багиров писал: «В районе

Ханкенди, Шуша и **Абдалар** находятся ряд мусульманских селений: Халфалы, Зарыслы, Мусульманлар и ряд других с числом населения до 8000 душ, гораздо легче управлять ими с Абдалар, чем с Ханкенди. Только потому, что среди этих мусульманских сел находится село Каладараси с числом населения около 1150 душ – армян, весь этот район присоединили почему-то к Ханкенди, плюс к этому и Шушу с числом населения около 10000 душ тоже мусульман. В Джеванширском уезде среди трех десятков мусульманских сел находится одно армянское селение, почему-то через голову этих мусульманских сел присоединили к Ханкенди». Как видно из отчетов комиссии, армянам, которые постоянно жаловались на малоземелье, передавались даже территории мусульманских кладбищ (154, 4-8).

К сожалению, в самом руководстве Советского Азербайджана находились политически близорукие коммунисты – азербайджанцы, подобные Г.Джабиеву, которые, не понимая всю глубину политической подоплеки вопроса, шли на поводу армянских националистов. Так, 21 ноября 1923 г. в газете «Бакинский рабочий» выходит обширная статья Г.Джабиева под названием «Карабахский вопрос и очередные задачи нашей партии». В ней автор рассматривал корни армяно-азербайджанского антагонизма в Закавказье как «бесспорный результат хозяйственной конкуренции тюркских и армянских имущих классов». Он пишет: «Декрет Азревкома об автономии Карабаха является только вступительной частью разрешения Карабахского вопроса. В настоящую эпоху задача нашей партии и революционных крестьян и рабочих Азербайджана заключается в том, чтобы, территориально рас-

ширив автономию на смежные с Карабахом армянские районы Гянджинского и др. уездов, подвести прочный материальный фундамент под эту автономию. Для этого азербайджанские крестьяне, последовательно продолжая свою братскую помощь по отношению к угнетаемым в продолжение веков ... армянским крестьянским массам, должны, хотя бы даже из своего скудного земельного фонда выделить для Нагорного Карабаха определенную часть». Наивно полагалось, что «только при этом условии все армянское крестьянство отвернется от эсеров и дашнаков, раз навсегда волеется в ряды азербайджанских трудящихся и не только будет чувствовать себя частью Советского Азербайджана, но будет больше чем даже некоторые азербайджанцы защищать Советский Азербайджан, как свою родину от внешних и внутренних врагов» (198). Как видим, история показала полную несостоятельность этих надежд и ни чем не изменила армян.

Интересно, что в апреле 1924 года на заседании XIII Общебакинской партийной конференции Г.Джабиев вновь во время своего выступления жаловался на нерешенность земельного вопроса в Нагорном Карабахе и малоземелье крестьян – армян (266, 47). Выступивший в ответ М.Д.Багиров справедливо отметил: «Здесь был поднят карабахский вопрос. Разве потому не наделили землей Карабах, что здесь были противники этого наделения. А земельный вопрос разрешен у нас в Азербайджане? Нет. Как же можно выгонять одних крестьян (имеются в виду азербайджанские крестьяне – *И.Н.*) и сажать на их места других? Разве это не есть худший метод натравливания одной национальности на другой? Напрасно думают товарищи, что Карабахский вопрос не разрешается. Его нужно

разрешить не таким путем. Надо принять меры к тому, чтобы землю достать, а эта земля у нас есть, её нужно только оросить» (266, 63).

13 июня 1924 г. на заседании комиссии по разрешению вопросов, связанных с выделением Нагорного Карабаха было принято решение: «Поручить Наркомзему к 1 июля 1924 г. провести землеустроительные работы в целях определения свободных земельных фондов Карягинского и Агдамского уездов, каковую работу провести таким образом, чтоб свободные земельные фонды подогнать к Нагорному Карабаху». На заседании комиссии 16 июля 1924 г. была рассмотрена спорная между Агдамским уездом и Нагорным Карабахом местность Хонашен. Здесь издавна находились мусульманские селения Ходжалан, Ходжали, Муганли и др. Во время резни все эти селения были разорены, а население разбежалось. Эти земли были заняты армянами совершенно из других, ничего общего не имеющих с местностью Хонашен, селений. Однако, комиссия не стала вдаваться в эти «мелочи» и решила уступить местность Автономной Области Нагорного Карабаха (155, 56-58).

26 ноября 1924 года было издано «Положение об Автономной Области Нагорного Карабаха». В «Положении» говорилось, что АОНК является составной частью Азербайджанской ССР и все делопроизводство, суд и обучение в школах АОНК ведется на родном языке, т.е. армянском. В положении была указана территория, входившая в состав АОНК и определены формы организации, права и задачи республиканских и местных органов власти. Согласно этому «Положению», из Шушинского уезда в АОНК были переданы г. Шуша и Ханкенди, 115 селений, из Джеванширского

uezda – 52 селения, из Карягинского – 30 селений, а из Губадлинского уезда – селение Каладараси (60). Таким образом, по сравнению с положением от июля 1923 года, число переданных Нагорному Карабаху селений с 169 возросло до 198 (33, 342). Как следует из информации Азербайджанского Статистического Управления за 1924 год, численность этих населенных пунктов превышала уже 200 (26, 69). Г.Кочарян в своей книге «Нагорный Карабах», опубликованной в 1925 г., указывает, что численность населенных пунктов составляет 215 (227, 48-51). Азербайджанское Статистическое Управление, учитывая административно-территориальное деление тех или иных районов, на основе материалов сельскохозяйственной переписи 1921 г. провело учет площади этих территорий, их национальный состав и других вопросов. Согласно этим данным, из исторических территорий Карабаха (на основе границ ханства) включая Автономную Область Нагорного Карабаха (4160,5 км².) в составе Азербайджана осталось всего 15996,9 км² (26, 68; 50а, 9). Часть исторических территорий Карабаха были переданы Армении.

Только за два года (1923-1925) из земельного фонда Азербайджанской ССР в состав АОНК было передано 16 тысяч десятин земли (219, 295). Данный факт ещё раз доказывает, что, вопреки официальным документам, территория Автономной Области Нагорного Карабаха непрерывно расширялась, и, по данным на 1 января 1933 года, составила 4431,7 км² (260а, 9). За счет новых населенных пунктов было изменено соотношение численности азербайджанского и армянского населения в пользу последних. Уже начиная со второй половины 30-х годов наименование «Автономная Область Нагорного Карабаха» было трансформировано в

несколько иное – «Нагорно-Карабахскую Автономную Область» (НКАО) (263а, 282), что по сути не одно и то же. Если в первом варианте наименования перед нами явным образом лишь часть Нагорного Карабаха, лишь его автономная область, то в преобразованном наименовании перед нами – область именуемая Нагорным Карабахом в целом.

В АОНК большинство селений носили тюркские названия (40, 92), что ещё раз доказывало их историческую принадлежность Азербайджану и факт переселения армян в Карабах. Г.Кочарян, основываясь на данных сельскохозяйственной переписи 1921 г., пытается доказать, что 94,4% населения Нагорного Карабаха составляли армяне, а 5,6% азербайджанцы (227, 8). Фальсификация Кочаряна выражается в том, что, во-первых, в 1921 году не было ещё АОНК как административно-политической единицы на территории Азербайджанской ССР, а во-вторых, в период 1920-1923 г. не была проведена перепись всего населения Карабаха. Эта работа велась лишь в отдельных городах и населенных пунктах. Кроме этого, если брать за основу данные на 1917 г. по Шушинскому уезду, территорию которого позже и охватила в основном АОНК, то здесь проживало 52,3% армян и 40,2% азербайджанцев (41, 109). По переписи населения Автономной Области Нагорного Карабаха, проведенной в 1926 году, из общей численности населения автономии 116274 человек, армяне составляли 108482 (93,3%), азербайджанцы 7188 (6,2%), прочие 604 (0,5%) (168, 51-54). Налицо факт постепенного выживания азербайджанцев с данной территории.

Однако образование АОНК не успокоило армян. Теперь перед ними стояла задача сплошной армяни-

зации автономии и вытеснения отсюда азербайджанского населения. С этой целью начались многочисленные обращения армян, проживавших в различных уездах Азербайджана, в партийно-государственные органы с просьбой о переселении их на «историческую родину» – Нагорный Карабах, где они могли бы пускать корни, умножать своё число. Так, в марте 1925 г. беженцы-армяне Нухинского уезда обратились с письмом председателю СНК АОНК А.Каракозову (32, 150; 158, 184-186). Авторы письма не маскируют своих целей – это «создание неизменно устойчивого очага в области, которую по воле исторических условий, армянское население покинуло сто лет тому назад для поселения в Нухуезде». Но, если даже поверить авторам заявления о том, что предки их действительно век назад жили в Нагорном Карабахе, то совершенно непонятно почему через сто лет они вдруг решили переселиться туда, опять бросив дома, имущество, весь обжитый уклад жизни и вообще, можно ли считать беженцами людей, которые якобы жили в Карабахе сто лет назад? Таким образом, не было никаких оснований для переселения армян. И тем не менее, просьба их была удовлетворена. Поданное армянами 14 марта 1925 г. заявление в переселенческий отдел Наркомзема, после согласования с Каракозовым получило положительный ответ. Уже летом 1925 г. Переселенческий комитет на своем заседании принял решение удовлетворить просьбу самозванных «беженцев» и армяне численностью как минимум более 2000 человек (как следует из письма, именно данное количество армян приняло участие на собрании, принявшем обращение – И.Н.) последовали на новое местожительство в Нагорный Карабах (243, 73).

Другим очагом армянского сепаратизма в Азербайджане была нагорная часть Гянджинского уезда. Нариманов был прав, когда после образования АОНК, пророчески говорил: «дальше вопрос идет о нагорной части Гянджи и т.д.» (248, 112). Вопрос о присоединении нагорной части Гянджи к АОНК проживавшие здесь армяне подняли уже в октябре 1923 года. 9 октября 1923 г. комиссия во главе с Горобченко направила в ЦК АКП(б) докладную о положении в Гянджинской уездной партийной организации. Как видно из неё, во время пребывания комиссии в Гяндже с ведома ответственного секретаря уезда состоялось собрание ответственных работников-армян. В процессе обмена мнениями с ними армяне все как один заявляли: «Из мусульман, т.е. тюрок, коммунистов быть не может». Все жаловались, что «армянское население притесняется местными ответственными работниками тюрками», что «армяне не пользуются правами свободного гражданина советской страны. В карательных органах не обращают внимания на армянина жалобщика и ряд таких демагогических жалований». Подобные агрессивные действия местных армян вызывали негодование у членов комиссии, которые позже в докладе в ЦК АКП(б) писали: «Преступно то, что эти же товарищи армяне-коммунисты распространяли среди крестьянской массы идею отделения Нагорной части Гянджинского уезда и соединения её с автономной частью Нагорного Карабаха». Горобченко, который возглавлял комиссию, пишет: «Мне заявили, что приготавливается коллективное прошение для представления в АзЦИК, Совнарком АССР, ЦК АКП, ЗакЦИК и Заккрайком по этому поводу, на что я ответил своё недовольство шовинистическими выстулениями ар-

мян-коммунистов» (32, 150; 152, 28). Президиум ЦК АКП(б) на своем заседании 9 октября 1923 г. по докладу комиссии вновь занял проармянскую позицию, приняв решение поручить Орготделу ЦК направить 2-х работников армян для Гянджинской парторганизации. Было намечено выделить кандидата на должность заместителя Председателя Исполкома Гянджинского уезда, причем только армянина. Было предложено Гянджинскому исполкому переписку и делопроизводство с армянскими селениями вести на армянском языке (152, 25). Таким образом, армяне на горной части уезда получали исключительные права, что позволило бы им в будущем требовать создания здесь новой армянской «автономии».

23 ноября 1925 г. на заседании Президиума ЦК АКП(б) было рассмотрено заявление армян 14 сел Верхне-Аджакендского района Гянджинского уезда о присоединении к Нагорному Карабаху, принятое на собрании крестьян с участием представителя Заккрайкома. В заявлении наряду с требованиями армян, ставшими уже традиционными (нехватка земли, неиспользование армян в уездном аппарате власти), были также ссылки на общность культуры и языка с Нагорным Карабахом, и даже право на самоопределение. Вообще, нехватка земли была хронической болезнью армян и решение земельного вопроса они всегда видели в отделении территории. Однако прошение армян было отклонено и это решение было обосновано тем, что: 1) Для решения земельного вопроса не обязательно присоединение к Нагорному Карабаху и можно решить за счет земель тюркского крестьянства; 2) Аджакендский район находится в более 200 верстах от Нагорного Карабаха, что не даст возможности управлению рай-

оном; 3) Присоединение или выделение района приведет к подобным тенденциям по всему Закавказью, что обострит межнациональные отношения. В то же время, было принято решение максимально вовлечь армян в государственный и хозяйственный аппарат уезда, увеличить штат уездного исполкома на 3 человека для ведения делопроизводства с армянскими районами на армянском языке (32, 151; 159, 88-89, 109-112).

Решением Политбюро ЦК АКП(б) от 16 июля 1923 года для управления Автономной Областью Нагорного Карабаха, под председательством А.Н.Каракозова был образован Временный Революционный Комитет в составе Б.У.Биниатова, К.Кафиева, Костаняна, М.Чальяна, а также Обком в составе Констаняна (секретарь), Мануцяна, Каракозова, Биниатова, Арзаняна и Чальяна. (150, 166-167). Интересно, что как свидетельствуют архивные документы, при наличии в Советском Азербайджане достаточного количества армянских коммунистов, которые в основном сконцентрировались в Баку, в Нагорный Карабах, под предлогом усиления партийной и советской работы, посылались новые кадры из Армении. Видимо, руководство Армении, уже не доверяя местным армянским кадрам, таким образом, не хотело терять возможность вмешиваться в дела автономии (219, 145).

С первых дней среди членов ревкома возникли довольно сложные отношения, что в целом отрицательно влияло на ситуацию в автономии, говоря словами Нариманова, «шла дашнакская работа под флагом коммунизма». Так, один из членов Ревкома Башир Биниатов, бывший балаханский рабочий, назначенный в январе 1923 г. Председателем Шушинского

уездного Исполкома (вместо Шамиля Махмудбекова – И.Н.), в сентябре 1923 г. в своем письме секретарю ЦК АКП(б) С.Кирову писал: «Прошу Вашего распоряжения о снятии меня с Карабаха и этим освободить от духовной гибели, тем более, что после реорганизации в Карабахе нет необходимости оставить меня там, ибо мусульманская часть населения смотрит на меня, как на предателя» (151, 163). Однако его просьба была отклонена. Интересно, что даже некоторые руководители-армяне не выдерживали в этой ситуации. 21 апреля 1923 г. Президиум ЦК АКП(б) по предложению А.Каракозова назначил на должность секретаря Шушинского уездного комитета партии Серо Мануцян (149, 127). В телеграмме С. Кирову от 16 сентября 1923 г., а также в заявлении в ЦК АКП(б) от 9 октября 1923 г., С.Мануцян писал: «Кратковременная моя работа в обкоме окончательно убедила меня в том, что дальнейшее мое пребывание в Обкоме немислимо. Взаимное непонимание, полная противоположность характеров и взглядов на советскую партийную работу, создавшаяся атмосфера в Карабахе, где по сей день властвуют личности, отрицательно будут влиять и влияют на общий ход работы в Карабахе. Каракозов пожелает видеть беспартийного, лишь бы над ним не было контролирующего» (152, 25-34). Данный факт подтверждается также отчетом комиссии по обследованию Нижнего и Верхнего Карабаха, заслушанным на заседании Политбюро ЦК АКП(б) 17 апреля 1924 г. В своем отчете комиссия отмечала: «В то время как среди населения в районе всего Карабаха нет и в помине чувств национальной неприязни, работники уездов и области ведут себя недопустимо, дело доходит до посылки официальных ультиматумов друг другу. В силу

чего, мы считаем обязательно, незамедлительно снять с работы по Автономной области Чальяна, Камари, Акопова, Шахвердяна. Действительное положение вещей требует выделения из области новой административной единицы с исключительно мусульманским населением и гор. Шушой и присоединения её к одному из уездов с тюркским населением» (154, 49-50).

Взаимоотношения между азербайджанским и армянским населением АОНК, несмотря на заверения местных руководителей об отсутствии здесь межнациональных конфликтов, оставались сложными. Армянское руководство Автономной Области Нагорного Карабаха всячески закрывало глаза на имевшие место уголовные преступления против местных азербайджанцев, которые, как свидетельствуют архивные документы, происходили именно на национальной почве. Одним из громких преступлений начала 20-х годов в Нагорном Карабахе было убийство милиционера Джафара Алиева и алиялинцев Гасана и Гасанали, сыновей главы племени (153, 83-85).

Племя Алиялинцев, возглавляемое Кербалаи Мамедом, проживало в Мурадханлинском участке Курдистанского уезда. После советизации Азербайджана разбежавшиеся от дашнакского разгрома алиялинцы возвратились в свои села и начали заниматься своим хозяйством. В докладе в ЦК АКП(б) 1924 г. М.Б.Касумов пишет: «Неумелыми подходами местной власти вообще к крестьянам этого участка, а в частности алиялинцам, последние стали бандитами с 1922 г. В данное время алиялинская банда политическая, так как власти Нагорного Карабаха возбудили в них национальное чувство, явное и громогласное недоверие к Советской власти» (165, 50-53). Решением Президиу-

ма ЦК АКП(б) от 24 января 1924 г. организуется специальная комиссия АзЦИК в составе Горобченко (председатель), Велибекова и Аванесова для расследования этого дела. В докладе, подготовленном членами комиссии в ЦК АКП(б), отмечается: «Преступления на первый взгляд носили признак уголовного преступления, однако не были лишены политической и национальной окраски. К этому выводу приходишь при изучении тех обстоятельств, при которых были совершены эти преступления, а именно: 1) убийства были совершены представителями местных властей армянской национальности – начальник милиции, предрайсовета, предсельсовета, секретарем сельсовета; 2) после убийства было совершено надругательство над трупами; 3) вместо того, чтобы своевременно поставить в известность ЦК и принять меры по выяснению виновных, местные органы стали заниматься фабрикацией документов и скрывать виновных, для того, чтобы оправдать свои действия. Подобное положение было характерно, так как в условиях сложных межнациональных отношений уголовные дела, относящиеся к Нагорному Карабаху и лиц армянской национальности, как правило, оказывались похороненными» (153, 83-84).

Интересно, что решением Пленума Карабахского обкома от 4 февраля 1924 г. армянские руководители не допустили, чтобы суд над виновниками преступления проводился в Гянджинском уездном суде, то есть за пределами АОНК, боясь, видимо, справедливого правосудия. Под предлогом отсутствия окружного суда в автономной области было принято решение обратиться в ЦК АКП(б) через АзЦИК прислать сюда чрезвычайно-уполномоченный суд, надеясь, что обя-

зательно судьями на процессе будут армяне (153, 97). Надежды армян полностью оправдались. На основе материалов комиссии, 14 февраля 1924 г. ЦК АКП(б) приняло решение командировать в Карабах чрезвычайную сессию Высшего суда во главе И.Довлатова (председатель), Шукюрли, Сорокина, а зам. прокурором сессии назначить Мирзабекяна (153, 38-39). Как видим, судить убийц-армян должны были их соотечественники и поэтому говорить здесь о справедливом правосудии не приходилось. После этого случая А.Каракозов вообще решил создать собственный для автономии высший судебный орган. Для решения этого вопроса он написал в 1925 году телеграмму С.Кирову, где жаловался: «В коллегии Наркомюста решено в Нахичевани организовать Главсуд, а у нас нет. С другой стороны, хотя Карабах называется автономной областью, по содержанию своей конституции ничем не отличается от Нахкрая. Поэтому полагаю, что целесообразнее было бы все решения относительно Нахкрая распространить и на Карабах» (157, 100). Таким образом, Каракозову хотелось видеть статус автономной области равный республики. Ему удастся добиться создания с 1 октября 1925 года Главного суда для Нагорного Карабаха (157, 67).

Выступая 12 марта 1925 г. на IV Съезде Советов Азербайджана, посвященном 3-й годовщине Закавказской Федерации, А.Ф.Мясников говорил: «Конечно, теперь ещё как в ином армянине, так и в азербайджанце ... – есть националистическая психология, есть предрассудки националистические. Мы от этого ещё не отрешились. Нужны годы, а может быть, и десятилетия, ... чтобы армянин не ненавидел тюрка, мусульманина ... Даже, если покопаться в ином комму-

нисте, то вы можете найти и у него эти предрассудки» (237, 216). Однако время не изменило армянина, чувство ненависти к тюрку, мусульманину не зависело от его классовой или партийной принадлежности, а являлось неотъемлемым элементом армянского национального менталитета.

Образование АОНК было ярким свидетельством того, что армяне, наряду с агрессивными методами захвата азербайджанских земель, широко использовали методы мирной экспансии, путем создания небольших армянских анклавов на территории Азербайджана, для того, чтобы позже, при удобных исторических условиях присоединить их к Армении. С.М.Киров, который восторженно подчеркивал правильность создания АОНК, сильно ошибся, говоря на VI съезде АКП(б) в мае 1924 г.: «Не подлежит никакому сомнению, что перерешать в основном этот вопрос нам не придется ... И я думаю, что теперь уже едва ли найдутся товарищи, которые будут бояться того, что якобы проведенные автономные границы в Нагорном Карабахе могут создать известный Рубикон, который проведет огромную резкую грань между тюркской и армянской частью населения» (219, 241-242).

Время показало, другое. Как говорил во время одного из своих выступлений Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев, «предоставленная в 1923 году автономия – это была бомба, заложенная внутри Азербайджана, когда-то она должна была взорваться» (53). В 30-е, 40-е, 50-е, 60-е, 70-е годы армянские националисты не оставляли попыток отделить Нагорный Карабах от Азербайджана и присоединить к Армении. Они неоднократно начинали бурную деятельность в этом направлении, но были при-

остановлены (52, 8). Наконец, отстранение от руководства СССР Г.Алиева в октябре 1987 г. открыл армянским националистам путь к началу нового широкомасштабного сепаратистского движения по отторжению Нагорного Карабаха от Азербайджана. В результате, это движение вылилось в военную агрессию Армении против Азербайджана и захвата 20% его территории.

2.2.2.Нарушение армянских планов против Нахчывана и образование Нахчыванской АССР.

После советизации в ноябре 1920 г., Армения 2 декабря 1920 г. заключила одновременно два договора – с Советской Россией и Турцией. Согласно 3 пункту военно-политического договора с РСФСР, последняя признавала в составе Советской Армении территорию бывшей Иреванской губернии, часть Карсской области, Зангезурский уезд, часть Газахского уезда и те части Тифлиской губернии, которые находились в обладании Армении до 23 октября 1920 г. (69, 441). С другой стороны, на основе 2 пункта договора, подписанного в Гюмри (Александрополь) между уже свергнутым дашнакским правительством и Турцией, стороны пришли к следующему соглашению по Нахчывану: «в районах Нахчывана, Шахтахты и Шарура, образуется пока местное самоуправление под покровительством Турции, куда Армения не имеет права вмешиваться, что продолжается до результатов плебисцита, опреде-

ляющего образ правления и границы» (83, 86). По 11 пункту этого договора, правительство Турции брало на себя обязательство предоставить Армении свободный транзит через Шарур-Нахчыван-Шахтахты и Джульфу. А самое главное, как это указано в 9 пункте договора: «Эриванское правительство соглашается признать и объявить Севрский договор, который категорически отвергнут правительством Турции, – аннулированным» (69, 439-440). Тем самым, правительство Армении фактически признавало границы, установленные для неё Батумским договором от 4 июня 1918 г., и составлявшие 10 тыс.км² (4, т. 1, 248). В то же время, Гюмринский договор закрепил за Арменией азербайджанские селения Гамарли, Улуханлы, а также многочисленные селения вокруг Беюк Веди (4, т. 1, 402). Условия Гюмринского договора не были признаны правительствами Советской Армении и Советской России.

Принятая 1 декабря 1920 г. декларация Бакинского Совета о передаче Нахчывана Армении (171а, 224-225) неоднозначно была воспринята среди населения края. Если внимательно рассмотреть текст декларации, то можно заметить, что вывод азербайджанских войск предусматривался только с территории Зангезура. Это означало, что в Нахчыване должны были оставаться части турецкой армии. С другой стороны, ни по договору с Советской Россией, ни по договору с Турцией территория Нахчывана не входила в состав Советской Армении. Таким образом, Нахчыван фактически оставался в составе Азербайджанской ССР и план о его передаче Армении, автором которого был Орджоникидзе, в силу присутствия в регионе турецких войск и последовавшей негативной реакции насе-

ления Нахчывана, заранее был обречен на неудачу. Безусловно, большевистское руководство Советского Азербайджана прогнозировало возможность подобного хода событий. Поэтому приняв 30 ноября 1920 года решение о передаче Нахчывана и включив его в текст декларации Бакинского Совета, большевики больше преследовали политико-пропагандистские цели, демонстрируя «пролетарскую солидарность» и пытаясь, таким образом, морально и политически поддержать пришедших к власти в Армении коммунистов.

Однако, с 5 декабря 1920 г. в Нахчыване начались акции протеста местного населения против данного решения. Сложившаяся тяжелая ситуация вынудила азербайджанское руководство направить 15 декабря 1920 г. в регион члена Азревкома и наркома юстиции АССР Б.Шахтагинского. Во время встречи с представителями местного населения Б.Шахтагинский, отвечая на вопросы, связанные с декларацией Баксовета, говорил: «Азербайджан продал вас вместе с вашими землями Армении, если бы я был в Баку, я бы этого не позволил. Как член ревкома Азербайджана я беру сегодня с собой товарища Велибекова и уезжаю. Мы с Велибековым не виноваты в случившемся. Теперь вы взирайте на турок, они ваше единственное спасение, крепче держитесь за них». Выступая на митингах в Нахчыване, Шаруре и Ордубаде, Шахтагинский отмечал необходимость создания Нахчыванской советской республики под покровительством Азербайджана (30, 299). Присутствовавшие на митингах представители населения Шарур-Даралагезского и Ордубадского уездов единодушно выступили за независимую Нахчыванскую Советскую Республику под покровительством Азербайджана. О результатах митингов бы-

ли информированы ревкомы Армении и Азербайджана (38, 71).

Назначенный в октябре 1920 г. Чрезвычайным комиссаром Нахчывана Б.Велибеков (35, 42), в течение декабря 1920 – января 1921 гг. направил в Ревком и ЦК КП(б) Советской Армении, ВРС XI Красной Армии (копии АКП(б) и РКП(б)) несколько отчетов о сложившейся в регионе политической ситуации. В отчете от 23 января 1921 г. он приводит сведения о том, что прибыл в Иреван с целью ознакомить руководство Армении с негативной реакцией населения Нахчывана на декларацию Бакинского Совета (30, 300).

Волна недовольства, которая охватила жителей Нахчывана, вынудила армянское руководство отступить. 26 декабря 1920 г. Ревком Армении издал декларацию о Нахчыване, в которой говорилось: «Ревком Армении уверен, что массы Нахчывана, отныне свободные от гнета, смогут дать своё ясно выраженное, организованное мнение о желательных для них взаимоотношениях со всей трудовой Советской Арменией» (232, 95). Уже через несколько дней, во второй декларации, принятой 28 декабря 1920 г., ревком Армении признаёт Нахчыван независимой Советской республикой (38, 71). Интересно, что оба документа подписали председатель ревкома Армении Касьян и члены комитета Авис и Бекзадян. Однако, вторая декларация правительства Советской Армении была обращена не правительству Советского Азербайджана, а непосредственно Нахчывану. Это означает, что руководство Армении не считало Нахчыван частью территории Азербайджанской ССР и по-прежнему надеялось присоединить его к Армении. Большие надежды при этом возлагались на предстоящие двухсторонние

переговоры в Москве между Советской Россией и Турцией.

Тем временем, в Нахчыване продолжали находиться части турецкой армии Восточного фронта, вступившие сюда в мае месяце 1920 г. во главе с генералом Вейсалом Унуваром с целью организации помощи для защиты Нахчыванского края. В период нахождения Велибекова в Иреване, Вейсал бей, согласно Гюмринскому договору, объявил о создании Чрезвычайного комиссариата на территории от Ордубада до Шарура, который возглавил он сам. Он обвинил Велибекова в продаже Нахчывана армянам (39, 46). Подобные решительные действия турецкого командования сильно обеспокоили Советскую Россию, что видно из телеграммы её посла в Советской Армении Бориса Леграна из Иревана в Москву 30 декабря 1920 г., где он пишет: «Воспользовавшись временным отводом наших частей из Нахчыванского округа и отъездом Азербайджанского комиссара Велибекова из Нахчывана для доклада Арменревкому, представитель турккомандования в Нахчыване Вейсал бек, основываясь на Александропольском договоре, провозгласил себя Временным чрезвычайным комиссаром до прибытия такового из Турции, занял своими отрядами пограничные с Арменией пункты до Норашена включительно. Тем временем, отошедшие из Нахчывана части получили приказ возвратиться и занять Шахтагты, что и было ими исполнено при некотором сопротивлении со стороны командиров турецких пограничных отрядов. Комиссар Велибеков срочно возвращен в Нахчыван. Для выяснения положения на месте 1 января выезжаю в Нахчыван» (267, 100).

Начиная с 1 по 5 января 1921 г., представители

Советской Армении во главе с полпредом РСФСР в Армении Леграном побывали в селениях Шарура, Садарака, Баш Норашена, Яйджы, Шахтагты, в городе Нахчыване, где организовали митинги с участием беженцев, в которых вели открытую пропаганду по вопросу передачи Нахчывана Советской Армении. Звучавшие на митингах лозунги «Враг Советской Армении – враг Советской Нахчывани» должны были создать у населения Нахчывана веру в то, что их ждет процветание в составе Армянской ССР (39, 47).

В свою очередь, Советская Россия последовательно проводила политику с целью вытеснению турецких представителей из Нахчывана. Вейсал бек в своих воспоминаниях об этом писал: «Русские для того, чтобы армянам было приятно, по мере возможности, использовали все средства. Фактические дела и поведение большевиков полностью испортили климат их ранней пропаганды ... народ начал сопротивление» (47, 50-52).

5 января 1921 г. Вейсал бек направил Б.Велибекову телефонограмму, в котором говорилось: «Я, как политический представитель Главного командования Восточного фронта, для доклада своему правительству официально запрашиваю Вас о нижеследующем:

2. 7-го числа сего месяца один армянин устроил митинг и передал привет армянскому правительству, населению Нахчыванского района и хотел набрать подписи для присоединения к Армении. Конечно, он имеет полномочия и должен представить Нахчыванскому правительству, нет сомнения, что этот армянин является официальным лицом. Почему вы не получили от Иреванского Ревкома предписание об оказании данному армянину содействия, если получили прощупать копию этой бумаги мне.

4. Население, не зная в чем дело, с ведома вашего посланы во все деревни агитаторы, которые, восхваляя армян, рисуют ужасы турецкого населения: в доказательство вышеуказанного у нас имеется официальный документ. Имеется ли в программе Советской власти то положение, что там, где население способно самоуправляться, вести агитацию в пользу того или другого государства. Если и турки поступят так, как вы теперь поступаете, и если население разделится на два лагеря и прольется невинная кровь трудового населения, то кто будет ответственным за это. Допустим, виновным являются турки, то почему можно агитировать в пользу армян, а в пользу турок нельзя» (35, 44).

Тем временем, в Нахчыване чувствовалось предвестие восстания. Батальон Нахчыванской милиции выступил в январе 1921 г. против большевистского управления, требуя независимости. 7 января Вейсал бек организовал в Нахчыване многолюдный митинг, на котором объявил себя комиссаром Чрезвычайной комиссии и заявил, что с этого дня Нахчыван переходит под протекторат Турции и потому становится её неотъемлемой частью. На митинге генерал Вейсал бек призывал « не допускать кровопролития, ждать с надеждой разрешения Московской конференцией вопроса о независимости края» (45, 79). Позже, в своих мемуарах Вейсал Унувар, касаясь отношения нахчыванцев к союзу Турции с большевиками, писал: «На митинге, состоявшемся в городе Нахчыване, героическом городе, были обсуждены причины трагедии, в котором оказался Азербайджан, в чем были виновны большевики. Нахчыванцы обвиняли турков в союзе с русскими. В открытую говорилось, что «если Турция начала наступление, не думая о себе, мы бы сегодня не

находились между двумя врагами» (47, 6).

В письме Велибекова от 19 января 1921 г. Кязым Карабекир паше, говорилось: «Тактика Советского государства меняется по мере того, как ширится пламя национально-освободительного движения, растут наши успехи на поле битвы. Независимость Нахчывана признали Армянская, Украинская, Дагестанская Советские республики. Турецкая сторона может быть уверена в том, что Нахчыван под покровительством Азербайджана вполне может осуществлять самоуправление» (38, 74). В начале 1921 г. в Нахчыване, согласно 2 пункту Гюмринского договора, был проведен опрос населения, в результате которого 90% высказалось за оставление Нахчыванского края в составе Азербайджанской ССР (232, 43).

После известной декларации Баксовета от 1 декабря 1920 г., вопрос о Нахчыване стал объектом международных переговоров. Надо сказать, что проблема будущего статуса Нахчывана, являвшегося составной частью пресловутого «Армянского вопроса», стала одним из барьеров в создании прочного союза между Турцией и Советской Россией. Большую роль в преодолении данного препятствия сыграл полномочный представитель Азербайджанской ССР в РСФСР Б.Шахтахтинский. На протяжении второй половины 1920 г. и начала 1921 г. в телеграммах, направляемых в Москву Ленину, Сталину, Б.Шахтахтинский призывал большевистское руководство поддерживать национально-освободительное движение в Турции и не связывать оказание помощи ей с т.н. армянским вопросом. Так, в докладе Ленину от 20 сентября 1920 г., Шахтахтинский писал: «Союз с Турцией дает нам возможность широко использовать их влияние в борьбе с империалистами

на Востоке. Но как бы сознательное допущение ... уступки Нахчыванского края Армении, особенно поставленное в связь с запрещением туркам наступать на дашнаков, а равно намеки со стороны России об уступке в недалеком будущем Армении некоторых областей Анатолии, производит на турок подавляющее впечатление. Они теряют веру в серьёзность нашей политики на Востоке» (120, 26). Свою позицию по строительству новых отношений с Турцией Шахтахтинский высказал также в телеграмме, направленной 11 декабря 1920 г. из Гюмри в Баку М.Д. Гусейнову и Г.Орджоникидзе. Он писал: «После неоднократного обмена мнениями с Казым пашой и видными членами национального собрания и другими видными ответственными деятелями, я пришел к твердому убеждению, что турки желают заключения с Россией прочного союза и только» (118, 1-2). 12 января 1921 г. Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) постановило направить Б.Шахтахтинского в Нахчыван в качестве комиссара с мандатом РВС (219, 70).

Однако, у большевистского руководства имелось некоторое недоверие в отношении политики турецкого правительства. В начале 1921 г. Г.Орджоникидзе и С.Киров писали в ЦК РКП(б): «Турки могут создать в Нахчыване свою буферную зону, они хотят создать здесь своё ханство. Тогда у них в руках будет железная дорога на Тебриз, что отрежет нас от Ирана и расчленит Армению» (15, 152). 25 января 1921 г. Г.Орджоникидзе в докладе на общегородской конференции в Тифлисе, касаясь Нахчыванского вопроса, говорил: «Турки желают иметь в своих руках Нахчыванский район. Нахчыванский район это тот узел, откуда идут ворота в Персию, откуда мы можем иметь связь с Пер-

сией и Месопотамией. Из Нахчывана идет ж/д на Тебриз, в Персидский Азербайджан, самую революционную провинцию Персии» (203, 6). Таким образом, Г.Орджоникидзе, обвиняя Турцию в попытках овладеть Нахчываном, фактически раскрывал будущие военно-стратегические планы большевиков по экспорту революции на мусульманский Восток. В этой политике Нахчыван рассматривался как важнейший плацдарм для вторжения Красной Армии не только в Персидский Азербайджан, но и в Турцию, в случае её сближения со странами Антанты.

В свою очередь, руководство Советской Армении играло собственную игру, возлагая определенные надежды на результаты предстоящих российско-турецких переговоров в Москве, надеясь видимо отнять у Турции Карс, Ардаган, а у Азербайджанской ССР Нахчыван. Так, выступая 11 февраля 1921 г. на заседании III съезда АКП(б) представитель от компартии Армении Богдатыев отмечал: «Конференция в Москве должна, в конечном счете, разрешить в виде ли компромисса или другой какой-нибудь формы спор, который существует между революционной Турцией и Советской Арменией. Этот спор глубок и в этом споре особенно важно наше единство с Советским Азербайджаном» (133, 19-20). Интересно, что в правительстве Армянской ССР существовали должности чрезвычайного комиссара и уполномоченного ЦК КП(б) по Нахчывану. Данные лица, пытаясь вбить клин в отношения между Турцией и Советской Россией накануне Московской конференции, в своих телеграммах в Центр обвиняли турецкое правительство в связях с Антантой и в обострении ситуации вокруг Нахчывана (217, 388-389).

В связи с этим важное значение имела телеграмма Н.Нариманова В.Ленину в середине февраля 1921 г., т.е. уже накануне Московской конференции. Нариманов писал: «Для меня нет никакого сомнения в том, что искренне ангорцы хотят связать свою судьбу с нами против Англии. Самый щепетильный для них вопрос – это армянский ... они сказали: Армянский вопрос есть вопрос о жизни и смерти. Безусловно, если Москва из-за Армянского вопроса оттолкнет ангорцев от себя, они, отчаявшись, могут броситься в объятия Англии. Если теперь отказаться от ангорцев, то ... откроем неслыханный себе Восточный фронт. Я должен предупредить Вас: тов. Чичерин путает Восточный вопрос, он слишком увлекается Армянским вопросом и не учитывает всего, что может, если разрыв с Ангорцами будет именно из-за Армянского вопроса. Я категорически заявляю – если мы хотим Азербайджан удержать за собой, мы должны с ангорцами заключить крепкий союз во что бы то ни стало». На письме стояла резолюция В.Ленина с просьбой Сталину переслать всем членам ЦК (239). В свою очередь, полномочный представитель Азербайджанской ССР в Турции И.Абилов в телеграмме Н.Нариманову накануне Московской конференции также отмечал необходимость заключения крепкого союза с Турцией, выступая при этом против обсуждения армянского вопроса, в котором турки проявляли максимум неуступчивости. Касаясь вопроса Нахчывана, Абилов, особо отметив стратегический характер данной территории, считал недопустимым его передачи Армении, так как этому противилась не только Турция, но и само население края (6а, 145-146). Письма Б.Шахтахтинского, И.Абилова и особенно Н.Нариманова оказали огромное влияние на

результаты Московской конференции, как в вопросе укрепления российско-турецких отношений, так и для решения злободневного для Азербайджана вопроса статуса Нахчывана.

Правительство Анкары стремилось строить свои отношения с республиками Южного Кавказа на основе двухсторонних договоров и соглашений, без участия РСФСР. В советской историографии эта линия политики Турции рассматривалась как «захватническая, попытка установить свой протекторат над Нахчываном, разъединить Азербайджан и Армению» (269, 112). Однако, давление со стороны Советской России на советские республики и нахождение здесь у власти коммунистических режимов с представителями из Москвы являлись серьезным препятствием в этом направлении.

Надо сказать, что имелись также довольно серьезные основания, которые вносили определенную напряженность и в азербайджано-турецкие отношения. В сводке Российского информбюро в г. Трапезунде (Турция) приводится на этот счет сообщение Бекир Сами бея: «Нариман Нариманов ... делает все, что ему скажет председатель Чрезвычайки или даже простой взводный русских красных частей. Фактически же политикой Азербайджана руководит Орджоникидзе – человек, совершенно не знающий Азербайджан и ничего общего с ним не имеющий; все богатства Азербайджана взяты в Россию. В результате рабочие и крестьяне Азербайджана в страшной нужде» (97, 57).

В феврале 1921 г. в Москву прибыла делегация турецкого правительства во главе с министром иностранных дел Юсуф Кямалем и доктором Рза Нуром. В ходе состоявшихся переговоров, наряду с вопросами

двухсторонних отношений, затрагивалась и проблема Нахчывана. Турция придавала особое значение решению вопроса статуса Нахчывана, как единственной территории, через которую проходила азербайджано-турецкая граница. Турецкий историк Фарук Сумер приводит отрывок из беседы, состоявшейся между Юсуфом Кямалем и Мустафа Кемалем, накануне выезда турецкой делегации в Москву. На вопрос Ю.Кямаля: «Паша! Что делать, если русские будут настаивать на Нахчыване?», М.Кямаль ответил: «Нахчыван-турецкие ворота. Сделайте исходя из этого все возможное» (30, 302).

Московская конференция началась 26 февраля 1921 г. Уже после начала конференции 1 марта 1921 г. Б.Шахтагинский, занимавший к этому времени должность председателя Реввоенсовета Нахчывана, направил телеграмму Председателю СНК РСФСР В.И.Ленину. В ней речь шла о будущем азербайджанского населения Нахчывана, Зангезура и Нагорного Карабаха. Телеграмма сопровождалась справками о национальном составе, численности азербайджанского населения этих районов. Шахтагинский представил свои предложения по решению территориальных проблем между республиками Южного Кавказа, в том числе Азербайджаном и Арменией (239). Поставленные в телеграмме вопросы были настолько злободневны, что стали предметом отдельного обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 7 марта 1921 г. На заседании Политбюро 16 марта 1921 г., с участием Сталина, Владимирского и Чичерина было принято решение о предоставлении Нахчывану статуса автономной республики в составе Азербайджанской ССР (30, 304).

О том, как сложно проходили переговоры в Мо-

скве свидетельствуют протоколы заседаний политической комиссии от 10, 12 марта 1921 г. по выработке текста будущего советско-турецкого договора. Важнейшим вопросом первого заседания 10 марта политической комиссии стал вопрос о границах и статусе Нахчывана, который, по существу, был вопросом о границах Азербайджанской ССР. Турецкая делегация справедливо заявило, что в силу самого факта призыва населением Нахчывана турецких войск для защиты от нападения вооруженных формирований дашнакской Армении, Нахчыван состоит под покровительством Турции. В то же время, Анкара готова была уступить это покровительство Азербайджану лишь при условии получения от Баку обязательства «не переступить этого покровительства третьему государству». Данный подход был аргументирован тем, что «турецким войскам трудно было оставаться безучастными, если бы вновь произошло избиение населения». Российская делегация, отметив опасность принятия подобного принципа «интервенции», предложила следующую формулировку: «Автономия Нахичевани под покровительством Азербайджана» (186, 45; 236, 309). Выступая против содержащегося в предложении турецкой делегации тезиса об обязательстве Азербайджана не переуступать своё покровительство над Нахчываном третьим государствам, российская делегация указала на то, что включение в договор данного обязательства является затруднительным ввиду того, что Советский Азербайджан не представлен на конференции. Ясно, что говоря о третьем государстве турецкая сторона имела ввиду Армению, которая не оставляла своих попыток завладеть Нахчываном. С другой стороны, известно, с какой легкостью под лозунгами «пролетар-

ской солидарности» и «революционного единения трудящихся Азербайджана и Армении» накануне под давлением Москвы в Баку принимались решения о присоединении азербайджанских территорий к Советской Армении. Это хорошо было известно и туркам. Неслучайно в одном из своих интервью М.Ата-тюрк скажет: «К сожалению, некоторые положения программы коммунистов неприемлемы для Турции. Национальный вопрос также противоречит чувствам турок. Я вполне понимаю, что у коммунистов не может быть вопроса о национально-государственных границах. Например, коммунистический Азербайджан мог добровольно передать коммунистической Армении часть своей территории» (97, 57-61) В итоге, по настоянию турецкой делегации была все же принята изначально предложенная ими формулировка о том, что Нахчыванская область «образует автономную территорию под покровительством Азербайджана при условии, что Азербайджан не уступит этого протектората никакому третьему государству» (186, 45; 236, 310). Данная формулировка обезопасила Нахчыван от возможной переуступки его Армении в будущем руками самих бакинских коммунистов в порыве их «революционного братания» с Армянской ССР.

На втором заседании политической комиссии 12 марта важнейшим стал вопрос о границах между Нахчыванским округом и Советской Арменией. Здесь у сторон также были разные подходы. Турция, стремившаяся укрепить безопасность своих границ с Арменией, выступала за расширение границ территории Нахчыванской области за счет населенных преимущественно азербайджанцами, граничившего с Нахчыванским округом, но оказавшегося в силу армянской аг-

рессии в составе Армении районов Шаруро-Даралагезского округа. При этом турецкие представители обосновывали свой подход тем, что именно в этой области имели место «прискорбные события, вызвавшие призвание турецких войск», и что «весь этот округ населен мусульманами» (186, 54; 236, 313). В ответ на предложение по вопросу о границах Нахчыванской области российская делегация заявила: «Предложенная турецкими экспертами линия превышает максимум требований Азербайджана, никогда не выражавшего желания осуществлять своё покровительство над какой-либо частью Иреванского уезда. Хотя этот вопрос не имеет первостепенной важности, ввиду тесных связей, существующих между Советскими республиками, однако представлялось бы предпочтительным придерживаться границы Шаруро-Даралагезского округа, как наиболее соответствующего этнографическим принципам» (186, 54; 236, 314). При этом российская делегация считала, что граница между Нахчываном и Арменией могла бы считаться временной и впоследствии, «если при непосредственных переговорах между этими двумя государствами были бы установлены какие-либо изменения, то эти изменения не должны быть рассматриваемы, как нарушение принятых на себя Азербайджаном обязательств не уступать своего протектората». Последнее уточнение российской делегации, в случае согласия турецкой стороны, имело бы весьма тяжелые последствия прежде всего для Азербайджана, так как позволило бы в будущем Армении вновь поднять вопрос о пересмотре границ с Азербайджаном и статусе Нахчывана. С другой стороны, российская делегация, выступая за раздел Шаруро-Даралагезского округа по этническому принципу,

всячески пыталась, расширив границы Армении, сузить границы Азербайджана с Турцией.

Турецкая сторона, понимая реальную опасность, прежде всего, для Азербайджана подобного хода событий в будущем, настаивает на том, что этот вопрос является важным для безопасности восточной границы Турции и что он должен получить окончательное решение с исключением возможности каких бы то ни было переговоров по этому поводу между Арменией и Азербайджаном. В итоге было решено Шаруро-Даралагезский округ отнести к территории Нахчывана, тогда как в спорной части Иреванского округа (в треугольнике Кёмурлу-Дага-гора Сарай Булак-станция **Арапат**) граница должна была стать предметом ратификации со стороны смешанной комиссии в составе представителей Армении, Азербайджана и Турции (186, 54). Таким образом, лишь благодаря настойчивости турецкой делегации, вопрос о статусе Нахчывана был решен в пользу Азербайджанской ССР. Немалую роль в этом сыграла также твердая позиция представителя Азербайджана на переговорах в Москве Б.Шахтагинского. 13 марта 1921 г. Шахтагинский в телеграмме в НКВД Азербайджанской ССР М.Д.Гусейнову сообщал: «Соглашение с Россией состоялось ... Нахчыванский район переходит к Азербайджану. В договоре с турками отмечается, что он никогда не будет передаваться Армении» (186, 138).

Московский советско-турецкий договор, подписанный 16 марта 1921 года, фактически предопределил будущие границы между Турцией и тремя советскими республиками Южного Кавказа (84,4-16). В то же время, он сорвал очередные планы армян по расширению своей территории за счет земель Турции и

Азербайджана. По итогам Московской конференции в телеграмме т. Коппу от 21 марта 1921 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.Чичерин дал ей следующую оценку: «Договор с Турцией должен упрочить ориентацию национального турецкого движения на Советскую Россию. Проведение границы по Арпачаю и Араксу является также тяжелой, причем армянские коммунисты называют эти условия новым Брестом» (183, 23). Н.Нариманов в своем выступлении на I Всеазербайджанском съезде Советов в мае 1921 г., касаясь вопроса Нахчывана, отмечал: « По договору с Советской Россией и Турцией, Нахчыван объявляется самостоятельной республикой под протекторатом Азербайджана. Там будет наш представитель и мы во всех отношениях будем обслуживать Нахчыван» (247, т. 2, 500). Министр иностранных дел Турции Юсуф Кемаль, выступая в Великом Национальном собрании, заявил: «Нахчыван находится под протекторатом Азербайджана с условием, что она будет входить в компетенцию азербайджанской администрации. В случае, если будут произведены какие-нибудь изменения в пользу Армении, мы оставляем за собой право противостоять этому» (45, 306).

С подписанием Московского договора Турция и Советская Армения согласились считать потерявшим свою юридическую силу пункт армяно-турецкого Гюмринского договора от 2 декабря 1920 г., касающегося Нахчывана. В советской историографии этот факт преподносился как «отказ Турции от притязаний на Нахчыван», а Армения, якобы проявив «пролетарский интернационализм», пошла на территориальные уступки Турции (269, 112-113, 117). Касаясь итогов Московской конференции, армянский исследователь

Б.Борьян отмечал, что причиной «территориальных уступок, сделанных Турции со стороны Армении была та роль, которую народы Востока должны были играть в борьбе за свержение мирового империализма» (66, 8). Советская армянская историография оценивая решения Московской конференции по Нахчывану, как антиармянскую, считало, что Нахчыван был отделен от Советской Армении, завершив её расчленение (203, 11). По мнению других: «Не будь февральских событий 1921 г. и свержения власти большевиков в Армении, может русские большевики были бы намного благосклоннее к Армении, видя у руля своих однопартийцев. Поэтому Советская Россия фактически преподнесла в дар Нахчыван Советскому Азербайджану как своему единомышленнику, наказав Армении как не признающую Советы и «агента мирового империализма» (207, 6).

Считая Сталина основным виновником в определении статуса Нахчывана в пользу Азербайджана, армянские исследователи часто делают ссылки на мемуары участника Московской конференции, члена турецкой делегации Фуад паши Джебесоя, который в своих воспоминаниях писал: «Наше соглашение с Чичериным состоялось в результате вмешательства Сталина. Трудности, возникшие в ходе переговоров, также были преодолены в результате вмешательства Сталина» (44, 141). А трудности в переговорах создавали необоснованные требования Г.Чичерина к туркам об очищении Вана, Битлиса, Муша и других турецких провинций с громадным турецким населением. Поэтому, в телеграмме на имя Ленина от 12 февраля 1921 г. Сталин призвал его «запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистически

настроенных армян» (207, 11). Подобная позиция Сталина не была вызвана вовсе особой симпатией его к туркам, а вытекала больше из прагматичного подхода к сложившемуся международному положению Советской России. Подтверждением этому является письмо полномочного представителя Армянской ССР в РСФСР С.Тер-Габриэляна, направленное 15 января 1921 года в ЦК КП Армении с содержанием его беседы со Сталиным: «... беседовал с ним очень долго. Сталин, как видно, и другие товарищи значительно изменили своё отношение к турецкому движению, благодаря того довольно вызывающего тона, каким они стали говорить с Россией. Сталин в категоричной форме заявил, что разговора о Нахичевани не может быть – Нахичевань будет в Советской Армении» (203, 5). Продолжающаяся гражданская война внутри страны, неудачи на польском фронте и, наконец, свержение дашнаками советской власти в самой Армении прямо накануне Московской конференции, вынуждало большевистское руководство во главе с Лениным быть более уступчивым. Не случайно, Ленин 9 апреля 1921 года, говоря о мирном соглашении с Турцией, подчеркнул: «Оно избавляет нас от вечных войн на Кавказе» (6, т. 6, 178). С другой стороны, в 1921 году Сталин, занимая скромную должность комиссара по делам национальностей Советской России, не обладал той властью и авторитетом в руководстве, которые позволяли бы ему иметь решающий голос в таких важных вопросах. А что касается личной позиции Сталина по Нахчывану, то выше мы видели, как он приветствовал декларацию Баксовета от 1 декабря 1920 г. о передаче его Советской Армении (261, т. 4, 456). В действительности же, на Московской конференции Турция в оче-

редной раз признала суверенные права Азербайджана на Нахчыван и выполнила свою историческую миссию по окончательному решению данного вопроса. После подписания Московского договора, в апреле 1921 г. Турция вывела свои войска из Нахчывана, которые находились там с мая 1920 г. Московский договор вступил в силу после его ратификации 20 марта 1921 г. ЦИК РСФСР и 21 июля 1921 г. ВНСТ Турции (30, 305).

С целью проведения в жизнь положений Московского договора и урегулирования отношений Турции с тремя советскими республиками Южного Кавказа возникла потребность в созыве новой конференции. Согласно XV пункту Московского договора, Россия брала на себя обязательства «предпринять в отношении Закавказских республик шаги, необходимые для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора их касающихся» (84, 3).

Накануне Карсской конференции Советская Россия оказывала дипломатическое давление на советские республики Южного Кавказа, стремясь заставить их подписать единый договор с Турцией. Россия тем самым не хотела допустить, с одной стороны, усиления влияния Турции на Южном Кавказе, а, с другой стороны, была обеспокоена возможным установлением в будущем тесных отношений между Турцией и Азербайджаном, и поэтому пыталась столкнуть между собой два братских государства. 1 апреля 1921 г. Г.Чичерин писал в Политбюро ЦК РКП(б): «Тактика турок заключается в том, чтобы путем отдельных переговоров попытаться выжать у кавказских республик что-нибудь, чего не удалось добиться от нас. Между тем можно опасаться, что в этом отношении не все будет

благополучно и, в частности, со стороны Азербайджана. Если мы не примем мер, чтобы не допустить никаких нежелательных уклонов, таковы легко могут произойти». На письме В. Ленин написал своё мнение: «По-моему, это бесспорно» (74, 425-426).

Вскоре Москва начала оказывать давление на руководство Азербайджанской ССР с целью подготовить его соответствующим образом к предстоящей конференции. В телеграммах, направленных в начале апреля 1921 г. М.Д.Гусейнову, наркоминдел Советской России Г.Чичерин писал: «Линия турок заключается в том, чтобы всячески содействовать Азербайджану разыгрывать роль его протектората, пытаться сделаться его опекуном, создавать почву, чтобы вмешиваться в его дела. Если не предостеречь бакинцев они могут совершить какую-либо оплошность. Сообщите им постановление Цека о том, чтобы Кавказские республики не подписали договора не запросив нас» (176, 33; 183, 24; 186, 195). В ответной телеграмме от 12 апреля Чичерину, М.Д.Гусейнов писал: «Вашу записку получил. Турки никогда и ни в какой форме не могут разыграть роль турецкого протектората над Азербайджаном. Если теперь необходим единый фронт Закавказских республик в переговорах с турками, то мы примем участие в этих переговорах» (175, 34; 186, 203).

Телеграммы Г.Чичерина сделали своё дело. 7 мая 1921 г. на совместном заседании представителей республик Южного Кавказа, на котором присутствовали Г.Орджоникидзе, Б.Легран, М.Орахелашвили, А.Бекзаян, М.Д.Гусейнов и Б.Шахтагинский, было принято решение по поводу внесения южнокавказскими республиками предложения о подписании ими единого договора. Согласно данному постановлению, ос-

нову будущих переговоров и договора будет составлять российско-турецкий договор от 16 марта 1921 г. (104, 30). Б.Легран в докладе Чичерину писал: «Турки испытали большое разочарование, когда убедились, что предстоящие переговоры с закавказскими республиками будут не чем иным, как прямым продолжением московских» (269, 162). Действительно, в ходе беседы 26 января 1922 г. в Анкаре с послом Азербайджана И.Абиловым министр иностранных дел Турции Юсуф Кямал особо отметил: «Выезжая в Москву для заключения договора с РСФСР, мы намерены были проездом заключить договор с Азербайджаном, затем с Грузией и, наконец, с Арменией. Но в Азербайджане, к нашему сожалению, к этому вопросу отнеслись не так, как мы ожидали. Разочарованный этим, мой коллега Рза Нури бей сказал, что Азербайджан показал нам нос» (85, 19).

После долгих обсуждений было принято решение провести конференцию в Карсе. Постановлением Политбюро ЦК АКП(б) от 26 августа 1921 г. полномочным представителем Азербайджанской ССР на Карсской конференции был назначен Б.Шахтахинский (135, 84). Карсская конференция проходила с 26 сентября по 13 октября 1921 г. Анализ стенографических отчетов и протоколов заседаний конференции показывает, что переговоры здесь отличались своей принципиальностью и острыми дискуссиями. Предложение Турции подписать двухсторонние договора с тремя советскими республиками Южного Кавказа в очередной раз натолкнулось на сопротивление представителей Советской России, участвовавших на конференции в роли посредников и являвшихся сторонниками единого договора Закавказских республик и

Турции. В день открытия конференции представитель от Советской Армении А.Мравян так выразил позицию своей республики: « Мы не приехали сюда с чувством вражды, и нет у нас желания сегодня поставить вопросы в неразрешенном виде, спорные проклятые вопросы. Закавказские народы уверены, что настоящая конференция даст нам прочные основы дружбы и братства с турецким народом и на основе этого договора все спорные вопросы впредь легко и быстро получат разрешения» (87, 2). Представитель Азербайджана Б.Шахтагинский в своем выступлении отметил: «Революционная необходимость заставляет нас настаивать на заключении единого договора. В этом едином договоре мы видим целесообразность и пользу для Закавказских республик, а для Турции реальную демонстрацию в пользу наших общих врагов. Я должен подчеркнуть, что Закавказские республики объединились экономически, политически и в военном отношении. Между ними существует самое строгое территориальное разграничение. Каждая из этих Республик представляет из себя самостоятельную единицу. Если, несмотря на весь этот единый договор, мы вставляем отдельные главы, касающиеся отдельных республик, то мы видим не пользу, а ущерб для нашего общего дела. Поэтому, я от имени Азербайджанской республики настаиваю на том, чтобы договор был единым и чтобы особых глав в этом договоре не было. Азербайджан верит, что в лице Закавказских республик, Турции и России имеется единый фронт» (87, 30). Данное заявление азербайджанской делегации фактически обезоружило турецкую сторону.

Наконец, после длительных обсуждений, 13 октября 1921 г. был подписан Карсский договор. Соглас-

но 5 пункту договора, «Правительство Турции и Правительства Советской Армении и Азербайджана согласны, что Нахчыванская область в границах, указанных в приложении III настоящего договора образует автономную территорию под покровительством Азербайджана» (85, 10).

На специальном приеме, устроенном по случаю завершения Карсской конференции, Б.Шахтагинский, касаясь её итогов скажет: «Азербайджан одно звено связи между Турцией и Россией. Всящее звено, которое тянут с двух сторон. Мост, на котором русские хотят гарцевать» (47а, 25; 191, 41). 10 ноября 1921 г. в бюллетене информационного отдела полпредства Азербайджанской ССР в Турции было опубликовано интервью Б.Шахтагинского французскому журналу «д'Ориан» под заголовком «Государственный Статут Нахчыванского округа». В нем Шахтагинский, подводя итоги работе Карсской конференции, отметил: «Нахчыванская область была возведена в число «Автономных Республик Народных Советов» и вместе с тем поставлена под покровительство Азербайджанской республики. Молодая республика будет иметь собственный Совет Народных комиссаров. Сам же Азербайджан будет представлен среди нового государства одним делегатом» (101, 58). Очень важным является также тот факт, что в договоре ничего не говорилось о сроке его действия, а также под ним стояла подпись Советской Армении, которая таким образом признавала Нахчыван, как часть территории Азербайджана.

Итоги Карсской конференции получили далеко неоднозначную оценку. Г.Орджоникидзе в своем выступлении на I Закавказском съезде Советов говорил: «Им (турецкой делегации) было дано понять..., что

прежний мусульманин, уже не тот мусульманин, которого они знали, а советский мусульманин. С момента Карсского договора нет отдельных наркоминделов в трех республиках, нет отдельных несогласованных выступлений» (247, ч. 1, 256-257).

В советской историографии итоги Карсской конференции оценивались «как торжество политики дружбы и братства народов Закавказья, объединенных в единой семье советских народов» (268, 165). В то же время решения Карсской конференции получили неоднозначную оценку как в Советской Армении, так и среди представителей армянской диаспоры. Газета «Советская Армения» в своем номере от 27 октября 1921 года в статье «Карсская мирная конференция», касаясь её итогов, считала их очередным актом в деле укрепления независимости Армении. Газета «Верджин-Лур» в номере от 7 ноября 1921 г. писала: «Хотя Армения по Карсскому договору ничего не выиграла, но достаточно и того, что она установила мир с Турцией» (100, 174-176). В то же время, в передовице издававшейся в Тебризе армянской газеты «Айг» от 13 ноября 1921 года, в статье «Завеса снята» указывалось, что: «Карсский русско-турецкий договор снял, наконец, ту завесу, которой так хитро был окутан армянский вопрос изменниками-большевиками и продавшими свой народ армянскими коммунистами с их многочисленными приспешниками. Они даже не смогли вырвать из когтей кемалистов маленький Нахчыван» В статье также отмечалось, что «Карсский договор не дал ничего не только для Армении, но и самой России и казалось, что турецкие войска, войдя в Москву, продиктовали свои условия мира потерпевшей поражение России» (102, 124-125). Орган партии

Гнчак «Жоговурди-Дзайн» в номере от 6 ноября 1921 г. писала: «Карсский договор имеет целью подготовить предварительные условия для завоевания в будущем Кавказа вообще и, в частности, Армении. Выключить из пределов Армении населенной наполовину мусульманами Карсский район и создать из неё вместе с автономной Нахчываном буфер под покровительством Азербайджана, отделить, таким образом, армянские Карабах и Зангезур от метрополии» (т.е. Армении – И.Н.) (100, 174-176). Газета армянских дашнаков «Чакатамарт» в своей статье «Положение в Армении» от 6 декабря 1921 г. отмечала, что «решением Карсской конференции остались довольны только татары» (102, 184). М.Ататюрк, выступая 1 марта 1922 г. на заседании ВНСТ, посвященном годовщине начала его работы, также коснулся итогов Карсской конференции: «Этим договором занятое нами фактическое положение на Востоке приобрело юридическую форму. Этот договор является одним из фактов, доказывающих неприемлемость Севрского договора. В Карсском договоре так называемый «армянский вопрос» нашел своё наиболее приемлемое решение» (102, 26).

После подписания Карсского договора на повестку дня стал вопрос о его ратификации. Для изучения этого вопроса большое значение имеет содержание переговоров, которые проводились в декабре 1921-январе 1922 гг. в Анкаре между послом Азербайджанской ССР И.Абиловым и министром иностранных дел Турции Ю.Кямалем. Во время встречи 26 января 1922 года, турецкая сторона выразила свою обеспокоенность затягиванием ратификации Карсского договора: «Вы сейчас заявили, что договор будет ратифицирован после осуществления конфедерации (имеется в

виду ЗСФСР – И.Н.) общесоюзным советом. Должен заявить, что в период Карсской конференции не было федерации и, следовательно, общих делегатов от неё. В Карсе мы имели дело не с общими делегатами союзной федерации, а с отдельными самостоятельными представителями АССР, ССРГ и ССРА, а поэтому и договор должен ратифицироваться каждой республикой в отдельности. С юридической точки зрения общая ратификация союзным советом будет неправильна и неприемлема для нас. Договор мною уже передан в комиссию Меджлиса. Я прошу Вас оказать в этом отношении своё содействие, чтобы ратификация была отдельной для каждой Республики и ускорена».

Однако, руководство Азербайджанской ССР ещё до конференции в Карсе имела четкие инструкции из Москвы о единой линии поведения в отношениях с Турцией и не была независимой в решении данного вопроса. Поэтому в своем ответе И.Абилов пытался доказать, что «ратификация договора союзным советом или же каждой республикой в отдельности – это одно и то же и в этом нет никакой разницы». Подобная позиция, прежде всего, азербайджанского руководства по данному вопросу не могла не вызвать обеспокоенность турецкой стороны. Поэтому Ю.Кямаль вынужден был быть более откровенным: «Но теперь вижу, что является необходимым высказаться Вам откровенней и по-дружески. Что касается ратификации со стороны Азербайджана, то в этом для нас нет особой спешности и необходимости, но что же касается ратификации договора со стороны Армении в отдельности, то это для нас чрезвычайно важно и сильно нас интересует. Вам известно, что есть предложение о приглашении нас на конференцию по восточному во-

просу. Вам также должно быть известно, что на Западе, вследствие работы и агитации армянских деятелей, вокруг армянского вопроса идут толки и обсуждения. Поэтому очень важно, что на этой конференции, имея в руках договоры, как с дашнакским (имеется в виду Гюмринский договор между дашнакской Арменией и Турцией от 2 декабря 1920 г. – И.Н.), так и с армянскими коммунистами, мы можем выступить в защиту своих интересов. Если же Карсский договор будет ратифицирован не отдельно каждой из Закреспублик, а общесоюзным советом, то тогда на конференции могут утверждать, что это есть не воля армянского народа. Поэтому я вас убедительно прошу не отказать в сношении с тов. Наримановым о принятии им соответствующих мер к ратификации Карсского договора отдельно каждой республикой и об её ускорении». В ответ И.Абилов обещал лично снестись с Наримановым и попросить его разрешить вопрос о ратификации в положительном для турецкой стороны смысле (85, 17-21). В ходе исследования нами не было обнаружено никаких документов о том, какова была реакция Нариманова на предложения турецкой стороны о процедуре ратификации Карсского договора. Однако то, что в конечном итоге ратификация столь важного, как для Азербайджана, так и для Турции, исторического договора была осуществлена в отдельности высшими законодательными органами каждой республики, в т.ч. Армении, говорит о том, что позиция председателя Совета Народных комиссаров АССР Н.Нариманова в этом вопросе сыграла решающую роль.

Карсский договор был ратифицирован Великим Национальным Собранием Турции 17 марта 1922 г.

172 голосами «за». Что касается остальных участников договора, то 3 марта 1922 г. ЦИК Азербайджанской ССР, 20 марта 1922 г. ЦИК Армянской ССР и 14 июня 1922 г. ЦИК Грузинской ССР также ратифицировали Карсский договор. 11 сентября 1922 г. в Иреване состоялся обмен ратификационными грамотами между представителями Азербайджана и Армении, после чего договор вступил в силу (30, 311). Как сообщал наркоминдел АССР в отдел Внешних сношений при Союзном Совете 22 августа 1922 г., в делегацию для обмена ратификациями Карсского договора в Иреване был назначен представителем Гамид Султанов (81, 6). Первый Закавказский съезд Советов 12 декабря 1922 г. в специальном постановлении отметил: «Нахчыванскую республику считать неотделимой и составной частью Азербайджана на правах автономной единицы» (191, 123).

Даже после окончательного решения статуса Нахчывана власти Советской Армении не прекращали попытки вмешательства в его дела, что обостряло ситуацию. Так, 24 июня 1921 г. Особый уполномоченный Азербайджанской ССР в Нахчыване Б.Велибеков в телеграмме в ЦК АКП(б) сообщал о поступлении в его адрес массовых заявлений от населения и даже иностранных миссий о нахождении Нахчывана фактически в руках и под протекторатом Армении. Армения посылала в Нахчыван представителей армянской Красной Армии, которые не подчинялись местным властям (152, 237-238). Из телеграммы С.Кирова в Кавбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1921 г. видно, что в Нахчыван правительством Советской Армении был назначен ответственный секретарь комсомола Армении, который стал направлять своему руководству

различные телеграммы, с извращением истинного положения дел в крае, не входя ни в какие общения с партийным руководством Нахчывана. В конце телеграммы Киров просил Кавбюро дать соответствующее распоряжение ЦК Армении все свои мероприятия на территории Нахчывана проводить с ведома и согласия ЦК АКП (137, 37). Интересно, что после получения телеграммы С.Кирова председатель Совнаркома Армении Лукашин отрицал факт какого-либо вмешательства во внутренние дела Нахчывана и выражал сожаление, считая, что Киров был ложно информирован (137, 36).

Решения Московской и Карсской конференций 1921 г. об оставлении Нахчывана в составе Азербайджанской ССР нарушили планы Советской Армении по отторжению этой территории от Азербайджана. 9 февраля 1924 г. Президиум ЦИК Азербайджанской ССР принял декрет о преобразовании Нахчыванского края в Нахчыванскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (58). Однако, передача Советской Армении западной части Зангезура, фактически отрезали Нахчыван от остальной части Азербайджана. Тем самым, у правительства Советской Армении возникла надежда, что теперь, путем расселения на территории Нахчывана армян и постепенного умножения их численности здесь можно создать благоприятную почву для новых попыток по его отторжению от Азербайджана в будущем.

10 марта 1925 г. группа армян-беженцев г. Тифлиса обращается в ЗакЦИК с просьбой разрешить им расселиться на территории Нахчыванской АССР. Видимо, не случайно обращение делалось именно в этот орган, так как армяне занимали ведущие позиции в

высших органах ЗСФСР. Обращение было написано в традиционной армянской манере. В начале его, как обычно, армяне давали краткую историческую справку для обоснования своих требований, называя себя коренными жителями Нахчывана. В качестве довода были приведены названия тюркских сел – Алиабад, Караханбегляр, Казакенд, Шахмамуд, Джагры и т.д., где они якобы ранее проживали, позже покинув их, став жертвой «турецкой оккупации». В конце, раскрывая свои истинные намерения, авторы обращения просили «проявив к ним отеческую заботу», предоставить им земельные наделы, отобрав их предварительно у азербайджанцев, дать ссуду, освободить от налогов. Но, самое интересное то, что, не доверяя азербайджанским властям, армяне ходатайствовали о назначении от ЦИК СССР представителя для контроля за правильностью проведения в жизнь указанных мероприятий (32, 148; 116, 22-24). Видимо, авторы обращения наверняка надеялись, что этим представителем, которого они называют «нейтральным элементом», будет обязательно армянин. Однако, надежды армян не оправдались. 2 мая 1925 г. вступило в силу постановление АзЦИК о том, что «ввиду общего малоземелья Нахичеванской АССР – воспретить пересечение в пределы НССР лицам, желающим получить земельные наделы и в соответствии с этим распоряжением предложить Наркомзему НССР наделить землей лишь тех лиц, кои переселились в пределы НССР до 1 апреля 1925 г.» (32, 149; 116, 16).

Но армяне вновь не успокоились. 26 июня 1925 года та же группа беженцев подает председателю Совнаркома СССР А.И.Рыкову заявление, в котором они прямо обвиняли руководство Нахчыванской респуб-

лики в «неспособности, косности, невежестве и национальной неприязни к армянам» (270, 24). Армяне выбрали время для обращения к Рыкову не случайно, поскольку в марте 1925 года он находился в Нахчыване. Этот визит имел довольно горькие последствия для руководства автономной республики. Выступая на митинге в Нахчыване, Рыков обвинил руководство края в допущении грубых ошибок в ходе советского строительства (270, 25). Вслед за этим весной 1925 г. в Нахчыван была направлена особая комиссия в составе М.Д. Багирова (председатель), Караева, Горобченко, Довлатова и представителя от Заксовнаркома Кванталиани. Комиссия выехала в Нахчыванский край внезапно, не предупредив о дне своего отъезда. В своей работе комиссия не ограничивалась заслушиванием докладов местных работников, как например Председателя СНК Азербайджанской ССР Г.Султанова, секретаря Нахрайкома т.Гашимова. В результате проделанной комиссией работы начались репрессии против руководителей края и было сфабриковано т.н. «дело Нахчыванских работников». Были сняты с работы целый ряд работников, как по партийной, так и по советской административно-хозяйственной линии. Группа работников в количестве сорока человек была арестована и препровождена в Баку (115, 104; 195, 2-3).

К сожалению, скудность архивных материалов не дает возможность установить масштабы этого дела, однако имеющиеся документы показывают, что одним из пунктов сфабрикованных обвинений был вопрос об отношении к армянскому населению. Так, проходивший по данному делу Шамиль Махмудбеков, возглавлявший НКВД, а с марта 1923 г. занимавший должность председателя крайкома Нахчыванской

АССР, обвинялся в национальном уклоне, в провоцировании обострения отношений между армянами и азербайджанцами. Однако, отвергая все обвинения, Махмудбеков в ходе следствия заявил: «В вопросе о национальных отношениях я был чрезвычайно осторожен. Например, в момент поголовного голода помощь оказана в первую очередь армянам, а не тюркам. При обнаружении у армянского населения Ордубадского уезда припрятанного оружия, бомб, снарядов и пр. дело было поручено специально русскому и ни один виновный не был арестован – исключительно из желания предотвратить могущую быть провокацию и оградить прочее армянское население и ячейки, на которых вообще падало подозрение, так как обнаруженное оружие связано было с подпольными дашнакскими заседаниями внутри самих коммунистических ячеек. Этот скандал от гласности был предотвращен. Или при высылке из Сов.Армении возвращающихся на свои места тюркок-беженцев. Мы, Нахкрай, хотя официально и просили Сов.Армению не присылать, но все же их беженцев от нас – наоборот принимали» (167, 1-3). Таким образом, руководство Нахчыванского края, благодаря провокации армян, было обезглавлено.

Дело о тифлисских армянах завершилось 12 июня 1926 г., когда в ответ на возобновившиеся 29 марта 1926 г. запросы Закавказского ЦИКа с просьбой удовлетворить прошения армян, АзЦИК препроводил в ЗакЦИК своё решение: «Заключение Нах.ЦИКа, изложенное в постановление его от 26 апреля 1926 г. о необходимости отклонения ходатайства просителей признать правильным и переселение проживающих в Тифлисе армянских беженцев в пределы Нах.АССР

считать невозможным» (32, 149; 270, 26).

Таким образом, национально-государственное устройство Нахчывана предопределялось исторически сложившимися межнациональными и территориальными отношениями, связанными с его географическим расположением. Историческое значение Московского и Карсского договоров состоит в том, что они фактически дезавуировали планы руководства Армении, направленные на расширение её территории за счет Нахчывана. Эти договоры следует рассматривать, как важнейшее и неоспоримое юридическое подтверждение безусловного распространения юрисдикции Азербайджана на территорию, вошедшую в историю его народа, как одна из колыбелей древней азербайджанской государственности. Один лишь тот факт, что под Карским договором стоят подписи полномочных представителей Армении, заверяющих суверенитет Азербайджана над Нахчываном, превращают сегодня в бесплодную суету любые притязания рваншистских кругов Армении.

2.3.Изменения в границах между Азербайджанской ССР и Армянской ССР после образования Закавказской федерации.

После советизации Южного Кавказа границы между советскими республиками стали иметь значение не разделительных линий между государствами, а относились к вопросу о союзно-административном делении. После образования в 1922 году Закавказской

Советской Федеративной Социалистической Республики начались новые административно-территориальные преобразования на Южном Кавказе, которые были вызваны, прежде всего, несоответствием существующего административно-территориального деления новым политическим и экономическим потребностям Москвы и имели целью создать в регионе комплексные экономические районы, искусственно уравнять экономические возможности республик. При этом признавались следующие принципы административно-территориального деления: 1) Сосредоточения промышленности; 2) Сосредоточения культур; 3) Тяготения населения к промышленно-распределительным пунктам; 4) Направления и характера путей сообщения; 5) Численности населения; 6) Национального состава населения. Как видим, на первом месте стояли экономические интересы, на последнем – национальные. Абсурдность ситуации заключалось в том, что одновременно в общественное сознание внедрялась идея о приоритете национальных интересов и о том, что государство именно так заботится об экономическом расцвете братских народов (54а, 40).

15 августа 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б), заслушав вопрос о границах между советскими республиками Закавказья, постановил предложить председателям СНК и Ревкома Азербайджана, Армении, Грузии подписать договор, определяющий границы между тремя республиками. Однако, в дальнейшем подобный общий договор подписан не был (267, 110). 22 августа 1922 г. за подписью председателя Закавказской Чрезвычайной Комиссии поступил приказ в ЧК Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР в течении 24-х часов с момента получения упразднить

пограничные заставы, охраны и контрольные пункты. Как отмечалось в приказе, внешними границами отныне считались границы с Турцией и Персией (108, 2). Данным приказом границы между тремя республиками Южного Кавказа фактически потеряли своё значение, как государственные. В июне 1921 года Пленум Кавбюро РКП(б) вынес решение о свободном доступе кочевников к пастбищам в республиках Закавказья (267а, 30). В результате крестьяне трех республик Южного Кавказа получили свободу передвижения в пределах его границ. Данное решение стало причиной раздоров, недоразумений и столкновений между уездами трех Закавказских республик на хозяйственной почве, по вопросам о праве пользования пастбищами, водными источниками.

Для разрешения этих споров в декабре 1922 г. была создана специальная комиссия Заккрайкома РКП(б) во главе с Наримановым, Мясниковым и Орджоникидзе (219, 128). Постановлением Президиума ЗакЦИК от 5 февраля 1923 года для разрешения споров по земле–лесо–водопользованию была создана так называемая специальная Земельная комиссия по установлению границ уездов в составе: Председатель – С.Касьян, зам.председателя – Я.Кочетков, члены – В.Стуруа, С.Якубов, К.Хомерики. Данная комиссия действовала с выездом на места в приграничные уезды Армении и Азербайджана для урегулирования тяжб и споров между крестьянами из-за сопредельных пашен, лугов, вод и т.д. Согласно постановлению Президиума ЗакЦИКа от 30 января 1924 года, комиссия стала называться «Комиссией по разрешению споров по земле–лесо–водопользованию между республиками, входящими в состав ЗСФСР». В состав комиссии входили

председатель, четыре члена, все из числа ЗакЦИКа. При комиссии находились консультанты, специалисты землеустроители и чертежники. Кроме того, постановлением данной комиссии ЗакЦИК создавались местные комиссии, куда входили председатель, назначаемый ЗакЦИК и по одному представителю от каждой заинтересованной республики. Материалы, подготовленные данными местными комиссиями, поступали в Комиссию ЗакЦИК по земле-лесо-водопользованию, а через неё в Президиум ЗакЦИК, решение которой являлось окончательной (116б, 21-22). В июне 1927 года данная комиссия была переименована в Комиссию по разрешению земельных споров между республиками Закавказья (вопросы водопользования отошли к «Закводхозу») (267а, 78). Любопытную оценку работе комиссии дает армянский историк С.Хармандарян: «На первый взгляд кажется непонятным постоянный характер Земельной комиссии ЗакЦИК. Земельные, водные, лесные и иные споры между крестьянами приграничных уездов советских республик ЗСФСР были в основном уже урегулированы. Но забота Советской власти о национальном мире и согласии, её дальновидность заключалась именно в том, что, приняв решение, удовлетворившее трудящихся в данный момент, она могла и пересмотреть его. На практике так и было не однажды» (267а, 79). На самом деле непоследовательные шаги данной комиссии, то, что Хармандарян считает «заботой Советской власти о национальном мире», фактически ещё больше обострили вопрос о границах между республиками.

В справке, подготовленной Народным Комиссариатом земледелия от 22 октября 1922 г. сообщалось: «Вся территория Азербайджанской ССР составляла

7989105 десятин¹. Из указанной общей площади: а) от Газахского уезда отошло к Армении 379984 десятин б) от бывшего Зангезурского уезда отошло к Армении 405000 десятин в) от Борчалинского уезда к Азербайджану 79600 десятин. Таким образом, территория Азербайджанской ССР в настоящее время составляет 7283721 десятин» (93, 19-20). В отчете управления землеустройства Наркомата Земледелия за 1920-1923 гг. отмечается: «Часть летних пастбищ до 150000 десятин, находившихся ранее в границах Зангезурского, Джеванширского и Газахского уездов и состоявшие в обладании Азербайджана, ныне с передачей Армении, вошли в зону, спорную между этими двумя республиками, ввиду чего исконные пользователи этими пастбищами-азербайджанские скотоводы, при перекочевке на них испытывают крупные неудобства» (116а, 56-57). Вплоть до конца 20-х годов подобные пограничные споры наиболее остро шли, с одной стороны, между Газахским, Губадлинским, Джебраильским уездами Азербайджанской ССР и, с другой стороны, Дилиджанским, Ново-Баязетским, Даралагезским уездами ССР Армении.

В конце 1925 года для решения пограничных споров Азербайджана с Армянской и Грузинской республиками была создана специальная тройка при АзЦИК в составе Д.Буният-Заде (председатель), М.Д.Багирова и Т.Шахбази. АзЦИК возбудил перед Закавказским ЦИК вопрос о пересмотре всех ранних пограничных споров, за исключением тех, по которым состоялось согласие представителей Азербайджанской Республики (233, 210).

---

¹ 1 десятина = 0,0109 км²

30 ноября 1925 года на заседании комиссии по спорным земельным вопросам выступил М.Д.Багиров, который дал негативную оценку деятельности местных земельных комиссий, решавших земельные споры между различными уездами республик за счет одних в ущерб другим: «Мало того, что посылаемые работники пристрастно относились к разрешению этих вопросов, но они даже чисто экономические, земельные и пастбищные вопросы превратили в вопросы якобы уголовного характера, а бандитизм со стороны наших уездов в глазах Закавказских органов создали такое впечатление, что необходимо принять самые репрессивные меры по отношению к уездам Азербайджана, вплоть до отправки вооруженных сил, ибо там одни бандиты, вся власть из бандитов и т.д.» (116а, 57). В заключение своей речи Багиров привел документ, который наиболее ярко продемонстрировал, как решали товарищи, выезжающие со стороны ЗакЦИКа, вопросы, касающиеся земельных споров между Азербайджаном и Арменией. Данный документ под грифом «совершенно секретно» датировался августом 1923 года и был направлен делопроизводителем пастбищного отдела Земельной Комиссии ЗакЦИК Назарьянцом из г. Дилиджана к некоему Оганезову, который являлся землемером в ходе определения границ между Дилиджанским уездом ССРА и Газахским уездом АССР. В документе Назарьянц пишет: «По предложению Заведующего пастбищным отделом сообщаю Вам, что как видно из представленных Вами проектов, Вы совершенно не знакомы с Аграрной политикой Наркомзема Армении и не удовлетворяете местное население (армян – И.Н.) распашками и сенокосными землями. Вы стараетесь сохранять пастбища для пришлых ко-

чевников (азербайджанцев – И.Н.). Из этого усматривается, что Вы действуете в разрез интересам трудового крестьянства, что недопустимо при внешнем мало-земельном положении наших бедных крестьян. Нужно считаться с экономическим положением крестьян и выделять иногда самостоятельно больше, чем пишется в протоколах» (116а, 59-60).

Архивные документы показывают, что пограничные споры, происходившие между отдельными уездами Азербайджанской ССР и Армянской ССР в большинстве случаев решались в пользу армянской стороны. Вот лишь некоторые факты:

Участок Чомча, площадью 940 десятин, спорный между селением Кулып Дилиджанского уезда ССР Армении и селением Шихлы II Газахского уезда Азербайджанской ССР постановлением особой местной Земкомиссии ЗакЦИК от 27 октября 1924 года (протокол №19) был передан селению Кулып ССР Армении.

Участок Аджи, площадью 1002 десятин, спорный между селением Бараны Дилиджанского уезда ССРА и селением Коймахлы Газахского уезда Азербайджанской ССР постановлением Земкомиссии от 31 октября 1924 года был разделен, северо-восточная его часть, площадью 612 десятин, была предоставлена селению Коймахлы Азербайджанской ССР, а юго-западная часть, площадью 390 десятин, селению Бараны ССР Армении (116б, 84).

Участок Карачал, площадью 700 десятин, спорный между селением Котканд Дилиджанского уезда ССРА и селением Дашсалахлы Газахского уезда АССР, решением Земкомиссии ЗакЦИК от 1926 года передана селению Котканд ССР Армении.

Участок Багманчала, площадью около 300 деся-

тин, спорный между селениями Довех Дилиджанского уезда ССРА и селением Камарлы Газахского уезда АССР, вначале постановлением комиссии от 28 сентября 1923 года подлежал оставлению в составе селения Камарлы АССР. Однако, в дальнейшем, постановлением ЗакЦИК от 1925 года участок был разделен пополам между вышеупомянутыми селениями (116б, 84об.).

Участок, площадью 69 десятин, спорный между селением Лалакенд Дилиджанского уезда ССРА и селением Чахмалы Газахского уезда АССР, постановлением особой местной комиссии Земкомиссии ЗакЦИК от 8 ноября 1924 года оставлен за селением Лалакенд Дилиджанского уезда.

Участок Гюнеш, площадью 753 десятин, спорный между селениями Норашен, Мосескенд и Нижний Кизил Булаг Дилиджанского уезда ССРА и селением Гаджали и Алибекли Газахского уезда АССР, решением Земкомиссии ЗакЦИК от 1925 года разделен, из которых часть участка, площадью 186,5 десятин, переходила селению Гаджалы и Алибекли Газахского уезда АССР, а остальная – площадью 566,5 десятин – передавалась селениям Норашен и Мосескенд Дилиджанского уезда ССРА. Данное решение было окончательно утверждено постановлением Закавказского ЦИК от 18 февраля 1929 года (116б, 98об.).

Остро стоял вопрос о землях и лесах Шиних-Айрумского района между Газахским уездом АССР и Дилиджанским уездом ССРА. Вся площадь данного района составляла 11659 десятин. В пределах этой площади находилось 14 селений и отселков с тюркским населением в 4124 душ. Согласно границам, установленным 28 апреля 1923 года комиссией по раз-

граничению уездов при ЗакЦИК, кроме вышеупомянутых 14 селений и отселков в состав площади этого района входило 48 зимовок (построек для содержания скота в зимнее время), из числа которых 30 принадлежали тюркскому населению Азербайджанской ССР, 18 зимовок, по сведениям Наркомзема Армении, гражданам этой республики (116б, 90). В сентябре 1925 года специальная комиссия Земкомиссии ЗакЦИК, проведя обследование данного района, пришла к выводу, что все недоразумения и споры в Шиних-Айрумском районе происходят, главным образом из-за того, что границы, установленные комиссией ЗакЦИК от 28 апреля 1923 года, не были закреплены в натуре. Вместе с тем, Комиссия в докладной записке отмечала, что, так как по протоколу 28 апреля 1923 года в Шиних-Айрумском районе участок территории Азербайджана внедряется в территорию Армении и наоборот, то Армения предлагает означенный участок, площадью 4000 десятин, предоставить ей, взамен чего она соглашается дать равновеликий как по площади, так и по населенности участок Башкендского общества, внедряющийся в Азербайджан. По мнению комиссии, в случае осуществления этого предложения армянской стороны, будет достигнуто возможное упорядочение административного управления. Однако, в той же докладной записке была помещена такая оговорка: «Тюркское население Шиних-Айрумского района и армянское население Башкендского района настойчиво отказываются перейти в соседнюю республику, как-то усматривается из прилагаемых заявлений» (116б, 91).

Надо сказать, что результаты работы данной комиссии стали объектом обсуждения на заседании Земельной Комиссии АССР. Во время своего выступле-

ния на заседании Земельной комиссии 30 ноября 1925 года Д.Буният-Заде сказал: «Я сам прочитал протокол комиссии, где около 4000 десятин леса действительно входит немного в Армению и столько же в Азербайджан. Тот лес, который от Азербайджана идет внутрь Армении, населяют мусульмане. В этом районе лес очень хороший, а в другом районе, где живут армяне, и где лес входит внутрь Азербайджана леса там плохие. Комиссия привезла с собой готовый проект о том, чтобы лучший район присоединить к Армении, а плохой район присоединить к Азербайджану, и этим создать для нас и для армян скандал, потому, что при опросе армянского населения – желают ли они соединиться с Азербайджаном, они ответили, что не хотят. То же самое и тюрки не желают соединиться с Арменией. Тут кому то нужно было создать провокацию, создать условия, чтобы потом эти национальности враждовали между собой. Я думаю и для Армении и для Азербайджана это не нужно. А что маленькие куски входят в Азербайджан и в Армению – это ничего не значит. Пусть так и останется, но эта комиссия, которую возглавлял Онанов, которого многие товарищи называют дашнаком, и по моему тут нечего скрывать, я думаю, имела исключительно провокационную цель, желая создать какой-то скандал между армянами и мусульманами» (116а, 71-72). Резко отрицательную позицию в отношении работы комиссии Онанова высказал на том же заседании Мухтар Гаджиев: «Гов. Онанов, который ЗакЦИК командирован в Дилиджан для выяснения спора, он в Аксибаринском ущелье обследовал 17 селений и говорил: то что вклинивается в пределы Армении – нужно передать в распоряжение Армении. Выходит так, что как будто Азербайджан

сирота и необходимо над ним назначить опекуна, которым может быть только Советская Армения. Если мы леса дадим Армении, то эти леса будут уничтожены и Азербайджан останется без воды. Они основываются на том, что у Армении 7%, а у нас 12% леса и поэтому нужно дать Армении. Они говорят, лучше бы вашу азербайджанскую нефть бросить в Армению, чтобы и там была нефть» (116а, 75-76).

Несмотря на эти негативные факты в работе земельной комиссии, изложенные азербайджанской стороной, на заседании земельной Комиссия ЗакЦИК 11 января 1927 под председательством С.Касьяна между народными комиссарами земледелия Армянской ССР А.Ерзиканом и Азербайджанской ССР Д.Буният-Заде была достигнуто соглашение, которое отражало предложения правительства Армении, предложенные комиссии по обследованию Шиних-Айрумского района Газахского уезда в сентябре 1925 года. Данное соглашение было утверждено постановлением Закавказского ЦИК от 18 февраля 1929 года. Согласно ему, Дилиджанскому уезду Армянской ССР был передан участок, площадью в 4000 десятин Шиних-Айрумского района Газахского уезда АССР. В качестве «компенсации» АССР передавалась армянское селение Башкенд (3485 десятин) (116б, 134об.), но с условием, что за счет южной части площади Шиних-Айрумского района АССР для селения Башкенд будет выделена полоса земли (летних пастбищ), которая территориально должна была связать это селение с Дилиджанским уездом Армянской ССР. Таким образом, армянскому населению селения Башкенд предоставлялся коридор, который вновь должен был их соединить с Армянской ССР. Одновременно, в постановлении указывалась не-

обходимость дополнительно обеспечить жителей селения Башкенд за счет земель Шиних-Айрумского района Газахского уезда Азербайджанской ССР (116б, 97).

Кроме этого, спорным был также вопрос о трех селениях Газахского уезда Софлу, Бархударлу и Верхнее Аскибара с общей площадью 3104 десятин, с числом 577 душ, оказавшихся внутри Дилиджанского уезда (116б, 134об.). Эти селения, которые входили в административные границы Газахского уезда АССР (Гянджинский округ), оказались отделенными от него чересполосицей. На заседании местной комиссии ЗакЦИК от 19-20 июля 1929 года было принято решение, что единственно возможной и целесообразной формой ликвидации чересполосности считать передачу всех трех селений Дилиджанскому уезду Армянской ССР (116б, 138). Этим же постановлением селение Хейрумлы Газахского уезда ввиду малочисленности его населения (26 дворов) по сравнению с селением Кунен-Хейрумлы (100 дворов) Дилиджанского уезда было объединено с последним и передано в управление Дилиджанского уезда Армянской ССР (116б, 137).

В целом, как видно из доклада Земельной Комиссии от 1928 года о пограничных спорах Азербайджанской ССР с соседними республиками Закавказья, из общей площади яйлагов бывшего Газахского уезда Азербайджанской ССР к Армянской ССР отошло 75904 десятин удобной земли и 79208 десятин неудобной земли. Таким образом, население Газахского уезда лишилось 50% площади яйлагов (116б, 89).

Оккупация и присоединение западной части Зангезура к Армянской ССР в июле 1921 года, административные изменения, происходившие в Карабахе с

целью определения границ искусственной армянской автономии в Нагорном Карабахе, обострили ситуацию с определением границ между Зангезурским уездом Армянской ССР и отдельными уездами Карабаха Азербайджанской ССР. Как показывает анализ архивных материалов, эти территориальные споры разрешались явно не в пользу Азербайджана. Так, согласно докладу заведующего земотдела Шушинского уезда Рогозина от 26 июля 1923 г., в ходе разрешения пограничного спора между кочевниками Зангезурского и Шушинского уездов, 20 летних участков были переданы Зангезурскому уезду для того, чтобы не дошло до вооруженной схватки. Как отмечалось в докладе: «Этот случай был более чем ненормальным, так как благодаря неулаживанию пограничного вопроса, темные элементы ловят рыбу в мутной воде и подстрекают население, чем вызывают национальную вражду между армянами и мусульманами» (170, 2).

На заседании ЦК АКП(б) 25 декабря 1924 г. был заслушан доклад М.Б.Касумова о пограничных спорах между Губадлинским уездом АССР и Зангезурским уездом ССРА. Докладчик довел до сведения присутствующих жалобы крестьян 13 мусульманских селений: Шахвердияр, Агбулаг, Ширнух, Шамсус, Курткалах, Фариджан, Алмалух, Зар, Тахьян, Гойян, Гаджикурбанлы, Фиридунбейли, Актбу, недовольных проведенной комиссией ЗакЦИК границей между уездами, в результате чего их селения оказались в составе Зангезурского уезда Армянской ССР. Однако, постановлением Президиума ЦК АКП(б) требование крестьян было отклонено и решено провести в жизнь постановление ЗакЦИК (156, 131).

Летние пастбища Алагель или Алагелляр распо-

ложенные вокруг озера Алагель, площадью около 12 тысяч десятин, на границе Губадлинского уезда АССР с Даралагезским и Ново-Баязетским уездами ССРА, также были объектами притязания Армянской ССР, которая в 1923 году подняла вопрос о включении их в состав Ново-Баязетского уезда. Так, ЦИК ССР Армении в своей телеграмме от 23 июня 1926 года Председателю АзЦИКа утверждал, что ещё в 1921 году пастбищный участок Алагелляр, площадью 13170 десятин, был отнесен Даралагезскому уезду. В ответ секретариат Президиума АзЦИКа 5 июля 1926 года просил секретариат АрмЦИК сообщить, когда состоялось постановление ЗакЦИК об отнесении пастбищ участка Алагелляр к Даралагезскому уезду, на которое делается ссылка армянской стороной в телеграмме от 23 июня 1926 года. Подобный запрос был повторен секретариатом АзЦИК 25 декабря 1926 года, однако никаких ответов со стороны секретариата АрмЦИК не последовало. В то же время, председателем Земкомиссии ЗакЦИК 9 октября 1926 года был направлен запрос Наркомзему АССР с просьбой сообщить, какие сельские общества республики пользовались участками Алагель. В ответ Наркомзем АССР, не сносившийся непосредственно с Земкомиссией ЗакЦИКа, в своей телеграмме от 18 декабря 1926 года сообщил просимые Земкомиссией сведения АзЦИКу. Согласно этим сведениям, участок Алагель в 1925-1926 гг., как и ранее, находился в пользовании кочевников общества селения Кабирли Агдамского уезда АССР (116б, 86об.). Наконец, постановлением Закавказского ЦИК от 18 февраля 1929 года всю спорную территорию участка летних пастбищ Алагелляр было решено оставить Губадлинскому уезду АССР (116б, 97об.).

По границе Губадлинского уезда АССР и Зангезурского уезда ССРА возникли споры по 9 участкам Дыгского района, площадью 1062, 25 десятин. Единоголосным постановлением Малого Президиума ЗакЦИК от 7 ноября 1928 года из состава спорных участков Зангезурскому уезду отошло 361,3 десятин, а к Губадлинскому уезду 703,96 десятин земли (116б, 88об.).

Постановлением Закавказского ЦИК от 18 февраля 1929 года селения Ньюведи, Ейнадзор и Тугут Джебраильского уезда АССР были переданы в административное управление Мегринскому уезду ССР Армении. Тем же постановлением попытки властей Зангезурского уезда ССР Армении о передаче им 21 селений с тюркским населением Джебраильского уезда были отклонены и эти селения были оставлены в составе Азербайджана (116б, 98об.).

Хотя, Армянская ССР официально признала по Карсскому договору автономию Нахчывана в составе Азербайджанской ССР, однако не отказалась от намерений присоединить его к себе в будущем. Чуть позже Армения добилась отделения и присоединения к своей территории части земель Нахчыванской АССР. Согласно Карсскому договору, общая площадь Нахчыванской АССР составила 5988 км² (5, т. 2, 250). Однако, в телеграмме за №7480 от 29 декабря 1923 года Наркомземом Азербайджанской ССР перед Советом Народных Комиссаров Азербайджанской ССР был возбужден вопрос о границах между Арменией и Нахкраем, которые были утверждены Карским договором между Закавказскими Републиками и правительством Турции. В телеграмме отмечалось, что селения Гурдгулаг, Горадиз, Хачик, Агбин, Агхач, Алмалы, Дагалмалы, Итгыран, Султанбей и прилегающие к ним

пастбища вплоть до водораздельного хребта и селение Горчеван Нахчыванской ССР «заняты по настоящее время Арменией». В 1926 году ЗакЦИК запросил АзЦИК: «Были ли ранее и путем какого соглашения установлены административно-хозяйственные границы между республиками Армения и Нахкрая». На запрос по этому поводу АзЦИК 4 декабря 1926 года и Наркомзем АССР 29 декабря 1926 года сообщили, что границы между названными республиками установлены Карсским договором. На своем заседании 12 марта 1927 года АзЦИК постановил «просить распоряжения ЗакЦИК об установлении твердой границы между ССР Армении и НахССР, согласно 5 пункту и примечания III договора между АССР, ССРА и ССРГ и Турцией» (116б, 87). Однако, постановлением Закавказского ЦИК от 18 февраля 1929 года, без каких – либо оснований, участия и согласия со стороны Турции, как гаранта статуса Нахчывана, его границы были изменены и указанные выше 9 селений, а также село Горчеван Ордубадского уезда и часть земель села Килид были переданы Армянской ССР (116б, 99). Решением Закавказского ЦИКа от 5 марта 1938 года часть земель вокруг селений Садарак и Карки Шарурского уезда также перешли Советской Армении (30, 315). Общая площадь переданных селений составила 658,4 км². В результате, по данным на 1 января 1933 года общая площадь территории Нахчыванской АССР составила 5329,6 км² (260а, 9). Все эти шаги являлись грубым нарушением условий Московского и Карсского договоров о статусе и границах Нахчыванской АССР.

Таким образом, административно-территориальные изменения, которые произошли в границах между Азербайджанской ССР и Армянской ССР уже после

их вхождения в состав ЗСФСР не учитывали исторически сложившие политические границы и условия экономической жизни населения Азербайджана, а в очередной раз были направлены на то, чтобы за счет расчленения азербайджанских земель расширить границы Армянской ССР.

ГЛАВА III.

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И ЭКОНОМИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ ПЛАНАХ АРМЯН (20-е годы XX века)

3.1. Армянское засилье в партийно- государственных структурах власти Азербайджанской ССР.

После оккупации Северного Азербайджана Советской Россией в апреле 1920 г. и установления здесь Советской власти на высших ступенях партийно-государственной власти Азербайджанской ССР было сильное засилье армянских коммунистов. Подобное положение объяснялось рядом причин. Во-первых, накануне апрельских событий армяне являлись самым крупным по численности национальным меньшинством Северного Азербайджана (4, т. 1, 15). Во-вторых, выступая в качестве активной части участников дореволюционного социалистического движения и борьбы за установление и утверждение Советской власти в Северном Азербайджане, армяне сумели занять и впоследствии многие годы владели ведущими позициями в партийно-государственных структурах власти в Азербайджанской ССР. В-третьих, определенная часть

высших должностей в Азербайджанской ССР комплектовалась непосредственно из Москвы и замещалась коммунистами некоренной национальности (209а, 110-111). В-четвертых, фактическое установление русского языка государственным языком в Советском Азербайджане явилось благодатной почвой для продвижения коммунистов-армян на различных уровнях государственной власти.

Перекраситься из дашнаков в большевиков для армянских националистов не составляло труда, ведь они только и занимались тем, что меняли свои личности. Об этом ещё в феврале 1919 г. пророчески писал Н.Нариманов: «Дашнаки в течение своей тридцатилетней политической жизни показали всем, что ради осуществления своей мечты о Великой Армении они готовы принять любую окраску и надеть любую маску. Если сейчас на Кавказе будет установлен советский строй, то дашнаки моментально переменят свою маску и, сделавшись на этот раз коммунистами, опять станут во главе Азербайджана» (247, т. 2, 194-195). Об этом говорил также известный коммунист Ломинадзе, во время обсуждения национального вопроса на II Съезде АКП(б) (16-23 октября 1920 года): «У нас есть десяток, несколько десятков товарищей, которые говорят: ... «поскреби армянина, под ним дашнак сидит» (21, т. 5, кн. 1, 264). А вот высказывания бывшего главы дашнакского правительства О.Качазнуни: «Я не знаю армян-большевиков, но в тайниках сердца храню упорную веру, что и они – армяне и в такой мере ... что коммунизм не помешает им чувствовать и мыслить по-армянски. Армяне-большевики суть дашнакцаканы, единственные дашнакцаканы сегодня, больше дашнакцаканы, чем я и ты» (218, 74). Видимо, это прекрас-

но понимали и большевики, с которыми дашнаки не раз стояли на одной стороне баррикад, как это было в марте 1918 г. в Баку, когда была устроена резня азербайджанцев большевистско-дашнакскими отрядами. Не забыл об этом упомянуть и Качазнун: «Дашнакцупюн имел довольно тесную связь с большевиками. При нашем содействии в Баку большевики разгромили «Мусават» (218, 21). Поэтому Нариманов с первых дней своей работы в Азербайджанской ССР отмечал необходимость воздержаться от назначения армян на ответственные посты, чтобы не повторялись события 1918 года (248, 57).

После апрельской оккупации высшими органами власти в Азербайджанской ССР формально считались Азревком и Совнарком, состав которых состоял исключительно из азербайджанских коммунистов во главе с Н.Наримановым. Однако, Азревком Советского Азербайджана, как и Совнарком, были лишь придаточными механизмами в системе советской власти и, по существу, не решали, а только «проводили волю» и исполняли приказы ЦК АКП(б). Решения же принимались совсем в другой инстанции – Политбюро ЦК АКП(б), где был иной национальный состав. Политбюро Центрального Комитета АКП(б) определяло все основные направления политики и утверждало их решениями Азербайджанского Ревкома. Решающая роль Центрального Комитета в значительной степени определялась концентрацией в его руках решения кадровых вопросов. Надо сказать, что Азербайджанская Коммунистическая партия (большевиков), в свою очередь, являлась неотъемлемой частью Российской Коммунистической партии, отличаясь от неё лишь по названию. АКП(б) организационно была слита с

РКП(б) и полностью принимала и проводила в жизнь её программу, тактику и все решения её руководящих органов (224, 33). Важнейшей задачей, поставленной перед АКП(б), была борьба против национального специфизма с целью подготовки психологии масс к полному слиянию в единое социалистическое общество (224, 35). Поэтому, центральное место среди идеологических и политических факторов, определявших место азербайджанских коммунистов в партийно-государственной иерархии, занимала их позиция по национальному вопросу. В подходе к этой проблеме имелись две, несколько отличающиеся друг от друга линии. Одна группа коммунистов во главе с Н.Наримановым считала, что республике должны быть предоставлены относительно широкие права, при осуществлении преобразований должны быть учтены местные условия, национальные обычаи и традиции, языковые и религиозные особенности, руководство республикой должны осуществлять, хотя и коммунисты, но представители коренной национальности. Однако, с первых дней существования новой власти Н.Нариманов и его сторонники оказались в меньшинстве в руководящих органах Азербайджанской Коммунистической партии. Основная часть действовавших в Азербайджане коммунистов признание национально-го характера республики рассматривала как временную политическую уступку. Выразителями взглядов этой группы являлись, главным образом, коммунисты некоренной национальности, среди которых выделялись армяне. Именно они с первых дней выступали ревностными поборниками антинационального курса.

На 1 февраля 1921 г. Коммунистическая партия

Азербайджанской ССР насчитывала 14476 человек (здесь и далее дается общее число членов и кандидатов в партию – *И.Н.*). Из них 49% азербайджанцев, 31,6% русских, 12,4% армян и 7% прочих. Уже на 1 января 1930 года численность армян в партии возросла до 18,3%, в то время, как число азербайджанцев снизилось до 39,3% (225, 44). Как показывает анализ архивных документов о национальном составе партийных организаций отдельных районов Азербайджанской ССР (кроме Баку – *И.Н.*), высокая доля армян наблюдается именно в тех местах, где население было многонациональным. Так, в партийной организации Нагорно-Карабахской Автономной Области на 1 апреля 1924 г. было 405 армян (94,2%) и лишь 17 азербайджанцев (4%), в Гянджинской парторганизации армяне составляли 27,6%, в Нахчыванской 14% партийцев (145, 22). Согласно статистическим данным о национальном составе секретарей обкомов, горкомов, укомов и горрайкомов коммунистических организаций Закавказья по отдельным республикам на 1 июня 1923 года, если в Азербайджане сами азербайджанцы составляли в этих органах менее 50% (44,4%), то в Армении во всех органах были одни армяне (100%). Из 2636 армян – членов уездисполкомов, учисполкомов и сельсоветов Советского Азербайджана (за исключением Баку и Бакинского уезда) на 1 апреля 1924 г. 1669 или 60% приходилось на Автономную Область Нагорного Карабаха (145, 22).

С апреля по октябрь 1920 г. секретарями ЦК АКП(б) были поочередно Виктор Нанейшвили, Елена Стасова, Ладо Думбадзе. 24 октября 1920 г. на пленуме ЦК, после II съезда АКП(б), секретарем был избран Г.Каминский, откомандированный ЦК РКП(б) в Баку

из Тулы. Наконец, 22 августа 1921 г. ЦК РКП(б) утвердил постановление Кавказского бюро РКП(б) об отзыве Г.Каминского и в Азербайджан был командирован на пост секретаря ЦК С.Киров (267, 76). Подобное положение не существовало ни в партийной организации Грузии, ни тем более, Армении. В этой связи небезынтересно содержание докладной записки председателя Совета Народного Хозяйства АССР Н.Соловьева В.Ленину. Оценивая положительно тот факт, что ревком Азербайджана состоял из азербайджанцев, он вместе с тем отмечал, что «ни для кого не было секретом, что над ревкомом стоит ЦК АзКП, в котором руководящая роль принадлежит грузино-армянской группе. Является например, молодой человек с мандатом за подписью тов. Аванесова и «берет за жабры» председателя Азревкома Нариманова ... Впечатление скандальное» (193). И.Сталин, после ознакомления с докладом Н.Соловьева, возвращая его В.Ленину 17 сентября 1920 года, дал следующую ей характеристику: «По-моему, в общем правильно» (6, т. 6, 50). Интересно, что об армянском засилье в Азербайджане говорил также на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года член ЦК РКП(б) К.Радек (262, т. 5, 280).

Под флагом коммунизма армяно-грузинско-русская прослойка руководства партии с первых дней своей власти развернула в Азербайджанской ССР репрессии, реквизиции не только среди так называемых классовых врагов, но и крестьянства, глумясь над обычаями, бытовыми традициями азербайджанцев. Эта руководящая группа решила обезглавить азербайджанскую нацию путем массовых расстрелов и арестов её лучших представителей.

После марта 1918 года против азербайджанского

народа стала проводиться новая политика геноцида. Разница была лишь в том, что теперь она носила целенаправленный характер против цвета азербайджанской нации – видных деятелей АДР, военачальников, интеллигенции (25, 73). В период 1920-1921 гг. жертвами армянского террора стали видные деятели правительства Азербайджанской Демократической Республики: Ф.Хойский, Г.Агаев, убитые в Тифлисе, Б.Джеваншир, павший от рук армянского террориста в Стамбуле (191, 12-13). Основными организациями, осуществлявшими террор в Азербайджане, были Чрезвычайная комиссия, Ревтрибунал и Особый отдел Красной Армии. Только за период с 28 апреля 1920 года по август 1921 года было репрессировано 48 тысяч человек – военных, видных государственных деятелей, представителей национальной интеллигенции (18, 32). Вот как описывал данную трагедию Н.Соловьев: «Интеллигенция и буржуазия арестовывалась и расстреливалась почти исключительно мусульманская. Проводимые по улицам толпы мусульман вызывали злорадство армян. В 1918 году при большевиках мусульмане были перерезаны армянами. Получилось впечатление, что теперь очередь опять за мусульманами» (193).

Другим ярким подтверждением трагической ситуации, сложившейся в Северном Азербайджане после апрельских событий 1920 года, является телеграмма из Тифлиса бывшего заместителя парламента АДР Гасан бек Агаева Энверу паше от 13 июня 1920 года: «6-7 мусульман – большевиков, назначенные в первые дни комиссарами, взяты большевиками под надзор и не могут исполнять службу и давать какие бы то ни было распоряжения без разрешения прикомандированных

к ним русских и армянских военных. Азербайджанцы, увидевшие во главе армии вместо Энвер паши Микояна, пришли в ужас. В настоящее время фактическое управление страной находится в руках русских и армян. Азербайджанцы, видящие это положение, невольно вспоминают печальной памяти мартовские дни 1918 г. Русские и армяне, соединившись и увеличивши свои силы, губят Азербайджан. Нет никакого сомнения в том, что Советское правительство с целью завладения бакинской нефтью хочет расчленить Азербайджан, раздав его по кускам армянам, грузинам и др. Это – старая русская политика, продолжаемая большевиками» (8).

О трагическом положении в Азербайджанской ССР был информирован также М.К.Ататюрк. Так, в докладе, адресованном ему членом комиссии ВНСТ по исследованию Советской России Исмаил Субхи Сойсаллы бея отмечалось: «Независимый на словах, а на деле подчиненный ЦК РКП Азербайджан разрушен и ограблен советским строем. Национальной границы совершенно не существует. С самого начала власть оказалась в руках армян. Насилия над мусульманскими интеллигентами не прекращаются. Истребление всех сил страны является плодом слишком умной, слишком расчетливой тактики. Это политика истребления ведется не русскими искренними коммунистами, а подкрашивающимися под коммунистов армянами и другими различных национальностей. Чрезвычайная комиссия не подлежит никакому контролю, такие люди как Саркис, Панкратов и Скочков определенно настроены против мусульман. Административный аппарат Азербайджана русский, армянский, грузинский, но не мусульманский» (97, 17). Таким обра-

зом, Нариманов был прав, когда в 1923 году в своем письме в ЦК РКП(б) писал, что Сталин и Орджоникидзе, не доверяя азербайджанским коммунистам, судьбу Азербайджана поручали армянам-дашнакам (248, 112).

В подавлении антибольшевистских выступлений частей бывшей национальной армии в Гяндже и Карабахе в мае-июне 1920 г. активное участие принимали как армянские части XI Красной Армии, так и местные армяне (129, 14, 32; 192). Касаясь трагических событий в Гяндже Гасан-бек Агаев в телеграмме Энверу паше писал: «Цветущий город Гянджа превращен в кладбище. Большевистская проблема здесь приняла характер армяно-мусульманской вражды. Армяне мстят, убивают мусульман русскими руками. Печальные мартовские события 1918 года на сей раз повторились не в Баку, а в Гяндже» (8).

Чтобы понять причины масштаба данной трагедии достаточно отметить, что большинство сотрудников карательных органов в Азербайджанской ССР являлись представители иных национальностей, а именно русские и армяне. По данным на 1 апреля 1923 г. в Азербайджанской Чрезвычайной Комиссии 49% сотрудников составляли русские, 22% армяне и только 15% азербайджанцев. В наркомате внутренних дел картина та же: 54% русские, 11% армяне и лишь 18% азербайджанцы (160, 27-31). В середине февраля 1921 года в телеграмме В.Ленину Н.Нариманов писал: «Местные ответственные работники терроризованы агентами ЧК и Особого отдела. Везде и всюду этим органам мерещатся националисты, не замечая того, что первыми грубыми националистами являются агенты этих же органов и другие работники, посланные из

центра. Эти работники, чтобы обратить на себя внимание центра, сообщают небывлицы и этим создают отвратительную атмосферу» (239).

Особенно сильными были позиции армянских коммунистов в Баку. Армяне понимали, что Баку является не только столицей Азербайджанской ССР, но и центром во всех отношениях – экономическом, промышленном, культурном, идеологическом. Чтобы укрепить свои позиции в Советском Азербайджане, армяне должны были исподволь захватить, прежде всего, власть в Баку. Реализацию их планов облегчал многонациональный состав города. Хотя Баку являлся столицей Азербайджанской ССР, но статистика показывала, что азербайджанцы составляли здесь лишь треть населения города. По данным переписи 1920 года в Баку и в его промышленно-заводских районах азербайджанцы составляли 31,35%, русские 28,25%, армяне 15,16% населения (107, 42). Кроме того, бакинский пролетариат лишь на 10-11% состоял из тюрков, а 89% были представителями других национальностей (266, 4). Владея русским языком, армяне имели больше шансов попасть в высшие эшелоны власти в многонациональном Баку. По данному критерию уровень грамотности среди тюрков составлял 8,5%, а среди армян 33,2% (233, 161).

Бакинская партийная организация по своему, преимущественно неазербайджанскому, включая её руководящие органы, составу внушала Центру больше доверия, нежели ЦК Компартии Азербайджана с преимущественно азербайджанским руководящим кадровым составом. В начале 20-х годов Москва рассматривала именно бакинскую парторганизацию, как свою опору в Азербайджане, отводя ЦК Компартии Азер-

байджана роль руководящего органа за пределами Баку. Этим же можно объяснить, что и функции первого лица в ЦК и БК Компартии Азербайджана, вплоть до 1933 года замещались неазербайджанцами, причем, чаще всего, специально командированными для этой цели из Москвы (209а, 82). Наиболее точную оценку роли Бакинского Комитета АКП(б) дал в 1924 году секретарь Закавказского Краевого Комитета РКП(б) А.Мясников: «Богатая традициями воинствующего большевизма и жестокими уроками суровой практики, Бакинская организация закалилась как один из лучших отрядов РКП» (237, 661).

Бакинский комитет АКП(б) распределял работников, имел внушительную рабочую конференцию, имел огромное влияние на ход работы ЦК, который всегда получал работников из БК. Так, секретарем БК АКП(б) ещё до установления советской власти в Северном Азербайджане, был назначен А.Микоян. В 1920 г., когда был решен вопрос о захвате большевиками Южного Кавказа, в первую очередь, Северного Азербайджана, именно Микоян явился автором плана интервенции и, постоянно находясь при XI Красной Армии, поддерживал тесную связь с большевистской «пятой колонной» в Баку (242, ч. 2, 239). За способность выходить целым и невредимым из всех исторических водоворотов Анастаса Микояна нарекли политическим оборотнем. По запутанности и противоречивости «героического» прошлого с Микояном, пожалуй не сравнится ни один советский лидер. Начавший свою карьеру в банде кровавого палача Андроника, Микоян не скрывал данный факт своей биографии, также как и своё участие в геноциде азербайджанцев в Баку в марте 1918 г. В своих мемуарах Микоян пишет:

«Записавшись добровольцем, я с группой учащихся семинарии в один из ноябрьских дней 1914 г. сел в воинский эшелон на станции Навтлуг и благополучно добрался до пограничного города Джульфа. Там, в течение одной недели прошли небольшую подготовку, после чего нас отправили на фронт для пополнения дружины Андроника» (234а). Дашнакский период деятельности Микояна продолжился в Баку. В архиве сохранились материалы о его участии в собрании армян-студентов в Баку 24 декабря 1917 года в гимназии Туговой, на котором молодые дашнаки постановили ввести обязательную воинскую повинность среди армян-студентов. В ранге комиссара 3-й дашнакской бригады под командованием другого армянского палача-Амазаспа, Микоян принимал активное участие в геноциде азербайджанцев в 1918 году. Сохранилось донесение Микояна из штаба Амазаспа в Баку С.Шаумяну: «Мусульманское население занятых местностей, оставив все, удалилось. В долинах Шемахи и Геокчая хлеб созрел и нет уборщиков». А вот строки из другого документа, предельно ясно раскрывающего дашнакское прошлое Микояна: «Наши славные армянские полки под командованием народных героев Андроника и Дро наголову разбили турецкие войска, где наши львы в бою храбро соревнуются между собой» (70). Касаясь непосредственно событий марта 1918 года в Баку, Микоян пишет: «Еще за неделю до этого восстания я прекратил свою агитационную работу, перестал посещать рабочие собрания и целиком переключился на дела вооружения и создания боевых отрядов ... Военные действия однозначно носили гражданский характер. Поэтому мы с энтузиазмом продолжали сражаться. Мы просто целились в головы и

стреляли» (234а). Микоян руководил наступлением большевистско-дашнакских сил в Ичеришехере (61а, 30). В опубликованной 12 апреля 1918 года в «Известиях Бакинского Совета» статье под названием «Одержанная победа и очередные задачи», Микоян дает следующую оценку результатам мартовских событий 1918 года: «Одним мощным, неожиданным для врагов ударом Бакинский Совет раздавил голову восставшей помещичье-буржуазной контрреволюции. Славная победа рабочего правительства на улицах гор.Баку над угнетателями народа, обманывавшими большинство темных мусульманских масс, ошеломила и явных, и тайных («нейтральных») врагов и заставила их всех беспрекословно признать силу и власть Советов и «отдать все свои силы» в распоряжение его для борьбы против контрреволюции». С цинизмом, прямо пропорциональным масштабу жертв среди азербайджанского населения, Микоян предлагал: «Необходимо сказать мусульманской бедноте, дать ей понять, что борясь против контрреволюционных повстанцев, мы боролись за кровные интересы самой мусульманской бедноты, как и всего рабочего класса. Нужно показать ей, что власть Совета это её власть, единственно последовательная и верная защитница её интересов» (236, 28). Однако, выступая в 1923 году на V съезде АКП(б), Микоян вынужден был признать, что на самом деле мартовские события привели к «ещё большему отчуждению мусульманских трудовых масс от Советской власти» (61а, 49). Об этих кровавых страницах биографии Микояна позже в середине 20-х годов напомнит ему Л.Троцкий: «Вот у вас в ЦК сидят люди, вроде Микояна, который был дашнаком в 1917 году» (256б, 87). На дашнакское прошлое Микояна укажет

Н.Нариманов в телеграмме Сталину в декабре 1923 года (248, 48), а также армянский коммунист Тер-Ваганян, который на одном из заседаний XVII Общебакинской партийной конференции в 1927 году скажет: «Тов. Микоян, – во мне здесь говорит больше историк, чем политический противник, – в 1915 г. был членом добровольческого отряда члена ЦК дашнакской партии Джамаляна. В феврале 1915 г. в Центральном органе дашнаков «Оризоне», был отпечатан портрет Микояна в маузериской форме и во главе с маузеристами. Это можно доказать документально» (256б, 105). Позже перекрасившийся в большевика, Микоян, чудом избежав гибели вместе с бакинскими комиссарами, заслужил одобрение Москвы своим рвением и «большевистской принципиальностью». После отбытия Микояна в Москву, пост секретаря Бакинского Комитета передавался армянами «по наследству».

Н.Нариманов писал: «Интересно, что после Микояна секретарем БК во что бы то ни стало хочет быть Саркис, который, добившись своего, продолжает линию Микояна» (248, 49). 5-6 мая 1920 года прошла Общебакинская партийная конференция, которая фактически явилась первой конференцией АКП(б). Был избран Бакинский Комитет АКП(б), а 8 мая избрано его политическое бюро, состоявшее в основном из коммунистов некоренной национальности во главе с Саркисом (3а, 4). Особенно активную роль играл Саркис в кадровых вопросах. В специальном решении Оргбюро ЦК АКП(б) 13 июля 1920 г. было подтверждено, «что использовать Саркиса следует исключительно на организационной работе». Здесь же было дано разъяснение, что работников ЦК, БК, райкомов без санкции ЦК и БК никуда назначать не разрешает-

ся (242, ч. 2, 294). Решением Президиума БК АКП(б) от 8 ноября 1920 года Саркису поручалось «составить проект и план перемещения работников» (ответработников – И.Н.) (242, ч. 2, 293). В материалах Президиума Бакинского Комитета АКП(б), относящихся к началу двадцатых годов, где на заседаниях утверждались наиболее ответственные, номенклатурные должности, непрерывно упоминались армянские фамилии. Вот несколько примеров: 8/II-1922 г. прот. №12 – т. Авакяна назначить зав. информационно-статистическим отделом орготдела БК; 6/I-1922 г. – тов. Зарафьяна послать на ответственную работу в Баиловский район; 8/XI-1920 г. – заменить секретаря агитотдела т. Когана т. Тарахчяном; 10/VIII-1921 г., прот. №47 – т. Авакяна направить на работу в Центрорабкооп; там же: т. Тагияна направить в Зыхский район на ответственную работу; 21/III-1922 г., прот. №27 – снять Фрадкина и назначить Абрамяна директором кожзавода №4; 27/VI-1922г., прот. №55 – т. Каспарова назначить зав. ОНО Азнефти, одновременно оставив его на должности зав. агитотделом БК; 9/XI-1922г., прот. №27 – т. Ерицяна откомандировать в БОНО на место Агафонова; 12/XII-1922 г. прот. №14 – секретарем Баилово-Бибиэйбатского райкома оставить т. Ишханова; 9/XI-1921 г., прот. №72 – откомандировать т. Авакяна в распоряжение ЦК; 27/VII-1920 г. т. Петросяна направить в распоряжение Наркомвоенмора; 30/X-1920 г. – т. Алиханяна в связи с постановлением Оргбюро о назначении его заместителем зав. агитотдела ЦК АКП, направить в распоряжение агитотдела, не снимая с бакинской работы; 3/I-1922 г., прот. №1 – т. Боряна послать для ответственной партийной работы в Балаханно-Сабунчинский район и т.д. (242, ч. 2, 293).

В то же время, рабочие-мусульмане не принимали участие в государственном строительстве, как русские и армянские рабочие (248, 33). На одном из заседаний бакинской партийной конференции после доклада Саркиса о деятельности БК против него открыто выступил представитель от рабочих-мусульман: «Тов. Саркис говорит неправду. БЕКА для рабочих-мусульман ничего не делает, несколько раз просили тов. Саркиса обратить внимание на наше положение, открыть школы, назначить знающих наш язык секретарей комитетов и т.д., но до сих ничего не сделано. Я заявляю, что БЕКА многих рабочих-мусульман, работавших в подполье выставило из партии без всякой причины» (248, 34). Как писал Н.Нариманов, «после советизации Азербайджана Саркис выбросил из партии подпольных работников-персов около 500 человек» (248, 73).

В этом была суть кадровой политики, которая проводилась Саркисом, а позже Мирзояном в бакинской партийной организации. Как пишет Н.Нариманов: «Никто так не развратил рабочих, как Саркис, подкуп рабочих у которого было обычное явление. В это время Армения очень нуждалась в коммунистах. Я предлагал ему ехать в Армению, но он отказывался. Отказывались от него и товарищи армяне-Армении» (248, 49-51). Между тем, фамилия Саркиса фигурировала среди 14 коммунистов-армян, кандидатуры которых рассматривались на заседании Политбюро ЦК АКП(б) 14 января 1921 г. для направления в Советскую Армению. Нариманов писал по этому поводу: «Саркиса было решено не посылать в связи с большой партийной работой, проводимой им внутри Азербайджана» (136,15). Вопрос об отзыве Саркиса был поставлен Наримановым и Каминским. В телеграмме секретарю

ЦК РКП(б) Н.Крестинскому Н.Нариманов писал: «Тов. Каминский едет на съезд (X съезд партии – И.Н.), где даст подробную информацию о партийной работе в Азербайджане. За истекший период тов. Каминский проделал большую работу, однако «наследники» Микояна опять мешают. Необходимо убрать отсюда Саркиса, ... который мутит воду. Прошу внимательно изучить заявление тов. Каминского. С коммунистическим приветом, Н.Нариманов». Кавказское бюро РКП(б) также приняло соответствующее решение о Саркисе. В марте 1921 года решением Оргбюро РКП(б) Саркис был отозван в распоряжение Петроградской партийной организации (7, 107-108).

Однако, решение об отзыве Саркиса стало причиной активного протеста со стороны «левых». На заседании Пленума БК АКП(б) 30 марта 1921 года по предложению С.Гутина, было принято решение выступить с ходатайством перед ЦК РКП(б) об оставлении Саркиса в распоряжение БК, как незаменимого работника. Исполнение данного решения было поручено Президиуму Бакинского Комитета АКП(б). В телеграмме Общебакинской партийной конференции от 14 июня 1921 года, направленной секретарю ЦК РКП(б) В.М.Молотову, отмечалось, что на основе телеграфного сообщения Сталина от 22 апреля 1921 г., Кавбюро приняло решение об отзыве Саркиса и выразилась просьба оставить его на должности секретаря Бакинского комитета. Как видно из телеграммы, решение конференции получило поддержку со стороны членов ЦК АКП(б) Р.Ахундова, Л.Мирзояна, М.Д.Гусейнова, Э.Ханбудагова и др. Таким образом, лишь благодаря протекции Сталина, Саркису удалось остаться на должности секретаря БК до середины ию-

ня 1921 года (7, 107-109). Нариманов писал по этому поводу: «Итак, Саркис под разными предложениями продолжал сидеть в Баку и устраивать собрания, на которых подвергались жёсткой критике постановления ЦК РКП(б) и лично Н.Нариманова. Наконец, члены РКП(б) категорически требуют его выезда. Саркис уезжает» (248, 52-53).

Позже, фамилия Саркиса вновь всплывет в связи с борьбой против внутрипартийной оппозиции на заседании XVII Общебакинской партийной конференции в 1927 году, где Л.Мирзоян обвинит его во фракционной работе: «С приездом т. Саркиса работа Бакинской группы оппозиционеров, особенно углубляется и расширяется. Он, используя все свои старые связи в Баку, начинает энергичную активную работу. У них была одна задача: бить партию, дискредитировать БК, ЦК, прежде всего ЦК ВКП. Вы знаете, т.т., что мы с т.Саркисом были большими друзьями, мы с ним когда-то строили Бакинскую организацию, но тем не менее мы голосовали за его исключение из партии, потому что мы считали, что всякого, кто обманывает доверие партии, всякого такого надо исключать, такому нет места в нашей партии» (256б, 41-42).

Когда в Армении в ноябре 1920 г. установилась Советская власть, вопрос о направлении туда Л.Мирзояна для организации партийной работы был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК АКП(б) 29 ноября 1920 г. Однако, в постановлении мы читаем: «считаясь с тем, что тов. Л.Мирзоян армянского языка не знает было решено оставить его в распоряжение ЦК АКП(б)» (127, 249). Таким образом, в дашнакских планах оставление Мирзояна в Баку имело первостепенное значение, а повод для этого, хотя и абсурдный,

нашелся быстро. Как пишет Нариманов: «Мирзоян выбирается до конференции исполняющим обязанности секретаря БК. Как видно из всего этого, БК уже переходит по наследству – Мирзояну. Видно, что здесь действуют по известному плану. Автором всего этого является Микоян...» (248, 52-53). Микоян говорил: «Мы окружим Нариманова так, чтобы он находился под нашим влиянием. Для того, чтобы это сделать, нужно было взять в свои руки БЕКА» (248, 56).

В январе 1922 года Л.Мирзоян избирается секретарем БК АКП(б), а в январе 1926 года секретарем ЦК АКП(б) (вместе с А.Караевым и Н.А.Агавердиевым – *И.Н.*), занимая этот пост до июля 1929 года (16а, 121). Обращаясь к политической биографии Л.Мирзояна в ней можно обнаружить не меньше темных страниц, чем в биографии того же Микояна. Вопрос о вступлении Мирзояна в партию имеет ряд противоречивых моментов. Так, в справке, предъявленной Мирзояном комиссии по чистке в партии 25 октября 1921 года, он указывает, что в феврале 1916 года присоединился к социал-демократам. Однако, уже через три года, 29 марта 1924 года в автобиографии он напишет: «В марте 1917 года вступил в РСДРП(б)». Новые подробности из биографии Мирзояна можно обнаружить из справки, направленной И.Анашкином 3 августа 1929 года в ЦК АКП(б) и Центральную Контрольную комиссию, т.е. уже после отстранения Мирзояна от должности секретаря ЦК АКП(б). В ней автор отмечает, что сам принимал Мирзояна в партию в 1917 году. Как пишет И.Анашкин, Мирзоян принимал активное участие в кровавых событиях марта 1918 года, а после свержения Бакинской Коммуны, в период Диктатуры «Центрокаспия» в Баку «поменял большевистскую маску на

эсеро-меньшевицкую». Далее И. Анашкин отмечал: «Когда, в 1919 году мы были в подполье, считали его наполовину меньшевиком и большевиком. Это могут подтвердить т. Микоян, Саркис, Гогоберидзе, Довлатов, Нанейшвили и др. В 1920 году и позже он был окружен меньшевиками» (16а, 119).

Внутренне содержание работы Мирзояна ни чем не отличалось от работы Саркиса. Нариманов писал: «Азербайджан, где Мирзояны беспрепятственно распоряжаются судьбой Азербайджана, дает богатейшую пищу для провокаций нашим врагам. На самом деле, есть ли в данный момент в Азербайджане партия? Я утверждаю, нет и не будет до тех пор, пока мирзояны не откажутся от своей гнусной политики, политики обезличивания Азербайджана» (174, 32; 248, 72). В начале 20-х годов Мирзоян возглавлял в партии, так называемую, группу «левых коммунистов», куда относились русские, армяне, грузины, которые были за немедленное слияние Азербайджана с Россией. Данная группировка развивала среди молодых коммунистов шпионство, систему доносов, интриги, воспитывая тем самым трусов, лгунов и продажных людей (178, 31). Нариманов по этому поводу писал: «Имея везде своих агентов и живя исключительно доносами, Мирзоян, превратил свои права, как руководителя профсоюзами, а позже секретаря БК, в орудие мести против тех, которые подвергали его критике» (248, 73-74). В середине 20-х годов член ЦК АКП(б) Г. Джабиев в письме Л. Мирзояну, обвинил его в фальсификации решений партии по национальному вопросу: «Вы держитесь у власти благодаря благоприятной обстановке, вы не учитываете ошибки 1918-1919 и 1920 г., вы ведете такую политику, которая в случае осложнения может

угрожать существованию Советской власти» (233, 216). В ответ Мирзоян писал: «Некоторые товарищи ошибаются, считая, что в 1918 году в Баку власть опиралась на дашнаков. Это ошибка. В действительности, Советская власть использовала дашнаков в своих целях» (21, т. 5, ч. 1, 261). Таким образом, Мирзоян, с одной стороны, фактически признавал традиционный союз дашнаков и большевиков, а с другой, что они несли прямую ответственность за геноцид азербайджанцев в марте 1918 года.

Давая в целом характеристику деятельности Бакинского Комитета АКП(б), Нариманов в письме Сталину в 1923 году писал: «Товарищи армяне и русские шовинисты-руководители Бакинской организации ведут преступную политику, пользуясь силами мусульман-работников» (248, 104). По мнению Нариманова, «сюда относились коммунисты-мусульмане, подобные А.Караеву, М.Гусейнову и Р.Ахундову, которые боялись больше за своё прошлое и поэтому старались показать себя верными коммунистами» (178, 33). «Другие ответственные работники-мусульмане», как считал Нариманов, «вроде председателя ЦИК С.Агамалыоглы и председателя Совнаркома АССР Г.Мусабекова, были выдвинуты на эти посты для того, чтобы молчали» (248, 67).

Интересно, что в завершении политической карьеры Мирзояна в руководстве Азербайджанской ССР немалую роль сыграли армянские коммунисты, подобные Артаку (А.Стамболцян) и Л.Шаумяну (сын С.Шаумяна), открыто гарцевавшие на протяжении 20-х годов XX века на партийных форумах. Первый в конце 20-х годов возглавлял партийную организацию Баиловского района, а второй был секретарем пар-

тийной ячейки Биби-Эйбатского района города Баку. 5 декабря 1928 года на страницах газеты «Бакинский рабочий» Артак выступил с критикой руководства БК АКП(б), обвиняя её в том, что она зажимает самокритику, нарушает внутрипартийную дисциплину. 10 декабря 1928 года Президиум партийной организации Биби-Эйбатского района по предложению Л.Шаумяна поддержала основные тезисы статьи Артака. Положение Мирзояна ещё более усугубилось после того, как Артак и его сторонники получили поддержку в лице секретаря Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) Е.Ярославского, который 13 января 1929 года выступил со специальной статьей в газете «Правда» (16а, 121-123). Данная статья, как и в целом «баиловское дело» стало объектом обсуждения на XVIII Бакинской партийной конференции АКП(б) в январе 1929 года. Большинство делегатов конференции поддержали линию БК во главе с Мирзояном, обвинив группу Артака-Шаумяна в разложении партийных рядов. Однако, как показали дальнейшие события, это была лишь временная победа Мирзояна. С марта по июль 1929 года в республике работала комиссия ЦК ВКП(б), которая изучала состояние азербайджанской партийной организации. 25 июля 1929 года ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление о состоянии Азербайджанской партийной организации, которая была признана неудовлетворительной, и поддержала решение ЦК АКП(б) от 1 июля 1929 года о смене его руководства (224, ч. 1, 501, 509).

Армянские коммунисты имели сильные позиции в Исполнительном Комитете Бакинского Совета. Как пишет М.Расулзаде: «Как-будто страной управляла Азербайджанская коммунистическая партия. На са-

мом деле это делал, состоявший в основном из врагов и христиан Бакинский совет. Подписывались Наримановы, Алигейдары, а правили всем Микояны, Чо-раевы и Соловьевы» (37, 53). По решению II съезда АКП(б), Бакинский Совет устанавливался высшим органом власти в Баку и его промышленных районах. Поэтому, все народные комиссариаты должны были отчитываться перед Исполкомом Баксовета (65, 505-506). Состав служащих Баксовета также состоял в основном из русских и армян. По данным на 1 апреля 1923 г. в Баксовете численность русских составляла 41%, армян 14,6%, а азербайджанцев 26,8% (160, 27-31). Поэтому, как пишет Нариманов: «В столице Азербайджана тюрки должны обращаться поневоле устно и письменно к служащим Баксовета на русском языке, т.к. русские, евреи и армяне не говорят на тюркском языке ... Я утверждаю, что когда была Городская Дума, такого угнетения тюркское население не испытывало ... разве все это неизвестно тт. Кирову, Мирзояну» (248, 92). К сожалению, некоторые азербайджанские коммунисты в руководстве АКП(б) занимали крайне ошибочную позицию по данному вопросу. Так, Алигейдар Караев, выступая на XIII Общебакинской партийной конференции в апреле 1924 года, следующим образом объяснял ситуацию, сложившуюся в Баксовете: «Товарищи, есть категория учреждений, где полная национализация учреждений может вредно отразиться на деле. Например, Баксовет. Должны ли мы его национализировать или нет? Конечно, нет. Ведь, в городе Баку всего 32% тюрков, а остальные 68% принадлежат к другим национальностям. Если мы хотим, чтобы делопроизводство Баксовета было понятным и для тюрков, и для русских, и для армян, и для евреев, и

для немцев, и для других национальностей, мы не можем там полностью провести национализацию» (266, 11-12). В своем выступлении Караев также затронул вопрос о знании тюркского языка в учреждениях: «Товарищи, у нас есть точные директивы т.Ленина. Эти директивы гласят: никакой привилегии ни одной нации и ни одному языку, ни малейшего притеснения и несправедливости в отношении национальных меньшинств. Мы не думаем монополизировать наши учреждения. Национализация в наших учреждениях для нас не самоцель, а лишь средство сблизить госаппарат с местным крестьянством, чтобы крестьянин понимал то, что учреждение ему пишет, чтобы с ним говорили на понятном ему языке. А будет ли делать это Иван, Магомет или Карапет – это для нас безразлично. Навязывать рабочему тюркский язык – это никуда не годится, это далеко от ленинизма и марксизма» (266, 15-16). Подобная ошибочная позиция некоторых азербайджанских коммунистов в решении вопроса коренизации государственного аппарата давала возможность коммунистам некоренной национальности занимать длительное время высокие посты в руководстве Азербайджанской ССР.

Прав был Нариманов, когда утверждал о существовании плана наследования определенных должностей в Азербайджанской ССР лишь армянскими коммунистами. Ярким примером этому являлись профсоюзы. В июне 1920 г. состоялась первая Общебакинская профсоюзная конференция, которая решила образовать единый республиканский профсоюзный орган – АСПС и его уездные отделения. Антиазербайджанское ядро Бакинской партийной организации добилось избрания председателем АСПС А.Микояна.

29 августа – 6 сентября 1920 г. в Баку состоялся республиканский съезд профсоюзов и на нем председателем был избран Л.Мирзоян (16, 37). В начале 20-х годов рабочий класс Баку был многонациональным. Данная особенность нашла своё отражение и в национальном составе профсоюзов, которые служили проводником политики партии среди рабочего класса. По состоянию на 1 января 1921 г., национальный состав профсоюзов Азербайджанской ССР был следующий: русские 42%, азербайджанцы 26,2%, армяне 18,1%, прочие нации 13,7%. Интересно, что по данным на 1 января 1924 г. азербайджанцы в профсоюзах Армении составляли лишь 1,5% (16, 87-90). Таким образом, в профсоюзах представители некоренной национальности также составляли значительное большинство, что являлось ярким показателем той политики, которая проводилась Мирзояном и его компанией среди рабочего класса. Мирзоян прекрасно понимал, что контроль над профсоюзами, прежде всего, обеспечит активное вмешательство в управление ведущей отраслью промышленности Азербайджана-нефтяной. Кроме этого, по данным на 1 апреля 1923 года, армяне по численности превосходили азербайджанцев в Наркомате здравоохранения (19% против 15%), Азвоенкомате (12% против 4%) (160, 27-31).

Вопрос о смычке рабочего класса с крестьянством был одним из основных элементов определявших социальный и национальный состав азербайджанской партийной организации. В то время, как основная часть азербайджанского населения было представлено крестьянством, а рабочий класс, в большинстве своем сосредоточенный в Баку, был представлен преимущественно русскими и армянами, соотношение этих со-

циальных групп в партии в 20-е годы был в пользу рабочих. Отношение Л.Мирзояна к крестьянству ярко выражено в его речи на II съезде Коммунистических организаций Закавказья, проходившем 19-23 марта 1923 года, где он, касаясь социального состава партии, отметил, что значительный приток в партию крестьян стал причиной роста здесь групповщины, сплетен, интриг и распрей (7, 129-130). По мнению Мирзояна, чем больше рабочих будет в партии, тем скорее будет установлена смычка с крестьянством. Поэтому он настаивал, чтобы 80% членов партии составляли рабочие (266, 30). Это, в свою очередь, было одной из основных причин того, что в партийной организации преобладали представители некоренного населения. Как следует из выступления Мирзояна на XIII Общебакинской партийной конференции в апреле 1924 года, из 12370 членов партийной организации тюрки составляли 3856 (32%), армяне 1863 (15%), русские 5620 (45%) и прочие 1031 (8,%) человек. Мирзоян, пытаясь оправдать данную ситуацию, говорил: «Процент тюрков равен 32. Это процент не маленький. И мы не имеем основания жаловаться на то, как это иногда бывает со стороны товарищей, на то, что тюркского пролетариата не привлекают в ряды нашей партии. Но мы не можем сказать, что для русских столько-то процентов, а для армян столько-то: наша задача заключается в том, чтобы привлечь всю культурно выросшую часть пролетариата в ряды нашей партии» (266, 31). Именно на эти недостатки в деятельности Мирзояна указывал Нариманов, когда писал, что ввиду отсутствия работы среди рабочих-тюрков и неправильного подхода к ним, среди них развивался антагонизм, чтобы они сознательно не принимали участие вместе с русскими ра-

бочими в управлении страной. Таким образом, число рабочих-мусульман (партийных) искусственно уменьшалось. Далее Н.Нариманов отмечает: «Мирзоян ... говорил: из рабочих-персов не следует принимать в партию. Мирзоян мог сослаться только на мнение некоторой части русских рабочих, которые, безусловно, были настроены националистически (248, 73-74).

Подобная политика Бакинского Комитета АКП(б) во главе с Мирзояном вызывала недовольство не только у руководителей высокого ранга, как Н.Нариманов, Э.Ханбудагов, но и партийных работников низшего ранга, которые считали своим долгом говорить об этом публично. Так, в газете «Заря Востока» от 1926 года была опубликована статья бывшего партийного работника Рза-Заде. В ней автор дает яркую характеристику тому, в чем выражалась политика национализации государственного аппарата со стороны БК АКП(б) во главе с Мирзояном: «Поневоле задаешь себе вопрос, действительно ли БК АКП(б) стремится к проведению тюркизации в АССР. И, как бы это ни было печально, приходишь к убеждению, что все это есть кукольная комедия и детские сказки, ибо никто этим вопросом в действительности искренно не интересуется, и никто из руководителей Бакинского Комитета искренно не желает проводить тюркизацию, создавая тюркский кадр работников-коммунистов. Более того, они игнорируют имеющихся налицо незначительных, более или менее сносных работников-тюрков, имея к таковым крайне формальное отношение, или используют их (обманывая разными повышениями и др.) в разных группировках. В Азербайджане руководящие работники занимаются исключительно интриганством,

группировкой, борьбой друг против друга за кресло». Мирзоян, в своей речи на XVI Общебакинской партийной конференции в 1926 году, расценил статью Рза-Заде как клевету на тюркскую нацию и партию (278, 43).

Знакомясь с архивными материалами, приходишь к выводу, что Советский Азербайджан фактически превратился в полигон по подготовке армянских кадров для работы не только здесь, но и в самой Армении. Только одним постановлением Политбюро ЦК АКП(б) от 20 декабря 1920 г. было признано необходимым послать в Армению из Азербайджана ударную группу в количестве 200 человек. В связи с этим было направлено специальное циркулярное письмо местным партикомам о мобилизации армян-коммунистов (128, 10). В феврале 1921 года, в период дашнакского восстания в Иреване, в Азербайджанской ССР был организован из армян отряд, численностью 400 человек и передан в распоряжение Реввоенсовета Армении (256а, 8).

Армянское засилье охватило не только Баку, Северный Азербайджан, но и нашло своё отражение в национальном составе краевых учреждений Закавказья. В этом смысле любопытные факты содержит закрытое письмо – отчет Заккрайкома РКП(б) №1 за март-июль 1923 г., адресованное Кирову. В числе других данных в этом отчете приводится национальный состав директивных учреждений Закавказья-Заккрайкома РКП(б), Заксовнаркома, Заккрайкома РКСМ, Забюро ВЦСПС и ЗакЦИК. Картина, прямо скажем, впечатляющая. В Заккрайкоме РКП – высшем партийном органе Закавказья армян насчитывалось 28 (35%), тюрков (т.е. азербайджанцев) – 2 (2,5%); Заксовнарком: армян 16 (30,2%), тюрков 0; в Заккрайкоме РКСМ: ар-

мян 8 (33%), азербайджанцев – 0; в Закбюро ВЦСПС армян было 6 (33%) азербайджанцев – 0; в ЗакЦИК армян было 8 (30,8%), азербайджанцев – 4 (15,4%) (164, 248). Справка эта была подписана секретарем Заккрайкома РКП(б) А.Мясниковым (164, 249). Таким образом, азербайджанцы были вытеснены и из закавказских партийных органов, где зато прочно укрепились армяне.

После советизации Азербайджана большевики официально разрешили прием в Коммунистическую партию бывших членов распущенных национальных партий, среди которых имелись также армянские. Так, 19 июня 1924 г. ЦК РКП(б) постановил производить приём в РКП(б) бывших членов партии «Гнчак» на общих основаниях. Исходя из этого, Заккрайком РКП(б) 9 июля 1924 года решил, приняв к руководству данное постановление, принимать в компартию бывших членов «Гнчака» лишь после того, как она будет объявлена распущенной её членами (59). В секретной телеграмме С.М.Кирова в орготдел ЦК и БК АКП(б) от 17 июля 1924 г. имеется ссылка на то, что при этом согласно указанию Заккрайкома РКП(б), прием заявлений бывших членов партии эсеров (правых и левых), меньшевиков, анархистов, бундовцев и т.д. о вступлении их в ряды АКП(б) прекращен. Только в виде исключения, в АКП(б) могли быть приняты отдельные выходцы из указанных выше партий, но при условии длительной, не менее 3-4-х летней работы их в пользу компартии и особых услуг в деле защиты Советской власти. Это не касалось бывших членов «Гнчак», прием которых можно было производить на общих основаниях с последующим утверждением Заккрайкома РКП(б) (163, 250). 22 сентября 1924 г. с разрешения вла-

стей состоялось собрание Бакинской организации «Гнчак», на котором было постановлено одобрить вступление партии в III Интернационал, принимая во внимание, что «основные заветы программы партии «Гнчак» есть научный социализм, который ведет к коммунистической революции». Далее говорилось, что в пределах СССР следует считать слияние партии «Гнчак» с компартией необходимым, и в соответствии с этим в Баку «Гнчак» сольется с компартией по всем районам, и таким образом ликвидирует свою организацию. После перерегистрации членов партии в Баку и его районах в газете «Бакинский рабочий» было помещено объявление ЦК РКП(б) и Закрайкома о вступлении гнчакистов в компартию. «Мы, гнчакисты, давно должны были слиться с компартией, ибо очень мало программных различий между двумя партиями», – говорилось в постановлении собрания. Было принято решение ходатайствовать о слиянии с компартией перед очередным общепартийным съездом «Гнчака», который должен был состояться в Афинах 28 сентября 1924 г. и на который были избраны депутаты от Бакинской организации. В резолюции говорилось, что «бакинская организация партии «Гнчак» всегда готова организованно, сплоченно бороться против всех тех изменников трудового класса, которые пожелают нарушить мирное строительство на советской территории» (242, ч. 2, 286).

Что же касается членов партии «Дашнакцутюн», то на заседании Президиума Закрайкома РКП(б) 23 июля 1923 г. был рассмотрен вопрос о закавказских дашнаках. Было принято постановление принять декларацию дашнаков о роспуске партии и после её опубликования дашнаков, арестованных за принад-

лежность к партии, освободить (161, 183). В телеграмме С.Кирова т.Габер-Корну от 2 августа 1923 г., указывалось «на необходимость органам ЧК неослабно следить за выполнением дашнаками их политических обязательств перед Советской властью» (161,182). В результате ЦК АКП(б) на своем заседании от 11 июля 1925 г. по докладу т.Каспарова постановил: «Считать организацию «Дашнакцутюн» в АССР не выявленной» (156, 1).

Таким образом, наследники «Дашнакцутюна» и «Гнчака» с партбилетами в карманах, получили возможность внедриться на ответственные посты в партийном аппарате, в наркоматах, ведомствах, авторитетных советских учреждениях республики, где проводили политику обезличивания Азербайджана.

3.2.Фактор бакинской нефти в экспансионистских планах армян.

После советизации Азербайджан, с одной стороны, должен был стать плацдармом для распространения большевизма в Грузии и Армении, а с другой, должен был играть роль рычага политического и экономического давления на эти республики. В этой политике особая роль придавалась бакинской нефти, которая теперь находилась под полным контролем Москвы.

Ещё до провозглашения в Северном Азербайджане Советской власти, 17 апреля 1920 года Председателем Совета Труда и Оборона Советской России

В.И.Лениным был подписан мандат, который возлагал на А.Серебровского организацию нефтяного хозяйства в Бакинском районе, руководство делом погрузки и вывоза нефти и её продуктов. Согласно содержанию мандата, распоряжения Серебровского являлись, безусловно, обязательными для всех властей и учреждений, как гражданских, так и военных. Так, военному командованию вменялось в обязанности снабжать его достаточными военными и морскими силами (250). Получив такие широкие полномочия, Серебровский создал в нефтяной отрасли свою «монархию» и обеспечивал бесперебойную поставку нефти в Советскую Россию. В результате, Советский Азербайджан в первый год не только бесплатно давал нефть, но и платил из своей государственной кассы жалованья рабочим (248, 65). Нариманов требовал от Серебровского процентного отчисления нефтяных продуктов в пользу Азербайджанской ССР, поставил этот вопрос на Политбюро, которое вынесло соответствующее решение. Однако, Серебровский не выполнял их так, как следует (248, 67). Он выполнял лишь резолюции Ленина, и поэтому нефть безвозмездно по железной дороге и по морю отправляли в Россию. За осуществление этой грабительской акции начальник Азнефти А.Серебровский был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а Азербайджан лишился самой доходной статьи своей экономики (263). Благодаря деятельности Серебровского на бакинских промыслах работало около 7,5 тысяч солдат-репатриантов бывшей врангелевской армии, среди которых было немало армян (6, т. 6, 107). Серебровский использовал «оригинальный» метод работы с местными кадрами. На ответственные должности назначались малограмотные и безынициативные

специалисты – азербайджанцы, которые, конечно, проваливали порученное им дело, после чего делались обобщающие выводы (263).

Тяжелое экономическое положение Армении, вызванное отсутствием топливного обеспечения, вынуждало дашнакское правительство искать различные пути для получения нефти у Азербайджана. С этой целью оно, после прихода к власти в Северном Азербайджане большевиков, старается наряду с удовлетворением своих территориальных притязаний, решить с помощью Москвы и за счет бакинской нефти также свои экономические проблемы. Поэтому уже 30 апреля 1920 г. министр иностранных дел Армении Огаджанян отправляет из Иревана телеграмму дипломатическому представителю Армении в Баку Арутюнянцу, в которой говорилось: «... низвергнутое правительство АДР по политическим мотивам тормозило вывоз нефтепродуктов в Армению. С водворением истинного демократического строя в Азербайджане, правительство Армении уверено, что всякое затруднение вывозу нефти в дальнейшем будет устранено. Правительство уполномачивает Вас немедленно войти в переговоры с новым Правительством Азербайджана для срочного разрешения этого вопроса» (88, 20). В телеграмме Огаджаняна особый интерес вызывает уверенность министра в том, что теперь дашнакское правительство обязательно получит нефть от Азербайджана. Подобная уверенность имела основание, поскольку теперь у власти в Советском Азербайджане стояли большевики, которые в основном были представлены армянами и русскими.

Политическими мотивами, на которые указывает в своей телеграмме армянский министр, были, прежде

всего, непрекращающаяся на протяжении 1918-1920 гг. военная агрессия дашнакской Армении против Азербайджанской Демократической Республики, политика геноцида, которую проводило армянское правительство против азербайджанцев, как в самой Армении, так и на территории Азербайджана. Поэтому о каких-либо экономических отношениях между АДР и Арменией говорить было неуместно. Позицию по данному вопросу правительства АДР наиболее ярко выразил в телеграмме премьер-министру Азербайджана от 15 июня 1919 года дипломатический представитель АДР в дашнакской Армении М.Текинский: «Пока Армения не водворит всех мусульман крестьян в свои селения и не вернет мусульманам их земель, не отпускайте ни одного фунта керосина и мазута» (239). На значение вопроса нефти для Армении указывает также содержание телеграммы дипломатического представителя дашнакского правительства в Азербайджанской ССР Арутюнянца, направленной 27 августа 1920 г. в Иреван министру иностранных дел этой страны. В телеграмме отмечается: «Наши дипломатические неудачи в Азербайджане объясняются также тем экономическим соотношением, которое существует между двумя этими странами. А эти отношения, хотя бы сегодня, сугубо односторонние, то есть мы целиком зависим от Азербайджана, а он от нас нет. Без бакинской нефти и керосина в Армении остановятся железные дороги, предприятия, пекарни, бани и т.д., а народ останется без света, тогда как на данный момент в Армении не производится какого-нибудь такого товара, чтобы был для Азербайджана столь важен как нефть, керосин для Армении» (239).

После советизации Северного Азербайджана ар-

мяне сумели занять ключевые позиции в учреждениях по управлению нефтяной промышленностью. Как писал Нариманов: «Если обратить сейчас внимание на состав служащих Нефтекома, то беспристрастный наблюдатель придет в ужас. Местные мусульмане-инженеры и вообще интеллигенция спекулируют, а эти учреждения заполнены русскими, армянами и евреями» (248, 66). К 1 апреля 1923 г. в различных учреждениях Азнефти русские составляли 43,8%, армяне 13,8%, азербайджанцы 12,6% из общего числа работников (160, 27-31). Кроме этого, в своем выступлении на XIII Общебакинской партийной конференции в апреле 1924 года М.Д.Гусейнов отмечал, что из 46000 тысяч рабочих, занятых в различных отраслях Азнефти, лишь 7000 были тюрками (266, 35). По мнению Мирзояна, Азнефть относилась к тем отраслям, где проведение национализации в короткое время было невозможно (278, 39). Интересно, что уже после установления Советской власти в Армении, решением Политбюро ЦК АКП(б) от 20 декабря 1920 г., где рассматривался вопрос о посылке армян-коммунистов из Азербайджанской ССР в Армению, было решено, что незаменимых армян работников нефтяной промышленности не посылать (128, 17).

Дашнакское правительство надеялось решить свои экономические проблемы с помощью Советской России и бакинской нефти. Одновременно, Москва за спиной Азербайджана вела с дашнакской Арменией переговоры не только о судьбе азербайджанских земель, но и заключала договора о поставках ей бакинской нефти. Так, в проекте договора, подписанного 28 октября 1920 г. в Иреване между полномочным представителем РСФСР в Армении Б.Леграном и прави-

тельством Армении, в 1 пункте XV статьи указывается на намерении передать Армении нефти в количестве, составляющем годовую норму потребления. В счет этого количества правительству Армении предполагалось отпустить 500 тысяч пудов нефти непосредственно после подписания договора (254).

До советизации Армении вопрос о предоставлении ей нефти, заключения с нею торгово-транзитного договора справедливо ставился руководством Советского Азербайджана в зависимость от решения территориального вопроса. Когда летом 1920 г. находившемуся в Тифлисе Н.Нариманову от одного армянского общества (фактически армянского правительства) было сделано предложение об обмене 4 новых грузовиков на тысячу пудов керосина, тысячи бензина и двух тысяч пудов нефти, это предложение было отвергнуто. По поводу этого Нариманов писал: «Дипломатический представитель Армении в Грузии т. Бекзадян сам заявил желание видиться со мною, – пришел ко мне и вся наша беседа с ним показывает, по крайней мере, на некоторый сдвиг в их политике, главной причиной этого является все же пресловутая нефть. Я полагаю, что наряду с другими моментами мы можем оказать на Армению большое давление и в вопросе о нефти» (247, т. 2, 324).

Ситуация меняется после установления Советской власти в Армении. В декларации ревкома Армении от 29 ноября 1920 года о провозглашении Советской власти выражалась твердая уверенность, что «приостановленные за отсутствием мазута, железные дороги Армении снова заработают при помощи азербайджанской советской нефти и снова оживет связь по всей территории освобожденной Армении» (69, 291).

В условиях, когда Армения не отказывалась от своих притязаний на азербайджанские земли, коммунистическое руководство Советского Азербайджана в тот же день, на заседании Азревкома 29 ноября 1920 года постановило отправить 40 цистерн нефтепродуктов (111, 1). Вслед за этим, 30 ноября, на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро АКП(б) выносятся новое решение о поставках нефти в Советскую Армению. Данное решение закрепляется декларацией Баксовета от 1 декабря 1920 г., где говорится: «Советский Азербайджан широко раскрывает свои ворота перед Советской Арменией к неисчерпаемым богатствам: нефти, керосину и другим продуктам, которыми обладает» (171а, 224-225; 222). Таким образом, Азербайджан должен был расплачиваться за советизацию Армении не только своими бесспорными территориями (Зангезур, Нахчыван – *И.Н.*), но и природными богатствами. Осуществлялось это во имя укрепления в Армении большевистской власти, под лозунгами о солидарности и братской помощи (250, 217). Нариманов заявлял: «Нужно создать такую атмосферу, чтобы армянские рабочие и беднейшее крестьянство чувствовали, что при большевиках лучше живется, чем при дашнаках. Я вам товарищи, это заявлял серьезно, что все это лежит на нашей шее. Маленький Азербайджан должен думать ... об Армении. Поэтому нефть отдается, Армянская республика вполне зависит от нас, так как она все будет получать от Советского Азербайджана» (247, т. 2, 499).

И, действительно, Армения все получала от Азербайджана. 2 декабря 1920 г. Ревком Армении направил в Азревком письмо, в котором просил открыть ему кредит на сумму двести миллионов рублей. На письме

была поставлена резолюция Н.Нариманова: «Открыть кредит Ревкому ССРА двести миллионов заимообразно» (247, т. 2, 638). Газета «Бакинский рабочий» в номере от 12 декабря 1920 г. писала, что в дни установления Советской власти в Армении Азербайджан безвозмездно отправил ей 50 вагонов хлеба и 36 тысяч тонн нефти (263). Факт оказания Азербайджанской ССР экономической помощи Армении отметили в своих работах также армянские историки. Так, С.Вартанян, ссылаясь на текст телеграммы от 16 декабря 1920 г., полученной штабом XI Красной Армии в Баку, пишет, что в Армению было направлено 35 вагонов зерна и 5 цистернов с керосином (67,394). А.Акопян, ссылаясь на данные сборника «Хорурдаин Хаястан» (Советская Армения) (1921-1925)», пишет, что с 10 апреля по 10 ноября 1921 г. Азербайджан безвозмездно поставил Армении 36000 пудов горючего (нефть, бензин, мазут) (51, 172).

После полного захвата Южного Кавказа Советская Россия, ввиду собственной экономической слабости, не имея возможности помочь Грузии и Армении, осуществляла это за счет природных богатств Советского Азербайджана. В телеграмме от 9 апреля 1921 г. В.Ленина Г.Орджоникидзе отмечается: «Получил Вашу шифровку об отчаянном продовольственном положении Закавказья. Но я должен предупредить, что мы здесь сильно нуждаемся, помочь не можем. Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья, налечь изо всех сил на концессии» (речь идет о нефтяных концессиях с иностранными фирмами – И.Н.) (231, 384).

Приехав в Баку и получив телеграмму, Г.Орджоникидзе созывает Пленум ЦК АКП(б). В своем выступ-

лении на Пленуме Орджоникидзе отмечает необходимость объединения закавказских республик не только в политике, но и экономике, так как восстановление экономики в республиках шло якобы хаотически. Он вынужден был признать, что внешторги республик конкурировали между собой на внешнем рынке, но валютой служила бакинская нефть, которая бесплатно отпускалась Армении и Грузии. В то же время Г.Орджоникидзе отметил, что Азербайджанской и Грузинской республикам придется взять на себя снабжение Армении, так как она обладает гораздо меньшими средствами (267, 128-129). Позиция Орджоникидзе по данному вопросу получила неоднозначную оценку в выступлениях азербайджанских коммунистов А.Караева и Г.Султанова. Караев, считая ненормальным тот факт, что Советская Грузия и Советская Армения, получая азербайджанскую нефть как валюту, конкурируют с Советским Азербайджаном, предлагал оставить самостоятельными республиканские внешторги. Г.Султанов справедливо указывал, что объединение приведет к разрешению экономических проблем одной республики в ущерб другой, недвусмысленно намекая на Азербайджан. После возражений азербайджанской стороны, Орджоникидзе вынужден был признать: «Товарищи азербайджанцы оставляли открытым вопрос, который раскрыл Султанов. Если вопрос ставится строго эгоистически, то надо ответить прямо, что в большей степени будет «обижен» Азербайджан и абсолютно не будет «обижена» Армения. Если вопрос ставится по-советски кто-нибудь из вас осмелится выступить здесь и сказать, что все, что нам удастся получить в обмен на бакинскую нефть, которую природа создала здесь вот в Баку, а не в Эривани,

наше и отказать армянским товарищам в помощи. Тут вопрос надо ставить так: будем ли мы помогать Советской Армении из своего голодного пайка, уделим ли мы им что-нибудь на правах равных товарищей, или мы скажем, если у тебя нет, то голодай». И действительно, никто не осмелился возражать. Левон Мирзоян поддержал предложение Орджоникидзе, а Саркис, обвиняя азербайджанских коммунистов в национализме, заявил, что вопрос о нефти лишь предлог: «Здесь боются объединения фактически». Армянские коммунисты получили авторитетную поддержку в лице С.Агамалыоглы: «Ведь эта чепуха, ведь откуда Азербайджан взял нефть, богу родственник что ли? Нефть, значит для всех» (267, 131).

В итоге 2 июня 1921 г. Азербайджан, Грузия и Армения подписали соглашение о создании объединенного внешторга. Это соглашение фактически превращало две последние республики в обладателей части доходов от реализации бакинской нефти и других богатств Азербайджанской ССР на внешних рынках. Об этом в своем выступлении на заседании второй сессии Пленума Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета Советов 3 октября 1921 года говорил Нариманов: «Как вам известно, у нас существовал так называемый Внешторг. Для ведения внешней торговли у нас были продукты: нефть, масла драгоценные, шелк, икра. Я утверждаю, что если бы у нас внешняя торговля велась самостоятельно, достаточно было бы этих продуктов, чтобы мы обеспечили Азербайджан почти всеми товарами. Но общая политика заставила нас идти по другой дороге, именно образовать Обвнешторг. Для того, чтобы не было конкуренции между советскими республиками. Я должен ска-

зять, что основная мысль была такая: создать общий котел, куда каждая республика кладет свои продукты, и из этого котла берутся продукты, на которые покупают другой товар и распределяют между всеми республиками. Но тут, товарищи, вышло маленькое недоразумение. Недоразумение именно в том смысле, что или по нежеланию, или по неумению этих республик (имеются в виду Армения и Грузия – *И.Н.*), не могли доставлять в известное время в общий котел своих товаров...получилось, что Внешторг-то мы создали, а продуктов для товарообмена нет» (247, ч. 2, 566-567). Таким образом, неравные в экономических возможностях республики были искусственно уравнены за счет продаваемых на внешних рынках природных ресурсов Азербайджанской ССР (250, 218).

Бакинская нефть поставлялась в Армению совершенно бесплатно (217, 351, 406). Вывоз нефти регулировало Южнокавказское бюро по перевозкам, учитывавшее только транспортные условия, наличие цистерн и другие возможности, кроме одного – расчеты с Азнефтью за отпускаемые нефтепродукты потому что, как пишет Нариманов: «Кирову, Мирзояну и компании в высокой степени было наплевать на это» (248, 67). Даже Сталин, выступая на собрании тифлисской организации Коммунистической партии Грузии 6 июля 1921 года, был удивлен подобным фактом: «Я узнал, что Грузия и Армения получают, оказывается, нефтяные продукты из Азербайджана безвозмездно – случай, немыслимый» (262, т. 5, 97).

Осознавая пагубность такого положения для Азербайджана, Н.Нариманов в декабре 1922 г. выступил с письмом – особым мнением о Южнокавказской федерации. В нём, в частности, говорилось о необхо-

димости: а) Сохранять самостоятельность за каждой республикой, т.е. не обезличивать высшие государственные органы (ЦИК и СНК); б) Давать возможность каждой республике развивать самодеятельность в промышленности; в) Не форсировать в вопросах, решение которых приносит явный материальный вред одной республике в пользу другой (188, 1). Однако, эти предложения не имели успеха. Поэтому Нариманов позже в письме Сталину писал: «Как следствие этого когда азербайджанский крестьянин не имея керосина, зажигал лучину, когда азербайджанский гражданин видит, что в Тифлисе керосин продается дешевле, чем в Гяндже, то поневоле приходится слышать по адресу тех, кто все это делает, упреки, обвинения в колонизаторстве» (248, 66).

24 января 1922 года «Азнефть» оформила договорные отношения с Арменией. Согласно договору, заключенному между А.Серебровским и А.Мясниковым, «Азнефть» должна была отпускать Армении ежемесячно около ста тысяч пудов нефтепродуктов. Взамен этого армянское правительство расплачивалось с «Азнефтью» российскими денежными знаками, а также следующими товарами: колчеданом, вином и коньком (197а, 157). Данные поставки в значительной степени помогли Армении выйти из экономического кризиса. Позже один из лидеров бывшего дашнакского правительства О.Качазнуни, высоко оценивая заслуги большевиков перед Арменией, писал: «При нас Армения была погружена во тьму – ибо не было материалов для освещения. Большевики доставили из Баку керосин и вывели страну из тьмы» (218, 58).

3.3. Проблема беженцев в Азербайджанской ССР в результате военной экспансии Араратской Республики.

В период 1918-1920 гг. мусульманское население бывшей Иреванской губернии, на территории которой в мае 1918 г. образовалась Араратская республика, подверглось настоящему геноциду со стороны дашнакского правительства. Как пишет А.Лалаян, «В период диктатуры контрреволюционного «Дашнакцютюна» (1918-1920) все неармянское население считалось вне закона. На протяжении двух с половиной лет своего господства дашнакцютюн вел вооруженную борьбу против азербайджанцев, живущих на территории Армении, убивая и грабя без разбора мирное население, уничтожая мирные села и деревни» (228, 59). Другой армянский автор Б.Борьян пишет: «В Армянской республике политические деятели установили государственную власть не с целью управления страной, а для истребления мусульманского населения и захвата их имущества. В армянском правительстве даже существовала должность министра по погромным делам» (66, 81-82, 195).

В результате, к концу 1919- началу 1920 гг. были совершенно очищены от мусульман (тюрок и курдов) Новобаязетский, Эчмиадзинский, Иреванский уезды Иреванской губернии. В общей сложности во всей Иреванской губернии было опустошено около 300 мусульманских селений с числом населения 250 тысяч человек (48). Согласно армянскому исследователю З.Коркодяну, правительством Армении, контролируемым террористической организацией «Дашнакцютюн», было за короткий срок убито, ранено и изгнано

565 тысяч мусульман. Таким образом, к моменту установления Советской власти в Армении здесь проживало чуть больше 10 тысяч тюрков (27, 33). А.Микоян в своей статье «Об армянском империализме», опубликованной в 1919 году, назвал данную политику дашнакского правительства по отношению к азербайджанскому населению «армянским империализмом со своим специфическим и реакционным характером». А.Микоян писал: «В результате этой политики все мусульманское население Армении было отстранено от власти, терроризировано разбойничьими шайками, которые готовы были из любви к крови и патриотических соображений, уменьшить инородческий элемент в Армении, истреблять их возможно больше». Все это он охарактеризовал не иначе, как «разгул черносотенного шовинизма дашнаков» (70; 168, 8-9).

После советизации Северного Азербайджана, в условиях продолжающейся агрессии дашнакской Армении, поток беженцев не прекратился. Надо сказать, что основной поток беженцев двигался не только с районов Араратской Республики, где проживали азербайджанцы, но и с приграничных с Арменией территорий Азербайджанской ССР. С целью ознакомления с положением беженцев, 30 сентября 1920 года в ряд районов Азербайджана, в т.ч. в Гянджу, Газах, Шушу и др. выехала особая смешанная комиссия в составе представителей народных комиссариатов юстиции, продовольствия, земледелия, внутренних дел, просвещения Азербайджанской ССР, РКИ, БК партии при участии Нариманова. Материалы, собранные данной комиссией о положении на местах, были обсуждены на заседании Азревкома 24-28 октября 1920 г. Как видно из доклада председателя особой комиссии Ага-

малыоглы, «во время объезда названных районов голодные и раздетые беженцы умоляли о куске хлеба, в канавах, по дороге лежали умирающие женщины и трупы, а рядом с ними голодные дети» (130, 77-96).

Дашнакское правительство под предлогом «прекращения противостояния» в Зангибасаре и Ведибасаре, старалось очистить эти территории вплоть до Джульфы от азербайджанского населения. В начале июля 1920 г. армянские вооруженные силы совершили нападения на Зангибасар, заняв в результате станции Шахтагты и Шарурский уезд. Население этих районов, спасаясь от армянского насилия, превратилось в беженцев и направлялось в сторону Южного Азербайджана и Нахчывана. По предварительным подсчетам представителей Нахчывано-Зангибасарской делегации, результаты которой были опубликованы в газете «Коммунист» от 15 октября 1920 г. в статье «К положению дел в Нахчывано-Зангибасарском районе», было установлено, что в ходе этих событий имущества жителей Зангибасара, Ведибасара, Нахчывана, Шарура, Шахтагты, Даралагеза поголовно было разграблено, 500 тысяч населения буквально обнищало, погибло от голода и болезней более 45000 беженцев, около 70000 беженцев находилось в Персии. Остальное четырехсоттысячное население расположилось в окрестностях Нахчывана под открытым небом, голодные и полураздетые (220). Командир 28-й дивизии Нестеровский в телеграмме направленной командованию XI Красной Армии писал, что число беженцев, спасшихся от дашнакской резни и находившихся в Нахчыванском районе, составило около миллиона человек (27, 32).

В Армении эти события освещались в иных тонах. Так, некий дашнакский деятель в своем письме к

главе дашнакского правительства А.Огаджаняну 21 июня 1920 г. писал: «Зангибасар нами занят. Эта страна так богата, что она в состоянии перекрыть наши долги в несколько раз. Уже два дня, как здесь совершается невиданный грабёж – забирают пшеницу, ячмень, рис, самовары, ковры, деньги и золото. Огромное богатство уходит из наших рук». Этот дашнакский мародер предлагает забирать в руки правительства все награбленное богатство, не брезгая никакими средствами (228, 59). Бывший глава дашнакского правительства Ов.Качазнуни, касаясь данных событий, писал: «Официально с Азербайджаном мы не находились в состоянии войны. Имели ряд кровопролитных битв внутри страны с местным мусульманским населением. Вынуждены были прибегать к оружию, двигать войска, разрушать и устраивать резню и встречать даже в этом неудачи, что, несомненно, подрывает престиж власти» (218, 33). Далее он пишет: «В наше время народ уничтожался на войне и умирал от голода. Мы разорили, такие богатые хлебом пункты, какими были Шарур и Веди – разорили, не пользуясь этими богатствами» (218, 57). Как видим, против азербайджанского населения региона проводилась настоящая политика геноцида. Надо отметить такой интересный факт, что события в Зангибасаре, Ведибасаре и Шаруре в азербайджанской и армянской советской историографии преподносились как результат классовой борьбы.

Насилия, совершаемые дашнаками над мирным азербайджанским населением, вызывали серьезную озабоченность в правительстве Советского Азербайджана. В телеграмме, направленной 5 июля 1920 г. наркомом иностранных дел Азербайджана М.Д.Гусейновым в МИД Армении (копии Чичерину, диплома-

тическому представителю Армении в Грузии Бекзядяну и дипломатическому представителю РСФСР в Грузии Кирову) говорилось: «Такие агрессивные действия армянского правительства мое правительство рассматривает как открытие военных действий против Советского Азербайджана и требует немедленного прекращения всякого наступления со стороны армянских войсковых частей» (88, 119). Однако, армянская сторона вновь пыталась снять с себя ответственность за содеянное и искала оправдания. В ответной телеграмме, направленной 7 июля 1920 г. М.Д.Гусейнову (копии Кирову и Чичерину), армянская сторона объясняла занятие её войсками Зангибасара и Шарура тем, что население этих территорий совместно с руководством османско-турецких войск участвовало в контрреволюционных действиях против Армении. Кроме того, на запрос НКВД Азербайджанской ССР о действиях армянского правительства в указанных районах, последняя оценила это, как вмешательство в её внутренние дела (103, 6-8).

После советизации Армении в ноябре 1920 года беженцы-азербайджанцы из Армении надеялись вернуться в родные села. Однако, правительство Советской Армении не хотело решать вопрос и поэтому препятствовало возвращению беженцев. Выступавший 11 февраля 1921 г. на III съезде АКП(б) представитель Советской Армении Богдатыев жаловался: «Ни одна часть России не имеет столько беженцев, сколько имеется в одной маленькой Армении. Вопрос беженский – коренной вопрос, который является одним из основных на Кавказе. Вопрос беженский тесно связан с задачами турецкой работы Азербайджана, ибо представьте себе, конкретную картину: дашнаки выселяют из

своей территории мусульманский элемент, находящийся в Эривани, Зангибасарском районе сотнями и даже тысячами, а их земли заселены армянским населением. Все эти мусульмане требуют возврата на свои родные земли. Но подумайте какую перетасовку карт надо произвести там, чтобы был разрешен беженский вопрос. Вопрос беженский может разрешиться только в общеазербайджанском масштабе, даже больше того в Малоазиатском масштабе по соглашению с Ататюрком, конечно с Советской Грузией» (133, 19-20). Таким образом, представитель Армении недвусмысленно предлагал азербайджанскому руководству сделку – присоединение к Армении территорий Турции в обмен на возвращение азербайджанских беженцев на свои прежние места.

10 и 23 апреля 1921 г. Революционный комитет Армении издал декреты об амнистии, разрешив возвращение в республику беженцев, покинувших её при дашнакском правительстве. Однако, с самого начала армянское правительство заняло в этом вопросе одностороннюю позицию, т.е. препятствуя возвращению азербайджанцев на свои земли, оно планомерно заселяло покинутые ими дома и целые селения переселяющимися из Турции, Ирана армянами (235, 102). Последнюю мысль подтверждают также сведения, которые приводятся в печати. Так, газета «Правда Грузии» от 21 октября 1921 г. в статье «Советская Армения и Англия», ссылаясь на бюллетень информационного отдела дипломатического представительства ССР Армении в Грузии сообщала, что наркоминделом Армении была послана телеграмма министерству иностранных дел Англии с просьбой переслать в Батум для дальнейшего следования в Армению 14000 бежен-

цев-армян из Месопотамии, в случае если последним не будет оказываться помощь английским правительством (99, 132). Опять же, в этой газете в номере от 25 октября 1921 г. сообщалось: «В Тегеране открылось представительство ССРА. Были произнесены речи полпредом РСФСР тов. Ротштейном и архиепископом Айвазяном, которые указали, что самостоятельностью своей Армения обязана России, а также представителям Национального Совета. Из присутствующих армян 7000 человек заявили желание вступить в подданство ССРА» (99, 143). Уже в марте 1922 г. 9 тыс. армян из Месопотамии через Батум прибыли в Армянскую ССР и были расселены в Гамарлинском (Аштаракский) и на северо-западе Араздейенского (Вединского) районов (235, 106). К концу 1922 года в районах Советской Армении, ранее очищенных от азербайджанцев, было размещено около 200 тысяч армян прибывших из Турции (202). Прибывавшие армяне размещались главным образом в окрестностях Иревана, а также Гамарлинском, Ведибасарском, Эчмиадзинском, Зангибасарском и Эллерском районах с тем, чтобы таким путем искусственно увеличить в них удельный вес армянского населения (235, 107).

Крайне тяжелое положение сложилось в Зангезурском уезде. Только за лето–осень 1918 года в уезде бандами Андроника было разорено 115 мусульманских селений, убито более 10000 человек и 50000 стали беженцами (211, 206-209). Как продолжение этой темы, приведем текст выступления на II съезде АКП(б) в октябре 1920 г. делегата от Зангезура т.Татьяна: «Бакинцам – рабочим хорошо известно, что Зангезур является яблоком раздора между Армянской республикой и Азербайджаном. В течение 2-х летней национальной

бойни около 200 селений были буквально уничтожены: масса беженцев отправлялись в сторону Карабаха, в Курдистан, к Араксу и т.д. После двух лет национальной войны уезд оказался в первобытном состоянии» (221).

Свидетельством тяжелого положения уезда являлись также телеграммы, поступающие с мест. В телеграмме от 28 августа 1920 г. в народный комиссариат внутренних дел от Карабахского областного ревкома сообщалось, что мусульманские селения 3 и 4 участка Зангезурского уезда неоднократно подвергались дашнакскому огню, в результате чего они находились в плачевном положении. Появилась масса беженцев, водворению которых в прежние места препятствовали армяне, подвергавшие их обстрелу. Среди беженцев свирепствовал голод, отсутствие жилья и медикаментов приводило к тому, что ежедневно вымирали десятки людей (90, 30). В телеграмме в ЦК АКП(б) от председателя Совнархоза Зангезурского уезда Саркисянца от 3 октября 1920 г. сообщалось, что в уезде создано крайне критическое положение. Крестьяне 25 разрушенных мусульманских сел остались под открытым небом (129, 159).

13 апреля 1921 года на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) был обсужден вопрос «О Зангезуре» и было принято решение «для выяснения положения региона на месте направить туда комиссию в составе Мирзояна, Ч.Илдрыма и др.». На том же заседании был назначен новый чрезвычайный комиссар ЦК АКП(б) в Зангезурском районе Ш.Махмудбеков (122, 38-39). Позже, выступая на первом съезде Советов Азербайджана в мае 1921 г., представитель от Губадлинского уезда (Равнинного Зангезура) Ч.Илдрым так

охарактеризовал ситуацию в регионе и положение азербайджанского населения: «Губадлинский уезд составляет часть Зангезурского уезда. Благодаря дашнакскому натиску это кладбище с живым населением, где люди абсолютно голые, босые, голодные загорелые, вид у них, особенно у женщин, невозможно кошмарный. Проезжая по тем местам, вы можете видеть, как целыми стадами люди – в кавычках – питаются подножным кормом. Все молят о насущном хлебе и мануфактуре для покрытия наготы своего тела» (219, 81). Ухудшению продовольственного положения мусульманского населения Зангезура также способствовала концентрация здесь войск 20-й и 28-й дивизий XI Красной Армии, которых оно содержало (80, 11).

После оккупации и присоединения западного Зангезура к Советской Армении в июле 1921 г., демографическая ситуация в уезде претерпела резкое изменение. Вместо преобладавшего здесь ранее мусульманского населения, теперь абсолютное большинство населения составляли армяне, бывшие прежде в меньшинстве. Выступая 30 апреля 1922 г. на II съезде Советов Азербайджана Председатель Совнаркома Азербайджанской ССР Г.Мусабеков с волнением говорил: «Известно ли Правительству, что в Зангезурском уезде мирное население силой оружия выдворяется из насиженных ими мест». Была создана специальная комиссия АзЦИКа, которая на месте должна была разобраться в этом деле и ликвидировать их последствия (219, 157).

После советизации Армении часть азербайджанского населения Зангезура пыталась возвратиться в свои селения. Так, в телеграмме из Шуши от 10 мая 1922 г. председателя Губадлинского Совета Гейдарова

(пересланной из АзЦИК в Закавказский Союзный Совет) указывалось, что «беженцы из Сисиана и Гафана накопились на границе и с волнением ожидают распоряжения центра» (267, 280-281). Но правительство Советской Армении всячески препятствовало этому. В телеграмме замнаркомпочта и телеграфа ССРА Маркаряна от 16 ноября 1921 г. наркоминделу АССР М.Д.Гусейнову, тот, ссылаясь якобы на «крайне тяжелое экономическое и продовольственное положение Зангезура», просит до изменения указанных условий распорядиться приостановить дальнейшую посылку беженцев азербайджанцев в Зангезур (91, 69). 10 марта 1924 года около 10000 зангезурцев обратилось в ЦИК СССР с просьбой об оказании им материальной помощи для расселения в Нухинском уезде Азербайджанской ССР (177, 81-82). В июне 1924 года комиссия ЗакЦИК, созданная в составе Председателя Д.Буният-Заде и членов т.Шавердова и Гогия, находилась в Зангезурском уезде с целью обследования политической и хозяйственной жизни уезда. В отчете комиссии в разделе «Национальный вопрос» отмечается, что деревни, покинутые мусульманами, были частью в период дашнакской, частью в период Советской Армении, заселены армянами из других частей Армении, Турции, Ирана и других стран (166, 11).

Той ничтожной части азербайджанцев, которым все же удавалось вернуться в свои родные селения Зангезурского уезда Армянской ССР, здесь создавались невыносимые условия для жизни. Правительство Советской Армении не хотело выселять армян, уже поселившихся в азербайджанских селениях, и таким образом стали образовываться селения со смешанным населением. Подобная политика прикрывалась, якобы

стремлением к улучшению межнациональных отношений и укреплению внутреннего мира среди армян и азербайджанцев. Однако, результат оказался противоположным. Начались трения между армянами и азербайджанцами на хозяйственной, бытовой и религиозной почве, от чего страдали, прежде всего, азербайджанцы. Если учесть тот факт, что в смешанных селах, где азербайджанцы составляли большинство, председателями и секретарями сельсоветов становились армяне, а вся переписка с госучреждениями велась на армянском и русском языках, то становится ясно, как притеснялось азербайджанское население (166, 11).

По итогам сельскохозяйственной переписи 1922 г., все сельское население бывшего Зангезурского уезда составляло 63533 человек. Население это распределялось следующим образом: 56866 армян (89,5%), 6464 (10,2%) тюрков (т.е. азербайджанцы), 182 русских (0,3), 1 грек. Если учесть здесь также население города Геруса (армян 3677, тюрков 3), то армяне составляли уже 90,1% населения уезда. Таким образом, результаты переписи показывают, что уже через год после оккупации западного Зангезура население его стало почти сплошь однородным-армянским. Следует отметить, что турки по данным переписи 1922 г. проживали в двух участках уезда – Сисиане в количестве – 2808 человек (13% населения участка) и Гафане – 3656 человек (18% населения участка). В остальных участках – Герусе, Техе и Татеве – население состояло только из армян (274, 230). Согласно данным комиссии ЗакЦИКа, которая в июне 1924 г. обследовала Зангезурский уезд Армянской ССР, здесь к этому времени проживало 75000 человек из коих 5780 тюрков (7,7%), 380 молокан (0,5%), а ос-

тальные 68840 (91,7%) армяне (166, 11). Наконец, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., из общего количества населения Зангезурского уезда Армянской ССР тюрки составляли уже лишь 5634 человека (11, 78) или 6,43% населения (61, 15). Таким образом, шло планомерное вытеснение азербайджанского населения из западного Зангезура с целью превращения его в этнически однородный уезд.

К началу 20-х годов значительная часть ириванских беженцев в количестве до 40-50 тысяч человек было сосредоточено в районе Газах-Шамхора Азербайджанской ССР. Как следует из отчета Чрезвычайной комиссии по обустройству беженцев в пределах Азербайджанской ССР, большая часть беженцев этого района в результате самовольного переселения сумело вернуться в свои родные места в Каракоюнлинский и Ново-Баязетский районы Армянской ССР. Однако, как становится известно из отчета, вследствие плохого отношения к ним армянских властей, положение новобаязетских беженцев, вернувшихся в Армению, вскоре ухудшилось. В частности, армянские власти требовали от них обратно вернуться в Азербайджан, при этом арестовывая людей и реквизируя их скот (104а, 36-37).

В условиях гуманитарной катастрофы находился также Нахчыван. В период 1918-1921 гг. в результате армянской агрессии здесь было убито 73727 азербайджанцев (5, т. 2, 247). После предоставления Нахчывану статуса автономии в составе Азербайджанской ССР, в край стали возвращаться беженцы из Персии, как свои беженцы, так и беженцы-азербайджанцы из Армении. В докладе, сделанном в ревкоме Азербайджана весной 1921 года, отмечалось, что в Нахчыванском, Ордубадском и Шаруро-Даралагезском уездах около

240 сел превращены в развалины. В азербайджанских селах Армении (в 48 селах Зангибасара, 118 – Ведибасара, 74 – Даралагеца) население порублено, дома сожжены. Покинув дома, отсюда ушло более 500 тысяч человек, став беженцами (39, 61). Около 15 тысяч сирот, прибывших в города и села Нахчывана из Армении, в основном из Зангезура, были размещены в детских приютах, открытых в Шаруре, Нахчыване, Ордубаде (39, 65). Кроме того, 205 семей иреванских беженцев-мусульман, изгнанных армянами, ожидали решения дальнейшей своей судьбы на станции Дзегам (219, 178). При таком наплыве беженцев и при окончательной разоренности Нахчыванского края невозможно было содержать и приютить здесь всех .

Представитель Бежотдела Наркомсобеза АССР Адиль Казанов, прибыв в мае 1921 г. в Иреван с целью выяснить наличие свободных селений для заселения беженцев из Азербайджана, получил ответ, что «все плодородные и годные для заселения территории заселены армянами-беженцами, которых с мест трогать нельзя, что же касается совершенно свободных сел, то эти села могут быть предоставлены беженцам мусульманам, но они должны быть в таком количестве и состоянии (в смысле имущественного), чтобы могли обрабатывать пустующие земли». В телеграмме в Бежотдел Наркомсобеза Казанов далее писал: «На основании вышеизложенного я пришел к такому заключению, что при таком отношении местной власти ССРА к вопросу о переселении беженцев на места официальным порядком организовано не будет возможно. Насколько я понял, местная власть все время оттягивает вопрос переселения в связи с уборкой урожая, дабы дать возможность армянам, поселившимся в татарских

селениях, убрать хлеб, а что будет после уборки неизвестно. Предполагаю, тогда будет уже поздно и переселение будет очень затруднено, даже невозможно. Многие беженцы просачиваются в свои селения и с большими трудностями на местах устраиваются без всякой помощи со стороны властей» (139, 153).

7 июля 1921 г. было принято постановление АзЦИК: «Ввиду окончательной Советизации Закавказья и установления братских отношений между Советскими республиками Закавказья и полного спокойствия внутри республики, Президиум АзЦИК находит возможным и необходимым покончить раз и навсегда с вопросами о беженцах, которые терпят страшную нужду, дают большой процент вымирания и будут обречены на поголовное вымирание, если не будут приняты соответствующие меры». Тем же постановлением А.Караеву было поручено «вступить в переговоры с представителями армянского правительства, чтобы окончательно решить вопрос о возможности возвращения в Армению тех беженцев мусульман, кои вынуждены были бежать из соседних с Азербайджаном уездов Армении» (106, 7).

Ревком Армении за подписью С.Касьяна, А.Бекзаяна и И.Довлатова в середине 1921 г. принял следующее решение «О беженцах»: «Ввиду той сильной беженской волны, которая направляется на территорию Армении и Северного Кавказа, Азербайджана, Нахчывана, Нейтральной зоны и прочих местностей: ввиду вызванной сокращением территории Армении, перегруженности её беженцами из эвакуированных областей и, наконец, того критического положения, в котором находится страна в отношении продовольственном, квартирном и транспортном, Ревком ССРА

постановил: «обратиться к советским властям Северного Кавказа, Азербайджана и Ревкома Нахчывани с просьбой удержать направляющихся в Армению беженцев впредь до урегулирования продовольствия, транспорта и разрешения предписать всем пограничным властям удержать беженцев от перехода на территорию ССР Армении» (91, 11).

В другой телеграмме, которая была отправлена 5 июля 1922 года заместителем наркома иностранных дел Армянской ССР А.Кариняном наркому иностранных дел АССР М.Д.Гусейнову, также предлагалось проинструктировать руководство Нахчывана приостановить поток азербайджанских беженцев из Гамарлы, Зангибасара, прибывающих с территории Ирана через Джульфу в Армению (27, 34). Армянское руководство даже выдвинуло своё решение вопроса. Так, 30 марта 1922 г. секретарь ЦК КП(б) Армении А.Иоаннисян писал в Заккрайком: «ЦК находит, безусловно, необходимым прекратить раз и навсегда реэвакуацию армян беженцев в Азербайджан, так и наоборот, мусульман-беженцев в Армению. Лишь этим путем возможно будет предупредить аграрные недоразумения и одновременно избежать развивающихся на этой почве конфликтов и недоразумений» (267, 280). Подводя итог этим телеграммам надо обратить внимание на следующие моменты: 1) армянская сторона в качестве предлога для нежелательного возвращения азербайджанских беженцев в родные места ставит вопрос о нехватке земли; 2) при этом, руководство Армении заселяет земли, где ранее жили азербайджанцы, прибывающими из других стран армянами.

Рассмотрение вопроса беженцев было вынесено в Закавказский Союзный Совет. 9 июня 1922 года комис-

сия по вопросам беженцев постановила оставить азербайджанцев – беженцев из Армении на свободных землях Азербайджана. 12 июня 1922 г. Союзный Совет, по заключению комиссии по вопросу о беженцах Закавказья (доклад Ерзикаяна), постановил всех азербайджанцев-беженцев из Армении, находящихся в Азербайджане, в т.ч. Нахчыване оставить здесь (267, 281). Эта цифра составила 28 тысяч человек. Это были беженцы из Зангезура, Сисиана, Ведибасара (39, 68). Интересно, что среди этих беженцев были не только азербайджанцы, но и армяне Зангезурского уезда Армянской ССР, находившиеся в Ордубадском уезде автономного края, для которых не нашлось места на родине (171, 96). В армянской советской историографии данное решение Закавказского Союзного Совета получила следующую оценку: «Во-первых, оно противоречило принципам пролетарского интернационализма и Советской власти о сожительстве народов и, во-вторых, практически привело к тому, что после этого в Нахчыван никто из армян-беженцев не мог больше возвратиться и Нахчыван лишился большинства своего коренного населения» (267, 281). Как видим, вновь искажались факты и желаемое выдавалось за действительность.

Согласно статистическим данным, за период с мая 1921 по май 1922 гг. на территорию Армянской ССР вернулось в общей сложности 95 тыс. азербайджанцев (202; 235, 103). Из них было размещено: в Иреванском уезде – 26 тысяч, Ново-Баязетском уезде – 14 тысяч, Эчмиадзинском уезде – 9,5 тысяч, Александропольском уезде – 10 тысяч, Зангезурском уезде – 15 тысяч, Даралагезском уезде – 5,5 тысяч, в Лорийском, Каракилиском и Иджеванском уездах – 15 тысяч человек

(202). В то же время, согласно переписи населения Закавказья 1926 года, в Армянской ССР было зафиксировано 84717 азербайджанцев (235, 103). Таким образом, часть азербайджанцев, вернувшихся на свои исконные земли в Армянской ССР, в период 1922-1926 гг. вновь вынуждены были покинуть их.

В обзоре о политическом положении в трех республиках Южного Кавказа – Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР на 1 января 1929 года, подготовленном Главным Политическим управлением (ГПУ) при Совете Народных Комиссаров Закавказской Федерации и направленном секретарям ЦК АКП(б) А.Караеву и Л.Мирзояну 30 января 1929 года, имеются интересные сведения о положении азербайджанского населения в Армянской ССР. Так, в обзоре отмечается о росте переселенческих настроений среди азербайджанцев, проживающих в районе Агбаба, Лори-Памбакского, Ленинанканского, Ново-Баязетского и Эчмиадзинского уездов Армянской ССР. Среди основных причин возникновения подобных настроений у населения указываются проблемы, связанные со школьным образованием, медицинским обслуживанием и обеспеченностью средствами сельского хозяйства. В районных партийных комитетах не хватало инструкторов-азербайджанцев, которых заменяли армяне, слабо знающие азербайджанский язык и потому грубо обращавшиеся с местным азербайджанским населением. Кроме того, прибывающие в Армянскую ССР беженцы-армяне размещались не только в азербайджанских селениях, но и в азербайджанских семьях, которые вынуждены были их содержать. Отмечается неискренность местных армянских властей по отношению к азербайджанцам и ведение против

них дашнакской пропаганды. Как видно из обзора, в азербайджанские селения прибывали шовинистически настроенные армянские эмиссары, которые предлагали азербайджанцам покинуть Армению, угрожая в противном случае жестокой расправой над ними. Подобные угрозы вынуждали азербайджанцев направляться в сторону Нахчывана, а население селений Таги, Назрав и Парт Эчмиадзинского уезда готовилось переселиться на территорию Турции (33, 358-364).

В целом, за годы существования советской власти в Армении соотношение численности армян и азербайджанцев менялось с каждым годом не в пользу последних. Вызывает сожаление тот факт, что в этот период в политических заявлениях и подходах лидеров Азербайджанской ССР были обойдены молчанием проблемы азербайджанского населения в Армянской ССР. Недалековидный отказ официального Баку от постановки на этом этапе вопроса о национально-культурном и территориальном самоопределении азербайджанского населения в составе Армянской ССР создает сегодня трудности при обсуждении вопроса об их статусе. С горькими уроками данной ошибки мы столкнулись в конце 80-х годов XX века, когда последний азербайджанец вынужден был покинуть свои исконные земли на территории Западного Азербайджана, а ныне Армянской Республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После оккупации Северного Азербайджана XI Красной Армией Советской России и установления здесь советской власти в апреле 1920 г. начался новый этап в истории нашего народа. Это была не просто смена политической власти, а Советская Россия положила конец независимости Азербайджана. Захватившие власть большевики начали проводить в Северном Азербайджане колониальную политику, которая лишь по форме отличалась от прежней политики русских царей, оставаясь одинаково жестокой, кровавой и лицемерной по своей сути. Особенно ярко эта политика проявила себя в вопросе межнациональных отношений, и, прежде всего, отношений армян и азербайджанцев. Советская Россия использовала территории Азербайджанской ССР в качестве разменной монеты для укрепления своей власти в регионе.

После свержения АДР Советской Россией в апреле 1920 г. военная экспансия Араратской Республики на азербайджанские земли не прекратилась. В период с апреля по ноябрь 1920 г. Советская Россия, взяв на себя роль третейского судьи в армяно-азербайджанском конфликте, а фактически представляя на них азербайджанскую сторону без участия её представителей, последовательно проводила политику уступок Араратской Республике в вопросе азербайджанских территорий. При этом исторические и демографиче-

ские факторы, определявшие принадлежность Карабаха, Зангезура, Нахчывана и других территорий Азербайджанской ССР, не рассматривались Москвой в качестве серьезных аргументов. Региональные интересы Советской России требовали союза с Араратской Республикой независимо от того, какой ориентации придерживались её правящие круги, даже если это вызывало недовольство правительства Азербайджанской ССР. Справедливые требования азербайджанского руководства во главе с Н. Наримановым восстановить власть республики над территориями Карабаха, Зангезура и Нахчывана, расценивались Москвой, как попытка реализовать под коммунистической оболочкой националистические стремления. В то же время Советская Россия, заигрывая путем двухсторонних соглашений с Араратской Республикой, рассматривала её, как потенциального союзника и региональный барьер на пути сближения Азербайджанской ССР с Турцией. Поэтому российское правительство отказывалось от безоговорочной поддержки Советского Азербайджана в его конфликте с Араратской Республикой. Таким образом, расчет азербайджанских большевиков на то, что Советская Россия предпочтет созданный ею в Северном Азербайджане коммунистический режим буржуазной Армении, исходя лишь из фактора «идеологического родства» и окажет содействие в восстановлении контроля Баку над азербайджанскими территориями, не оправдался.

После советизации Северного Азербайджана армянские коммунисты заняли ключевые посты в различных партийно-государственных и хозяйственных структурах Азербайджанской ССР. Советский террор в Азербайджанской ССР проводился в жизнь руками

армян, служивших в карательных органах – НКВД и Азчека. Объектом притязаний армян были не только земли Азербайджана, но и его основное богатство – нефть. Неравные в экономических возможностях советские республики Южного Кавказа, были искусственно уравнены в распределении природных ресурсов Азербайджанской ССР. В результате за счет части доходов, поступавших от экспорта бакинской нефти на внешних рынках, Советская Армения восстанавливала свою экономику, получала значительные финансовые поступления в бюджет.

Карательные операции вооруженных сил Араратской Республики на территории, где проживало азербайджанское население, а также военная агрессия против Советского Азербайджана стали причиной огромной гуманитарной катастрофы, сопровождавшейся гибелью мирного азербайджанского населения (детей, женщин, стариков), мощной волной беженцев, которые в основном переселялись в приграничные с Араратской Республикой районы Азербайджанской ССР, создавая здесь острую социально-экономическую напряженность. Даже после советизации Армении, лишь малая часть азербайджанских беженцев, смогла вернуться на свои исконные земли, поскольку армянское коммунистическое правительство целенаправленно заселяло эти территории армянами из других стран.

В планах Советской России и Армянской ССР было отделение от Азербайджанской ССР Нахчывана и Зангезура, для того, чтобы полностью сжечь мосты, соединяющие Азербайджан и Турцию. Военная агрессия Араратской Республики, политическое и военное давление со стороны Советской России, сосредоточе-

ние реальной власти в руководстве Советского Азербайджана в руках коммунистов некоренной национальности, стоили Азербайджану потери западной части Зангезура. Захватив западный Зангезур, Советской Армении удается отделить Нахчыван от остальной территории Азербайджанской ССР, и создав здесь армянский коридор, нарушить непосредственную связь братской Турции с Азербайджаном. Таким образом, нависла реальная угроза присоединения Нахчывана к Армении. Однако, твердая позиция турецкого правительства во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком, азербайджанского руководства во главе с Н.Наримановым, а также сопротивление населения Нахчывана предотвратили этот коварный план. Решения Московской и Карсской конференций 1921 года закрепили автономный статус Нахчывана в составе Азербайджанской ССР. В то же время, с созданием Нахчыванской АССР был создан беспрецедентный случай, когда представители титульной нации, в данном случае азербайджанцы, вынуждены были жить на территории своего государства в составе двух национальных республик – Азербайджанской ССР и Нахчыванской АССР, которые не имели непосредственных границ между собой, поскольку были отделены друг от друга территорией Армении.

Образование в 1922 году ЗСФСР и СССР, позволило Армянской ССР под предлогом экономической необходимости расширить свою территорию за счет земель приграничных уездов Азербайджанской ССР. При этом, решения принимались в административном порядке высшими органами власти ЗСФСР. Так, в 20-е годы XX века к Армянской ССР отошли ряд земель Газахского, Джебраильского, Губадлинского уез-

дов и Нахчыванской АССР.

В 1923 году армянам, единственной нации на территории бывшего СССР удастся создать за счет азербайджанских земель своё второе, после Советской Армении, национально-территориальное образование- Автономную Область Нагорного Карабаха. Следует отметить, что не меньшему по численности и компактно проживавшему в Армянской ССР азербайджанскому населению аналогичные права предоставлены не были.

Создание Автономной Области Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР в 1923 году стало причиной нарушения её территориальной целостности. Учитывая то, что с образованием СССР государственные границы между республиками Южного Кавказа стали носить чисто формальный, административный характер, проведение новых границ внутри союзных республик с их автономными образованиями, исходили, прежде всего, из имперских интересов Москвы. Искусственная армянская автономия в Нагорном Карабахе, фактически должна была играть роль «пятой колонны» и рычага политического давления Москвы на Азербайджанскую ССР в случае возможных попыток выхода последней из состава СССР. Автономная Область Нагорного Карабаха была создана на территории Азербайджанской ССР уже после её вхождения в состав СССР. Официальное наименование каждой из составляющих СССР союзных республик, автономных республик, областей и округов в обязательном порядке заключало в себе титульный этноним, что указывало их национальную принадлежность, вне зависимости от иерархического статуса того или иного субъекта – союзная республика, автономная

республика, автономная область или автономный округ. Азербайджанская ССР была единственной союзной республикой, на территории которой данный принцип был нарушен. Замещение названия этнонима топонимом в названии автономной области было спланированным шагом идеологов советской национальной политики в угоду армянским националистам. Объяснялось это, во-первых, тем, что армяне уже использовали своё право на самоопределение, когда в мае 1918 года на территории бывшей Иреванской губернии (Западный Азербайджан) создали Араратскую республику. С другой стороны, большевистское руководство в Москве понимало, что в случае, если в названии АОНК, образованного в результате искусственного соединения локально расположенных в Карабахе армянских селений, было бы указано название титульного этнонима, то возник бы юридический казус, т.е. в составе СССР существовало бы два армянских национально-территориальных образования – «Армянская ССР» и «Армянская автономная область» (т.е. АОНК). Поэтому, не указав в названии «АОНК» национальную принадлежность основного населения данной автономии, армянские националисты сумели умело завуалировать свои далеко идущие планы.

Не сумев присоединить Нагорный Карабах и Нахчыван к Армянской ССР, армяне попытались изменить демографическую ситуацию в этих районах, путем переселения сюда армян якобы вынужденных покинуть их ранее в ходе межнациональных столкновений. Умножая таким путем свою численность, армяне пытались заложить фундамент для обоснования своих новых притязаний на Нахчыван и Нагорный Карабах в будущем. В целом, с предоставлением в 1921 году

Нахчывану статуса автономии и образованием в 1923 году Автономной Области Нагорного Карабаха (АОНК) в составе Азербайджанской ССР был установлен мораторий в армяно-азербайджанском территориальном противостоянии. В условиях ужесточения начиная со второй половины 20-х годов политического режима в СССР и массовых политических репрессий во второй половине 30-х годов, любая попытка реанимации прежних проблем межнациональных отношений была чревата самыми тяжелыми последствиями для его инициаторов. Хотя, сам факт оставления Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР было расценено партийным руководством республики как достижение в борьбе за сохранение целостности своей территории, тем не менее, образование здесь автономии стало для Армении правовым основанием рассматривать принадлежность этих земель армянам. Таким образом, АОНК стало «точкой опоры» для притязаний Армении на данную территорию в течение 40-80-х годов XX века, а в период распада СССР – для проведения курса на вооруженную аннексию этого региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdullayev Ə.İ. Ermənistanın Azərbaycanca qarşı təcavüzkarlıq siyasəti (XIX əsrin sonu – XX əsr). Bakı: Elm, 1998, 320 s.
2. Alstad O. Dağlıq Qarabağ Azərbaycan SSR-də «nifaq mərkəzi»dir // «Odlar yurdu» qəz. Bakı: 1990, yanvar.
3. Arzumanlı V.M., Mustafa N.Y. Tarixin qara səhifələri: Deportasiya, soyqırım, qaçqınlıq. Bakı: Qartal, 1998, 279 s.
- 3a. Azərbaycan Kommunist Partiyasının 20-30-cü illər tarixinin bəzi məsələləri. Bakı: Bakı Universiteti nəşr., 1990, 94 s.
4. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası: 2 cild-də, I c. Bakı: Lider, 2004, 440 s.
5. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası: 2 cild-də, II c. Bakı: Lider, 2005, 472 s.
6. Azərbaycan tarixi: 7 cild-də, VI c. Bakı: Elm, 2000, 568 s.
- 6a. Azərbaycan-Türkiyə münasibətləri (1920-1922). Sənədlər və materiallar. Bakı: Orxan, 2003, 334 s.
7. Bayramova R.M. Azərbaycan rəhbərliyində ixtilaflar və daxili siyasi çəkişmələr (1920-1925-ci illər). Bakı: Elm, 2007, 196 s.
8. Bünyadov Z.M. Bir türkün 1920-ci il Qafqaz xatirələri (Həsən bəy Ağayevin Ənvər paşaya məktubu) // «Tarix» qəz., 1992, №7 (36).
9. Ermənistan azərbaycanlılarının tarixi coğrafiyası / S.C.

- Əsədovun redaktəsi ilə. Bakı: Gənclik, 1995, 464 s.
10. Əhmədova F.F. Nəriman Nərimanov – İdeal və gerçəklik (1920-ci il). Bakı: Elm və həyat, 1998, 169 s.
  11. Əliyev V.M. Zəngəzurda qalan izimiz. Bakı: Nurlan, 2004, 295 s.
  12. Hacıyev İ.M. Behbutağa Şahtaxtinski və Naxçıvanın ərazi taleyi // Dirçəliş – XXI əsr, 2004, №76-77, s.35-42.
  13. Hacıyev İ.M. Gümrü, Moskva, Qars müqavilələri və Naxçıvanın taleyi. Bakı: Elm, 1999, 36 s.
  14. Həbibəyli Z., Zəngilanlı M. Zəngəzurun qısa tarixi və coğrafiyası. Bakı: Elm, 2000, 71 s.
  15. Həsənov H.Ə. Nəriman Nərimanovun milli dövlətçilik baxışları və fəaliyyəti. Bakı: Elm, 2005, 248 s.
  16. Həsənov V.S. Azərbaycan həmkarlar ittifaqı inzibati-amirlik rejimi dövründə (XX əsrin 20-30-cü illəri). Bakı: Elm, 2004, 374 s.
  - 16a. Xəlilov A. Azərbaycan rəhbərliyində siyasi çəkişmələr. (1928-1929-cü illər) // Dirçəliş - XXI əsr, 2007, №110-111, s.117-126.
  17. İbişov F.F. Azərbaycan kəndində sosial-siyasi proseslər 1920-1930. Bakı: Mütərcim, 1996, 165 s.
  18. İbrahimli X.C. Azərbaycan siyasi mühacirəti. Bakı: Elm, 1996, 308 s.
  19. İbrahimzadə F.Z. Behbut Şahtaxtinski. Bakı: Elm, 2004, 68 s.
  - 19a. İmanov R.C. Azərbaycanın ərazi bütövlüyünə qəsd – qondarma Dağlıq Qarabağ Muxtar Vilayəti. Bakı: Adiloğlu, 2005, 260 s.
  20. Köçərli T.K. Qarabağ: Qarabağ tarixinin saxtalaşdırılması əleyhinə. Bakı: Elm, 2002, 472 s.
  21. Qasımov A.E. Cəza-İcra Hüququ tarixi: 5 cildə. V cild, 1 kitab. Bakı: Bakı Universiteti, 2004, 504 s.
  22. Qasımov M.C. Xarici dövlətlər və Azərbaycan. Bakı: Qa-

- nun, 1998, 356 s.
23. Qurbanov Ş.D. Nəriman Nərimanovu tənqid etmək heç kəsə başucalığı gətirməz // *Dirçəliş* – XXI əsr, 2001, №40, s.121-137.
  24. Qurbanov Ş.D. Nərimanovun son vuruşu və qəti qələbəsi // *Dirçəliş* - XXI əsr, 2002, №56, s. 89-101.
  25. Mahmudov Y.M. Azərbaycanın dövlətçilik tarixinə ümumi bir baxış // *Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası*. 2002, №1, s.72-85.
  26. Mahmudov Y.M., Şükürov K.K. Qarabağ: Real tarix, faktlar, sənədlər. Bakı: Təhsil, 2005, 380 s.
  27. Məmmədov İ.S., Əsədov S.C. Ermənistan azərbaycanlıları və onların acı taleyi. Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 1992, 72 s.
  28. Məmmədov İ.S. Tariximiz, torpağımız, taleyimiz. Bakı: Adiloğlu, 2002, 700 s.
  29. Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı: Nıcat, 1992, 246 s.
  30. Musayev İ.M. Azərbaycanın Naxçıvan və Zəngəzur bölgələrində siyasi vəziyyət və xarici dövlətlərin siyasəti (1917-1921-ci illər). Bakı: Bakı Dövlət Universiteti, 1996, 423 s.
  31. Niftəliyev İ.V. Azərbaycan SSR-in Sovet Rusiyasında səlahiyyətli nümayəndəsi B.Şahtaxtınskinin respublikanın ərazi bütövlüyü uğrunda mübarizəsi // *Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası*. 2005, №3, s.151-157.
  32. Niftəliyev İ.V. Naxçıvanda və Dağlıq Qarabağda ermənilərin yerləşdirilməsi məsələsi. XX əsrin 20-ci illəri // *Dirçəliş* - XXI əsr, 2005-2006, №94-95, s.147-151.
  33. Paşayev A.Ə. Açılmamış səhifələrin izi ilə. Bakı: Azərbaycan, 2001, 536 s.
  34. Rəfiyev B. Aysberqin sualtı hissəsi. Bakı: Azərneşr,

- 1995, 56 s.
- 35.Rəhimov K.N., Sadıqov S.H. Naxçıvan 1920-ci illərin burulğanında // *Dirçəliş*, 1992, №1, s. 40-46.
- 36.Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan Cümhuriyyəti. Bakı: Elm, 1990, 113 s.
- 37.Rəsulzadə M.Ə. Əsrimizin Səyavuşu. Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı. Çağdaş Azərbaycan tarixi. Bakı: Gənclik, 1991, 112 s.
- 38.Sadıqov S.H. Həqiqəti bilməli // *Azərbaycan kommunisti*, 1990, №11, s.71-80.
- 39.Sadıqov S.H. Naxçıvan Muxtar Respublikası tarixindən. Bakı: Elm, 1995, 142 s.
- 40.Yüzbaşov R. Dağlıq Qarabağ Muxtar Vilayətinin toponimikası // *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri (Yer haqqında elmlər seriyası)*, 1969, №2, s. 87-93.
- 40a.Vandalizm: tarixi adlara qarşı soyqırımını / İdeya və ön sözün müəllifi Y.M.Mahmudov. Tərtib edəni N.Y.Mustafa. Bakı: Təhsil, 2006, 91 s.
- 41.Zeynalova T.M. Azərbaycanda dövlət quruculuğu tarixindən (1920-1930). Bakı: Elm, 2004, 176 s.

Türk dilində:

- 42.Adıgüzel H. Neriman Nerimanov: Hayatı ve Mücadilesi. İstanbul: Engin Yayıncılık Matbaası, 2004, 454 s.
- 43.Atatürk M.K. Nutuk: 3 ciltte, III c. Ankara: Milli Eğitim basımevi, 1987, 290 s.
- 44.Cebesoy F.A. Moskova hatıraları. İstanbul: Vatan neşriyatı, 1955, 348 s.
- 45.İşvar Ö.Ğ. Sovyet-Rus Dış politikası və Karabağ sorunu. İstanbul: Motiv Matbaacılık, 2004, 697 s.
- 46.Saray M. Atatürkün Sovyet politikası. Ankara: Domba neşri-

- yati, 1990, 137 s.
47. Ünvər V. İstiklal harbimizdə bolşeviklərlə 8 ay. 1920-1921. İstanbul: Göçebe Yayınları, 1948, 87 s.
- 47a. Ünvər V. Naxçıvan: təlatüm və burulğanlar (1920-1921). Naxçıvan: "Əsəmi" nəş., 2006, 104 s.

На русском языке:

48. Авдеев М.Н. Миграция населения Закавказья за время революции // Газ. «Жизнь Национальностей», Тифлис, 1922, 22 марта.
49. Аветисян Г.А. История наша память и мощное оружие // Газ. «Коммунист» (Армения), 1988, 11 октября.
50. Агаян Ц.П. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти. Ереван: АН Армянской ССР, 1962, 449 с.
- 50а. Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. Итоги по сельским обществам во вновь образованных уездах АССР, Нагорного Карабаха и по тем (основным) уездам, в которых произошли изменения границ. Т. III. Вып. XVII, Баку: АзЦСУ, 1924, 261с.
51. Акопян А.М., Эльчибекян А.М. Очерки истории Советской Армении. Ереван: Айпетрат, 1955, 256 с.
52. Алиев Г.А. Из речи президента Азербайджанской республики на торжественном заседании посвященном 80-летию образования Азербайджанской Демократической республики // Возрождение – XXI век, 1998, №5, с.3-13.
53. Алиев Г.А. Из речи президента на встрече с интел-

- лигенцией // Газ. «Бакинский рабочий», 1999, 12 ноября.
54. Алиев И.Г. Нагорный Карабах: история, факты и события. Баку: Элм, 1989, 103 с.
- 54а. Архипова Е. Границы между Азербайджаном, Грузией и Россией: Советское наследие // Центральная Азия и Кавказ, 2005, №6, с.36-46.
55. Асадов С.Д., Мамедов И.С. Терроризм: причина и следствие. Баку: Азербайджан, 2001, 248 с.
56. Ататюрк М.К. Избранные речи и выступления. М.: Прогресс, 1966, 438 с.
57. Багиров Ю.А. Из истории советско-турецких отношений в 1920-1921 гг. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1965, 144 с.
58. «Бакинский рабочий», 1924, 15 февраля.
59. «Бакинский рабочий», 1924, 21 июля.
60. «Бакинский рабочий», 1924, 26 ноября.
61. Балаев А.Г. Азербайджанское национальное движение от «Мусавата» до Народного фронта. Баку: Элм, 1992, 103 с.
- 61а. Балаев А.Г. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года. М: Флинта, 2008, 56 с.
62. Барсегян Х. А. Изучая историю. Интернационализм и армянская советская историография // Газ. «Коммунист» (Армения), 1988, 15 июня.
63. Барсегян Х. А. Истина дороже // Газ. «Коммунист» (Армения), 1988, 29 сентября.
64. Барсегян Х.А. Межнациональным проблемам – справедливое решение // Газ. «Коммунист» (Армения), 1989, 21 июня.
- 64а. Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов /Составители: А.В.Ква-

- шонкин, О.В.Хлевнюк, Л.П.Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996, 423 с.
65. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918-1920. Документы и материалы. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1967, 569 с.
66. Борьян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР: В 2-х томах. Т.1. М.; Л.: Гиз, 1928, 447 с.
67. Вартанян С. Победа Советской власти в Армении. Ереван: Айпетрат, 1959, 522с.
68. В братской семье (посвящено 50 летию НКАО). Баку: Азернешр, 1973, 102 с.
69. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник документов / Под ред. А.Н.Мнацаканяна. Ереван: Айпетрат, 1957, 682 с.
- 69а. XVIII Бакинская конференция Азербайджанской Коммунистической партии (б). 19-31 января 1929 года. Стенографический отчет. Баку: Красный Восток, 1929, 760 с.
70. Гаджиев А., Агаев В. Геростратова слава // Газ. «Бакинский Рабочий», 1992, 12 мая.
71. Гаджиев А. Московский и Карсский договоры: История, суть и правовая незыблемость; <http://www.irs-az.com>
72. Галоян Г.А. Борьба за Советскую власть в Армении. М.: Госполитиздат, 1957, 256 с.
73. Галоян Г.А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М.: Мысль, 1977, 293 с.
74. Галоян Г.А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье 1900-1922 гг. Ереван: Айастан, 1969, 508 с.
75. Гейдаров Н.Г. В горах Зангезура. Баку: Азернешр, 1986, 232 с.

76. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарии / Ред. и сост. Ю.Г. Барсегов. В 2 т. Т. 2, ч. 1. М.: Гардарики, 2003, 912 с.
77. Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР): ГААР: Ф. 27, оп. 4, д. 13.
78. ГААР: Ф. 27, оп. 4, д. 17.
79. ГААР: Ф. 27, оп. 4, д. 20.
80. ГААР: Ф. 27, оп. 4, д. 37.
81. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 40.
82. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 42.
83. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 55.
84. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 67.
85. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 68.
86. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 70.
87. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 81.
88. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 99.
89. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 102.
90. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 104.
91. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 116.
92. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 127.
93. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 155.
94. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 170.
95. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 201.
96. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 203.
97. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 207.
98. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 219.
99. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 223.
100. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 226.
101. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 230.
102. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 234.
103. ГААР: Ф. 28, оп. 1, д. 569.
104. ГААР: Ф. 28, оп. 2, д. 27.

- 104а.ГААР: Ф. 29, оп. 1, д. 85.
105.ГААР: Ф. 379, оп. 1, д. 7481.
106.ГААР: Ф. 379, оп. 1, д. 7483.
107.ГААР: Ф. 379, оп. 40, д. 12.
108.ГААР: Ф. 379, оп. 40, д. 45.
109.ГААР: Ф. 410, оп. 1, д. 98.
110.ГААР: Ф. 410, оп. 1, д. 106.
111.ГААР: Ф. 410, оп. 1, д. 148.
112.ГААР: Ф. 410, оп. 1, д. 350.
113.ГААР: Ф. 420, оп. 1, д. 3.
114.ГААР: Ф. 420, оп. 1, д. 5.
115.ГААР: Ф. 1009, оп. 1, д. 3.
116.ГААР: Ф. 1009, оп. 1, д. 14.
116а.ГААР: Ф. 2502, оп. 1, д. 20.
116б.ГААР: Ф. 2502, оп. 2, д. 26.
117.Государственный Архив Политических партий и
Общественных движений Управления делами
Президента Азербайджанской Республики
(ГАППОДУДПАР): Копийный фонд №318.
118.ГАППОДУДПАР: Копийный фонд №354.
119.ГАППОДУДПАР: Копийный фонд №409.
120.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 2(а).
121.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 14.
122.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 18.
123.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 22.
124.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 23.
125.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 24.
126.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 81.
127.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 86.
128.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 103.
129.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 108.
130.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 126.
131.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 141.

- 132.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 1, д. 179.
- 133.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 1.
- 134.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 14.
- 135.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 16.
- 136.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 18.
- 137.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 24.
- 138.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 24(a).
- 139.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 59.
- 140.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 74.
- 141.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 96.
- 142.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 98.
- 143.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 103.
- 144.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 2, д. 156.
- 145.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 43.
- 146.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 123.
- 147.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 127.
- 148.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 129.
- 149.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 131.
- 150.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 132.
- 151.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 133.
- 152.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 134.
- 153.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 135.
- 154.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 136.
- 155.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 137.
- 156.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 139.
- 157.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 142.
- 158.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 145.
- 159.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 74, д. 148.
- 160.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 22.
- 161.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 315.
- 162.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 329.
- 163.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 338.
- 164.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 340.

- 165.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 428.
- 166.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 489.
- 167.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 85, д. 538.
- 168.ГАППОДУДПАР: Ф. 1, оп. 169, д. 249.
- 169.ГАППОДУДПАР: Ф. 89, оп. 1, д. 5.
- 170.ГАППОДУДПАР: Ф. 89, оп. 1, д. 8.
- 171.ГАППОДУДПАР: Ф. 95, оп. 1, д. 1.
- 171а.ГАППОДУДПАР: Ф. 276, оп. 3, д. 87.
- 172.ГАППОДУДПАР: Ф. 276, оп. 9, д. 15.
- 173.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 2.
- 174.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 15.
- 175.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 21.
- 176.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 24.
- 177.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 32.
- 178.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 36(а).
- 179.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 53.
- 180.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 62.
- 181.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 70.
- 182.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 71.
- 183.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 80.
- 184.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 83.
- 185.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 84.
- 186.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 94.
- 187.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 101.
- 188.ГАППОДУДПАР: Ф. 609, оп. 1, д. 106.
- 189.Гулиев Дж.Б. Армянская агрессия: её истоки, намерения и цели // Газ. «Бакинский рабочий», 1992, 8 января.
- 190.Гулиев Дж.Б. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку: Азернешр, 1970, 706 с.
- 191.Гулиев Дж.Б. К истории образования второй республики Азербайджана. Баку: Элм, 1997, 163 с.

192. Гулиев Дж.Б. Под знаменем ленинской национальной политики. Баку: Азернешр, 1972, 458 с.
193. Гулиев Дж.Б. Политика, которая «больше и больше всего ударила по мусульманству» // Газ. «Бакинский рабочий», 1992, 18 августа.
194. Гулиев Дж.Б. С позиции интернационализма. К истории образования НКАО // Газ. «Бакинский рабочий», 1988, 14 июля.
195. Гусейнов Р.А., Вердиева Х.Ю. Родословная армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку: Элм, 2003, 168 с.
196. Дашнаки пишут историю // Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1923, 26 сентября.
197. Декреты Азревкома 1920-1921. Сборник документов. Баку: Азернешр, 1989, 516 с.
- 197а. Джаббаров Ф.Р. Бакинская нефть в политике Советской России (1917-1922 гг.). Баку: 2009, 260 с.
198. Джабиев Г. Карабахский вопрос и очередные задачи нашей партии // Газ. «Бакинский рабочий», 1923, 21 ноября.
199. Доклад Особой комиссии по обследованию Нахичеванской Автономной Советской Социалистической республики. Баку: Бакинский рабочий, 1925, 106 с.
200. Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Политиздат, 1958, 803 с.
201. Документы внешней политики СССР. Т. IV. М.: Политиздат, 1960, 836 с.
202. «Заря Востока», Тифлис, 1922, 13 октября.
203. Зограбян Э.А. Территориально-разграничительные вопросы на второй Московской русско-турецкой конференции (февраль-март 1921г.) // Вестник общественных наук Академии наук Армян-

- ской ССР, 1989, №2, с. 3-16.
204. Золян С. Нагорный Карабах: проблема и конфликт. М.: Лингва, 2001 // <http://www.armenianhouse.org>
205. Иголкин А. Московский договор с Турцией. Взгляд из России через 77 лет. // Армянский вестник, 1999, №1-2; <http://www.hayastan.ru>
206. Иголкин А. Независимое Закавказье в 1917-1921 гг. // Армянский вестник, 1998, №1; <http://www.hayastan.ru>
207. Инджикян О.Г. Армянский вопрос и советско-турецкие отношения // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР, 1988, №6, с.3-17.
208. Интернациональная помощь XI Армии в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Документы и материалы (1920-1921). Баку: Азернешпр, 1989, 195 с.
209. Исмаилов М.А. Правда об армянской агрессии. Баку: Азернешпр, 1996, 105 с.
- 209а. Исмаилов Э.Р. Народ и власть. Послевоенный сталинизм в Азербайджане 1945-1953. Баку: Адилоглы, 2003, 344 с.
210. История Азербайджана: В 3-х томах. Т.3, ч.1. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1963, 538 с.
211. История Азербайджана по документам и материалам. Баку: Элм, 1990, 384 с.
212. Исторические факты о деяниях армян на азербайджанской земле /Ред.составители Т.А.Мусаева, А.А.Мамедов. Баку: Нурлан, 2003, 353 с.
213. Казанджян Р. К вопросу о так называемом мирном договоре между РСФСР и дашнакской Арменией от 28 октября 1920 г. // Вестник Общественных наук Академии наук Армянской ССР, 1982, №11,

- с.38-46.
- 214.Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье (1917-1921) // Литературный Азербайджан, 1993, №7-8, с. 44-65.
- 215.Карабахская хроника; <http://www.irs-az.com>.
- 216.Карабахский вопрос. Истоки и сущность в документах и фактах /Ред.кол. В.А.Товмасян и др. Степанакерт: Арцах, 1991, 158 с.
- 217.Карапетян С.Х. Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Ереван: Айпетрат, 1959, 466 с.
- 218.Качазнуни Ов. Дашнакцутюн больше нечего делать. Баку: Элм, 1990, 92 с.
- 219.К истории образования Нагорно-Карабахской Автономной Области Азербайджанской ССР 1918-1925. Документы и материалы. Баку: Азернешпр, 1989, 334 с.
- 220.«Коммунист», 1920, 15 октября.
- 221.«Коммунист», 1920, 29 октября.
- 222.«Коммунист», 1920, 2 декабря.
- 223.«Коммунист», 1921, 21 июня.
- 224.Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1, Баку: Азернешпр, 1986, 675 с.
- 225.Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. Статистический сборник. Баку: Азербайджанское Государственное издательство, 1970, 161с.
- 226.Конфликт в Нагорном Карабахе. Сборник статей / Под ред. И.Ш.Шукюрова. Баку: Азернешпр, 1990, 268 с.
- 227.Кочарян Г.А. Нагорный Карабах. Баку: Общество исследования и изучения Азербайджана, 1925, 68 с.
- 228.Лалаян А.А. Контрреволюционная роль партии Дашнакцутюн // Известия АН Азербайджанской

- ССР. Серия Истории, философии и права, 1990, №1, с. 41-65.
229. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51, М.: Политиздат, 1961, 573 с.
230. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 53, М.: Политиздат, 1965, 545 с.
231. Ленин о Закавказье. Ереван: Госиздат, 1963, 502 с.
232. Мадатов Г.А. Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1968, 187 с.
233. Мамедова Ш.Р. Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане 1920-1930 гг. Баку: Адилоглу, 2004, 319 с.
234. Микаэлян В.А., Хуршудян Л.А. Некоторые вопросы истории Нагорного Карабаха // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР, 1988, №4, с. 43-56.
- 234а. Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999, 612 с.
<http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/index.html>
235. Мустафа Н. Репрессии против азербайджанцев на территории нынешней Армении в 1920-1930 гг. // Азербайджан и азербайджанцы, 2001, №7-8, с.101-111.
236. Мустафазаде Р. Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М.: МИК, 2006, 356 с.
237. Мясников А.Ф. Избранные произведения. Ереван: Айастан, 1965, 708 с.
238. Нагорный Карабах в годы Советской власти. Краткий статистический сборник. Степанакерт: Статуправление НКАО, 1968, 229 с.
239. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг.: Сборник доку-

- ментов и материалов /Отв. ред. В.А.Микаэлян. Ереван: АН Армении, 1992; <http://www.arsakhworld.com>
- 240.Нагорный Карабах. Историческая справка. Ереван: АН Армянской ССР, 1988, 94 с.
- 241.Нагорный Карабах: разум победит. Документы и материалы. Баку: Азернешпр, 1989, 444 с.
- 242.Наджафов Б.И. Лицо врага: В 2-х частях. Ч.2. Баку: Шарг-Гарб, 1994, 336 с.
- 243.Наджафов Б.И. Переселение армян в Нагорно-Карабахскую область Азербайджана в середине 20-х годов XX века // История и её проблемы, 2001, №3-4, с. 71-73.
- 244.Намазов Э. Зангезурский клин // Газ. «Бакинский рабочий», 1989, 29 ноября.
- 245.Намазов Э. Историческая ошибка или история ошибок: Вхождение НКАО в состав Азербайджана // Газ. «Бакинский рабочий», 1988, 24 ноября.
246. Намазов Э. Сталин, Кавбюро, Нагорный Карабах. Газ. «Бакинский рабочий», 1989, 22 ноября.
- 247.Нариманов Н.Н. Избранные произведения: В 2-х томах. Т. 2. Баку: Азернешпр, 1989, 768 с.
- 248.Нариманов Н.Н. К истории нашей революции на окраинах. Баку: Гурум национальное творчество Азербайджана, 1990, 138 с.
- 249.Нифталиев И.В. Азербайджанская дипломатическая миссия в Армении после апрельской оккупации 1920 г. // История и её проблемы, 2006, №1, с.74-78.
- 250.Нифталиев И.В. Нефтяной фактор во взаимоотношениях Азербайджана и Армении // Вестник Бакинского Университета. Серия гуманитарных наук. 2003, №4, с. 216-219.
- 251.Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи: В 2-х томах. Т.1,

- М.: Госполитиздат, 1956, 516 с.
- 251а. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку: Азгосиздат, 1963, 771 с.
252. Победа Советской власти в Закавказье / Под ред. И.И. Минц. Тбилиси: Мецниереба, 1971, 682 с.
253. Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.). Краткая хронологическая энциклопедия. Баку: Элм, 2002, 395 с.
254. Проект мирного договора между РСФСР и Республикой Армения // Армянский вестник, 2002, №1-2; <http://www.hayastan.ru>
255. Рафиев Б. 1920-й голодный и обобранный // Газ. «Вьшка», 1992, 26 мая.
256. Светоховский Т. Русский Азербайджан. 1905-1920 гг. // Хазар, 1990, №3, с.33-61.
- 256а. VII Общебакинская партийная конференция АКП (июнь 1921 г.). Стенографический отчет. Баку: Агиотдел Бакинского комитета, 1922, 42 с.
- 256б. XVII Общебакинская партийная конференция АКП (28 октября-6 ноября 1927 г.). Стенографический отчет. Баку: Красный Восток, 1927, 441 с.
257. Скибицкий А.М. Карабахский кризис // Газ. «Союз», 1991, №7, с. 3-8.
258. События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов / Под ред. М.А. Исмаилова. Баку: Элм, 1989, 90 с.
259. Советский Нагорный Карабах. Торжество ленинской национальной политики. Баку: Азернешр, 1983, 168 с.
260. 40 лет Нагорно-Карабахской автономной области. Баку: Азернешр, 1963, 47 с.
- 260а. Социалистическое строительство АССР. Стати-

- стический сборник. Баку: Аз.УНХУ, 1935, 430 с.
261. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1947, 437 с.
262. Сталин И.В. Сочинения Т. 5. М.: Госполитиздат, 1947, 446 с.
263. Султанов Ч.А. Нашествие;
<http://www.sultanov.azeriland.com>
- 263а. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских социалистических Республик. Сборник документов. Т. VI. М.: Юридическая литература, 1964, 820 с.
264. Таирян И.А. XI Красная Армия в борьбе за установление и упрочение советской власти в Армении. Ереван: Айастан, 1971, 319 с.
265. Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1957, 332 с.
266. XIII общебакинская партийная конференция. Стенографический отчет Баку: Бакинский рабочий, 1924, 266 с.
267. Хармандарян С.В. Ленин и становление Закавказской федерации 1921-1923 гг. Ереван: Айастан, 1969, 459 с.
- 267а. Хармандарян С.В. Сплочение народов в строительстве социализма (опыт ЗСФСР). М.: Наука, 1982, 288 с.
268. Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока в 1921-1927. М.: Наука, 1968, 325 с.
269. Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока 1918- 1920 гг. М.: Наука, 1964, 471с.
270. Ходжабемян В., Асатрян Б. Из истории армянского населения Нахичевана // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР, 1988, №6

с.18-28.

- 271.Худавердян Б.А. Из истории освобождения Зангезура // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР, 1967, №2, с. 3-15.
- 271а.Хуршудян Л.А. Истина – единственный критерий исторической науки. Ереван: Ереванский Университет, 1989; <http://www.karabah88.ru/history.html>
- 272.Хуршудян Л.А. Национальный вопрос вчера и сегодня // Газ. «Коммунист» (Армения), 1989, 2 июня.
- 273.Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соц.Экгиз, 1961, 516 с.
- 274.Чурсин Г.Ф. Армяне Зангезура // Тбилиси: Отд. оттиск «Научных записок», 1931, 263 с.
- 275.Шагинян М.С. Советское Закавказье. Очерки. Ереван: Армгиз, 1946, 426 с.
- 276.Шахдин И. Дашнакцутюн на службе русской белогвардейщины и английского командования на Кавказе. Тифлис: Заккнига, 1931; <http://karabakh-doc.azerall.info>
- 277.Шахназаров Н.С. Нагорно-Карабахская Автономная область. Баку: Азернешр, 1960, 85 с.
- 278.XVI Общебакинская партийная конференция АКП(б). 27 декабря-6 января 1927 г. Стенографический отчет. Баку: Красный Восток, 1927, 445 с.

NİFTƏLİYEV İ.V.

AZƏRBAYCAN SSR ERMƏNİLƏRİN
EKSPANSİYA PLANLARINDA
(XX əsrin 20-ci illəri)

XÜLASƏ

XX əsrin 80-ci illərində *Sovetlər İttifaqında, o cümlədən də Azərbaycanda milli zəmində* baş qaldırılmış münaqişələr vaxtilə yasaq *olunmuş* tarixi mövzuların araşdırılmasını aktuallaşdırdı. Bu təsadüfi deyildi, çünki *kommunist ideologiyasının hökm sürdüyü bir ölkənin* milli siyasəti ayrı-ayrı xalqların milli şüurunun inkişafına deyil, yeni tarixi birliyin – sovet xalqının yaranmasına yönəlmişdir ki, burada da hər hansı millətlərarası ziddiyyətlərdən, münaqişələrdən söz gedə bilməzdi. Sovet tarixşünaslığında milli münasibətlər məsələsinə «Lenin milli siyasətinin qələbəsi», «sarsılmaz xalqlar dostluğu», «vahid sovet ailəsi» nöqtəyi-nəzərindən baxılırdı.

Bu dövrdə qələmə alınan əsərlər ilk baxışdan tarixi sənədlər və materiallarla zəngin olsalar da, onların Kommunist partiyasının sifarişlərinə müvafiq surətdə *yazılması* səmərəli elmi axtarışlar *aparmağa* imkan verməmişdir. Nəticədə tariximizin bir çox vacib məqamlarına, o cümlədən, Azərbaycan-erməni münasibətlərinin tarixinə aydınlıq gətirilməmiş, tarixi hadisələrin izahı, şərhı saxtalaşdırılmış, araşdırmalarda tarixi həqiqətdən çox ideologiyaya üstünlük verilmişdir.

Təqdim olunan monoqrafiya XX əsrin 20-ci illərində

ermənilərin *Azərbaycan SSR-ə qarşı* ekspansiya *planlarına* həsr *edilib*.

Tədqiqatın əsas məqsədi *bu planların* həyata keçirilməsinin əsas istiqamətlərini və *xüsusiyyətlərini* hərtərəfli araşdırmaq, erməni tarixçilərinin problemlə bağlı saxtakarlıqlarını ifşa etmək, *əvvəllər* tarixşünaslıqda qeyri-obyektiv *ışıqlandırılan* məsələləri yenidən tədqiq etməkdir. Bu məqsəddən irəli gələrək monoqrafiyada aşağıdakı konkret vəzifələri yerinə yetirmək təşəbbüsü göstərilmişdir:

- Ararat Respublikasının *Azərbaycan SSR-ə* qarşı hərbi təcavüzü şəraitində Zəngəzur, Qarabağ, Naxçıvan bölgələri ətrafında yaranmış hərbi-siyasi vəziyyəti *araşdırmaq*;

- 1920-ci ilin aprel-noyabr aylarında Sovet Rusiyasının Ermənistan-Azərbaycan ərazi münaqişəsində vasitəçilik rolunu açıqlamaq;

- Zəngəzurun qərb hissəsinin Ermənistana birləşdirilməsini və bunun həmin bölgədə yaşayan azərbaycanlılar üçün ağır nəticələrini ışıqlandırmaq;

- Azərbaycanın və Ermənistanın sovetləşməsindən sonra Dağlıq *Qarabağla* bağlı hər iki respublikanın partiya rəhbərliyində Mərkəzin iştirakı ilə gedən müzakirələr və qəbul *olunan* qərarların əsas nəticələrini göstərmək;

- 20-ci illərin əvvəllərində beynəlxalq müqavilə və konfranslarda (Moskva və Qars) *Naxçıvan məsələsinin*, həmin müqavilələrin şərtlərinin sonrakı dövrlərdə sovet rəhbərliyi, ermənilər tərəfindən dəfələrlə pozulması *hallarını* və onların *nəticələrini* tədqiq etmək;

- *20-ci* illərin birinci yarısında Dağlıq Qarabağda ermənilərin separatçılıq *fəaliyyətini*, onların Azərbaycan *SSR-in* bir sıra bölgələrindən və Ermənistan SSR-dən Dağlıq Qarabağın Muxtar vilayətinə və Naxçıvan *MSSR-ə* köçmək cəhdlərini açıqlamaq;

- Cənubi Qafqaz federasiyasının yaranmasından sonra Azərbaycan ilə Ermənistan arasında baş vermiş sərhəd dəyişikliklərini araşdırmaq;

- XX əsrin 20-ci illərində Sovet **Azərbaycanın** partiya-dövlət strukturlarında yüksək vəzifələr tutmuş erməni kommunistlərinin fəaliyyətini işıqlandırmaq;

- Bakı neftinin Ermənistan iqtisadiyyatının dirçəlməsində rolunu göstərmək;

- Ararat Respublikasının hərbi təcavüzünün humanitar sahədə törətdiyi faciələri – azərbaycanlılara qarşı qırğınlar, qaçqınlıq və s. problemləri yeni faktlar əsasında işıqlandırmaq.

Monoqrafiyada bir sıra yeni elmi problemlər araşdırılmış və **vaxtilə** işıqlandırılan bəzi məsələlər müasir baxımdan öyrənilmişdir.

Toplanan faktiki materialdan və **gəlinən** nəticələrdən Azərbaycan tarixi əzrə ümumiləşdirilmiş əsərlərin, ali və orta məktəb dərsliklərinin yazılmasında istifadə oluna bilər.

NIFTALIYEV I.V.

**THE AZERBAIJAN SOVIET SOCIALIST
REPUBLIC IN EXPANSION PLANS OF
ARMENIANS**

(20th years of the XX century)

SUMMARY

The 80th years XX of a century which have begun in the eighties in Soviet Union, including in Azerbaijan international conflicts have made actual research of historical problems which long time were under an interdiction. It was not casual, as in the country where the communistic ideology dominated, the national policy was reduced not to development of national consciousness of the separate people, and creation of a new historical generality of the-Soviet people. Here could not be and speeches about existence of any international contradictions and conflicts. In the Soviet historiography the problem of international relations was considered through a concept prism «Celebrations Lenin the national policy», «indestructible friendship of the people», «a uniform Soviet family». Though works of the given period were rich with documents and the materials, however written according to Communist party requirements, they lost scientific value. As a result, many important stages of our history, in history of the Azerbaijan-Armenian relations have not been comprehensively studied, events were made comments односторонне, in researches the ideology, than true more prevailed.

The presented monography is devoted a problem «the

Azerbaijan Soviet Socialist Republic in expansion plans of Armenians in the twenties the XX centuries». The research Main objective – to define directions and features экспансионистских plans of Armenians, to expose falsifications of the Armenian authors on a studied problem, to consider from new positions the questions earlier biasedly taken up in a historiography.

In this monograph was showed initiative to fitful these concrete position:

- to show of Ararat Republic to Azerbaijan Republic against military aggression situation Zangazur, Qarabagh, Nakhchivan regions origin military-political position;

- to open role of mediation Soviet Russia Armenian-Azerbaijan territory conflict in 1920 year in April-November months;

- to light of Zangazur of west part to Armenian united and seriously result lived for Azerbaijanis in same region;

- to show after to sovietize of Azerbaijan and Armenian about Upper Qarabagh both party leaders of republics with the participation of “Center” carried discussion and base result decision;

- to analysis the question of Nakhchivan region (Moscow and Gars) international treaty and conference, treaties of the same terms next period soviet leader also their result and several time to throw situation from Armenia in 1920 year;

- to open separatist activities of Armenian in Upper Qarabagh of XX century in 1920 years, to remove efforts their from some regions of Azerbaijan SSR and from Armenian SSR to regional Upper Qarabagh and Nakhchivan ASSR;

- to investigate to happen border changes between Azerbaijan and Armenian after created of federation South Caucasus;

- to light to fill high a position in Soviet Azerbaijan party-state structure Armenian communist activities of XX century in 1920 years;

- to show a role of Baku petrol to revive economics in Armenia;

- to shine humanitarian consequences of military aggression of Araraty Republic: a genocide against Azerbaijanians, a refugee problem and other questions on the basis of the new facts.

In monograph got factual material and come to conclusion were generalized plays of Azerbaijan history also used to wrote textbook in higher education and secondary school.

Kompüter yığımı: **Ruqiyyə Talibova**
Kompüter dizaynı: Aynur Məhərrəmli

Yığılmağa verilmişdir: — 5 fevral 2010
Çapa imzalanmışdır: – 15 mart 2010

Sifariş: №
Formatı: 60/84 – $\frac{1}{16}$. Həcmi: 18,5 ç.v. Tirajı: 500
Qarnitur «Book Antiqua»

Kitab Azərbaycan MEA A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutunun
Elmi İnformasiya mərkəzində yığılıb-səhifələnmiş və
«Nurlan» nəşriyyat-poliqrafiya müəssisəsində
hazır diapozitivlərdən çap edilmişdir.
Müəssisənin direktoru professor N.B.Məmmədli
Tel. 497-16-32; 427-44-61; 050-311-41-89
Ünvan: Bakı, İçərişəhər, 3-cü Maqomayev küç., 8-ci döngə, ev 4

İlqar Vahid oğlu Niftəliyev

*Azərbaycan SSR ermənilərin ekspansiya planlarında
(XX əsrin 20-ci illəri)*

*Rus dilində
Bakı – 2010*

